Академик С. Ф. Платонов

Смутное время

Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков

Москва
«АИРО–XXI»

«Дмитий Буланин»
С.-Петербург

2007

«Из русского прошлого»

Академик С. Ф. Платонов

Смутное время

Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков

Москва **2007** **С.-Петербург**

«Из русского прошлого»

Дизайн обложки *К. Струков*

С. Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М.: «АИРО–XXI»; СПб.: «Дмитрий Буланин». 2007 г. – 204 с.

Современному читателю предлагается краткий рассказ о событиях Смутного времени, пережитого Московским государством на рубеже XVI и XVII столетий, написанный известным русским историком, академиком С. Ф. Платоновым и увидевшем свет в 1923 году.

Автор стремился построить свое изложение так, чтобы оно знакомило читателя не только с ходом московской смуты, но и с ее происхождением и результатами.

ISBN 978-5-91022-031-1
ISBN 978-5-86007-547-4

Составитель: А. Г. Макаров

© А. Г. Макаров, составление, 2007 г.
© «АИРО–XXI», 2007 г.
© «Дмитрий Буланин», 2007 г.

Оглавление

Глава первая
Московское государство перед смутой

I. Московское государство сложилось из двух «половин». 1. Земля Низовская или Замосковье; колонизация края и княжеские уделы; образование национального государства. 2. Земля Новогородская; характер Новгородской торговли; новгородское боярство и колонизация Севера; Московское завоевание. 9

II. В XVI веке все коренные области Московского государства переживают кризис. 1. Княжеская знать и опричнина Грозного. 2. Поместная система и крестьянская «крепость». 3. Крестьянский «выход» и опустение Московского центра. 4. Московский город в XVI веке. 27

III. Население из коренных областей перемещается на окраины. 1. Колонизация «Низа» и «Поля» и ее особенности; казачество. 2. Меры правительства по обороне и эксплоатации Поля; десятинная пашня. 42

IV. 1. Итоги кризиса и предчувствие смуты. 2. Общий ход развития смуты. 50

Глава вторая
Первый период смуты – смута династическая

I. Борьба боярских кружков за влияние во дворце начинается тотчас по смерти Грозного. 1. Знать княжеская и знать дворцовая. 2. Борис Федорович Годунов – регент; его политическая роль. 3. Годуновы и Романовы; смерть Угличского князя «царевича» Димитрия. 56

II. Открытая борьба за престол начинается со смерти царя Федора Ивановича. 1. Избирательная кампания 1593 года; торжество Бориса и падение Романовых. 2. Самозванец; его появление и вероятное происхождение. 3. Поход Самозванца на Москву. 4. Смерть Бориса и падение Годуновых. 5. Правление Самозванца и его свержение; роль князя В. И. Шуйского. 71

Глава третья
Второй период смуты – социальная борьба

I. Воцарение князя Василия Ивановича Шуйского служит поводом к народному восстанию. 1. Обстановка воцарения Шуйского. 2. Движе-

ние на Поле и в других областях. 3. Болотников и «воры» под Москвою в Калуге и Туле; его поражение. 99

II. Неудача первого восстания совпадает с началом второго, более сложного. 1. Второй Лжедимитрий; «литва» и поляки в его войске. 2. Его война с царем Василием; Тушино и блокада Москвы. 3. Перенесение борьбы на Север; победа царя Василия. 116

III. Московское междоусобие вызывает вмешательство короля Сигизмунда. 1. Падение Тушина и договор Тушинской знати с королем в феврале 1610 г. 2. Поражение войск царя Василия при Клушине и свержение царя Василия. 130

Глава четвертая

Третий период смуты – борьба за национальность

I. Москва ищет выхода из смуты в династической унии с Речью Посполитою. 1. Избрание в цари королевича Владислава и посольство к Сигизмунду. 2. Политика короля; занятие Москвы поляками и выступление против них патриарха Гермогена. 142

II. Политика короля Сигизмунда возбуждает против него народное восстание 1. Образование земского ополчения и его пестрый состав. 2. Осада Москвы и земское правительство. 3. «Приговор» 30 июня 1611 г.; распад ополчения вследствие внутренней розни; торжество казаков. 152

III. Неудача первого восстания вызывает его более удачное повторение. 1. Роль духовенства в 1611 г.; «грамотка» Гермогена. 2. Нижегородское движение; его деятели; его программа. 3. Образование в Ярославле временного правительства («вся земля») и его политика. 4. Его победа над казаками и поляками; освобождение Москвы. 162

IV. Временное правительство избирает царя. 1. Созыв земского собора; его состав. 2. Ход избирательной мысли на соборе. 3. Кандидатура Михаила Федоровича Романова и его избрание. 176

Глава пятая

Последствия смуты

1. База новой власти – средние классы. Смена правящего класса: падение боярства и успехи поместного дворянства. Созданная смутою связь дворянства с посадским населением. Поражение казачества. 2. Смута содействует росту политического сознания и самодеятельности в Московском обществе. Местные советы в смутное время и «вся земля». 3. Культурные новшества и внешняя политика после смуты. 186

Назначение настоящей книги – дать краткий и связный рассказ о событиях Смутного времени, пережитого Московским государством на рубеже XVI и XVII столетий. Автор стремился построить свое изложение так, чтобы оно знакомило читателя не только с ходом московской смуты, но и с ее происхождением и результатами. Оставаясь строго фактичным, это изложение не подчинено никакой предвзятой точке зрения, ни субъективной, ни теоретической. Автору хотелось остаться только летописцем данной эпохи, предоставив читателю свободу толкования изучаемых им фактов.

По сравнению с большим исследованием автора «Очерки по истории Смуты в Московском государстве» настоящая книжка имеет некоторые отличия в плане и в исполнении. «Очерки» написаны четверть века тому назад, и многие их частности пересмотрены последующими исследователями; кроме того, в связи с трехсотлетием Смуты найдены и даны новые

материалы, относящиеся к ее истории. В зависимости от этого стали неизбежны некоторые изменения в освещении частностей эпохи. А сверх того, автор счел лишним повторять тот громоздкий географический обзор Московского государства, какой был предпослан «Очеркам», и заменил его «введением» иной конструкции, достаточным для популярной книги.

Май 1923

Глава первая

Московское государство перед смутой

I

Московское государство сложилось из двух «половин». 1. Земля Низовская или Замосковье; колонизация края и княжеские уделы; образование национального государства. 2. Земля Новгородская; характер Новгородской торговли; новгородское боярство и колонизация Севера; московское завоевание.

1.

Московские люди конца XV и начала XVI столетий представляли себе состав своего государства сложным. В их сознании оно делилось на две «половины» – землю Новогородскую и землю Низовскою или Московскую. Такое представление основывалось не только на том, что Москве удалось покорить целое Новгородское государство, но и на том, что в этих «половинах», после их соединения под одною властью, сохранились некоторые особенности внутреннего строя, не сразу стертые жесткою рукою Московского правительства. Москва обошлась очень круто с Новгородскими порядками, и они «извелися» очень скоро. Но их основа – природные

условия народно-хозяйственной жизни – осталась старая, и она продолжала влиять на ход частной жизни и отношений. Вся история заселения и хозяйственной культуры Новгородской и Московской «половин» шла различными путями. Новгород прожил быстротечный, но законченный цикл внутреннего развития, и его социальный и политический порядок успел обветшать ранее, чем его сломил внешний враг. «Низовская» или Московская половина Великорусья слагалась не спеша и под влиянием внешней опасности образовала единое сильное княжество, сохраняя молодые формы общественности. Соединенные в одно государство его «половины» ассимилировались не сразу. Областные особенности были в них очень заметны, социальный строй был различен, и по этой причине подлежащая нашему изучению Смута первых лет XVII века протекала в них совершенно различно. Необходимо ознакомиться с отличиями местного быта Московских и Новгородских областей, чтобы ясно понимать сложный процесс возмутившей их Смуты.

Начнем с «Низовской» земли, позднее получившей название «Замосковья».

Под этими названиями разумелись земли старых «великих княжений»: Владимирского, Московского, Ростовского, Суздальско-Нижегородского и Тверского, составлявшие коренное Великорусье, обладавшие издавна плотным населением, сравнительно высокою хозяйственною культурою, промышленным и торговым оживлением. Все это пространство стало заселяться русским племенем уже на глазах истории, выходцами сначала из северных, а затем и южных русских княжеств. Древнейшие города, основанные здесь, в до-татарскую

пору явили признаки быстрого роста и энергичной культуры. Местным князьям они сразу дали большие средства и подняли их политическое значение на большую высоту. В исходе XII века и начале XIII великие князья Владимирские были сильнейшими во всей Руси. В памятниках той поры не раз проглядывает восторженное изумление пред деятельностью этих князей, политическою и культурною. Владимирский князь, по слову древнего поэта, был так могуществен, что смог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Художественный вкус и материальное богатство северных князей восхищали летописцев: они с восторгом поминают о княжеских Ростовских и Владимирских храмах, говоря, что над ними трудились «изо всех земель мастеры» и что храмы были так «дивны и велики», как не бывали прежде и не будут впредь.

Вся эта сила и блеск были внезапно убиты татарским погромом середины XIII столетия. Татарская власть оторвала Суздальско-Владимирскую Русь от общения с современными ей южными и западными культурными центрами и обратила восточное Великорусье в глухую окраину. Политическая жизнь в стране заглохла, торговля захирела, общее разорение повлекло за собою падение городов и разброд их населения. Весь край постепенно обратился в группу разобщенных «уделов», в которых сидели их владельцы князья, враждуя друг с другом и заботясь лишь о собственных «примыслах», то есть, о своей наживе и усилении своего удела на счет остальных. Остановленное было татарским нашествием колонизационное движение из западных и юго-западных русских областей возобновилось и, направляясь на север и северо-восток, расширяло постепенно площадь

русских заимок за Волгою и на низовьях Оки. Удельные князья не только приняли деятельное участие в этом движении, но все свое хозяйство и администрацию построили, так сказать, на этом движении, ибо жили в полной от него зависимости. Кто-то метко уподобил северного удельного князя иве, растущей на берегах текучих вод. Как неподвижное дерево, давая тень бегущим под его ветвями струям, от них питает свои корни и ими увлажает ветви, так и князь, оседло живший в своей удельной «вотчине», должен был питать себя от идущего мимо него людского потока, не будучи в силах его остановить и направить. Людской поток вливался в изучаемый край через его западные и южные рубежи и шел к Белому морю и «Камню» (Уралу).

Это не было ни стремительное движение переселенческих масс, ни переход бродячих кочевий; это было медленное стихийное передвижение пашенного люда с подсеки на подсеку вслед за вожаками разного вида. Иногда таким вожаком являлся сам князь, «примышлявший» себе новые «вотчины» на диких местах инородческого севера. Иногда пути переселения показывали иноки «отшельники», уходившие «безмолвия ради» из населенных мест в лесную глушь и против своего желания увлекавшие за собою пахарей на новые «починки». Иногда же крестьянин-промышленник и охотник, ища добычи, ставил в лесах свои «путики» и «ухожаи» и основывал новый поселок, к которому начинало тянуть и соседнее крестьянство. Тихо и незаметно растекалось по стране трудовое население, ища приложения своего труда в глухих трущобах лесов, на суглинке и супеске речных долин, по берегам озер и рек. Для движения не было особых препон; оно свободно достигало по северным

рекам даже до берегов Белого моря, добывая пушнину и соколов для княжеской и боярской охоты. Туда, однако, доходили только отдельные партии; масса застревала в Заволжьи, в лесных дебрях водораздела между Волжскими и Поморскими реками и была там надолго задержана инородческим сопротивлением на линии Ветлуга–Сура. Между рр. Унжею и Ветлугою «без перестани жила черемисская война» и леса «Унежские» оставались непроходимыми для русского пахаря и охотника. А южнее, между Окою и Сурою, русским не давала основаться мордва. Нижний-Новгород надолго стал пограничным пунктом, отделявшим Волжскую Русь от инородческого «Низа».

Князья этой Волжской Руси должны были строить свое хозяйство и правительственный порядок при условии непрерывной подвижности населения. Не будучи в силах задержать и прикрепить к месту народную массу, они приноровились к ее «жидкому состоянию» (как выразился С. М. Соловьев). В княжестве оседло и твердо стоял только княжеский «двор». Он заключал в себе «слуг» князя – вольных («бояр» и «детей боярских») и невольных («людей» или «холопов»). И те и другие были в личной зависимости от князя, были привязаны к нему или договором службы или цепью рабства. Они составляли совет князя, его администрацию, его войско, его рабочую силу. Они все были на учете и могли оставить двор княжеский только с согласия или с ведома своего господина. Иное дело было за двором князя. Кроме земель в княжеском уделе, непосредственно князю принадлежащих, были, во-первых, земли церковные или боярские, управление которых складывалось по типу княжеского двора, и, во-вторых, земли «черные», на

которых сидели «крестьяне» – «на земле государевой, а в своем посельи». Население первого рода земель, люди церковные или боярские, были заслонены от князя их господами и владельцами, и княжеские агенты к ним «не въезжали ни по што», а на землях второго порядка под смотрением княжеских агентов («тиунов», «наместников» и т. п.) сложилось крестьянское самоуправление, органы которого закрывали собою от воздействия княжеской власти каждого отдельного члена крестьянской общины.

Крестьянский «мир» группировался всего чаще вокруг церкви «мирского строенья», совпадая в своем составе с церковным приходом. Несколько соседних «миров», объединенные единством податного оклада, составляли «волость», достигавшую иногда большой сложности состава и обнимавшую собою большое пространство «черных земель». Население таких волостей менялось в количестве своем и в личном составе независимо от князя и для него неведомо. Колонизационный процесс приносил поселенцев в волость и уносил из нее стихийно. Новосел, приходя в пределы волости, рядился «во крестьяне» на «крестьянский жеребей» с выборными мирскими властями – «земскими старостами», «приказывался» у них «тянути со крестьяны в ряд» во все «мирские розметы и розрубы». Принятый в «мир» крестьянин обживался на своем новосельи и с течением времени становился «старожильцем» данной волости. Если же хозяйство на новом месте ему не задавалось, он «отказывался» у тех же старост и, выполнив все обычные для «выхода» формальности, уходил из волости искать «новой землицы». Его приход в волость так же, как и уход из нее, не касался князя. В своих переходах с земли на землю крестьянин

бродил из одного княжеского удела в другой, не сознавая, что он переходит политическую границу и тем самым меняет подданство. Самого понятия подданства, в смысле принудительно-подчиненного отношения к власти, в те времена не существовало, и «государем» назывался тогда не глава княжества, а глава отдельного хозяйства в отношении граждански-зависимых от него лиц. «Государя»-хозяина над собою имел «холоп»; вольный же человек, обращаясь к князю, именовал его «господине княже» и, меняя над собою князя при перемене места труда, вовсе не думал, что совершает «измену»: князь одинаково не знал, когда такой вольный «крестьянин» приходил в его удел и когда он уходил. Если для «выхода» крестьянина «мир» ставил препятствия, то не по политическим, а по хозяйственным причинам, – в том случае, когда уходящий думал уйти не в обычный срок («Юрьев день»), без расчета с «миром» и без соблюдения обычных форм «отказа». Не чисто вышедший с своего «жеребья» крестьянин признавался беглым и по обычаю подлежал возврату на «старое печище» для выполнения принятых на себя обязательств. В иных же случаях он принудительно не возвращался.

В таких условиях князь не имел ни малейшей возможности точно учесть трудовое население крестьянских черных волостей и прикрепить его к месту его труда. Он ограничивался тем, что считал не людей, а дворы, «пашню паханую» и угодья, и по ним облагал волость единым податным окладом, предоставляя населению самому «развести» Этот оклад на отдельные хозяйства. Точно так же общим количеством определял князь все повинности и службы, которые требовал с во-

лости в дополнение к денежному окладу. Так слагалась сумма «тягла», падавшего на волость. Как она распределялась на отдельных плательщиков, князю не было надобности знать. Пока «тягло» отбывали исправно, он не интересовался тем, прибыло или убыло число тяглецов в данной волости, и не стремился удерживать уходящих, если об этом не просила сама волость.

Таков простейший вид удельного княжества – той политической формы, из которой понемногу выросло Московское государство. На первых порах своего образования это государство само было крупным уделом и только количественно отличалось от прочих уделов, меньших и беднейших. С течением времени появилась и качественная разница. С начала XV века в стране начался заметный рост национального сознания, и Москва стала центром искавшей объединения народности. Московский князь обратился в народного вождя, руководившего борьбою своего племени с его исконными врагами, главным образом, с татарами. Новые задачи требовали и новых средств для их решения. Патриархальные формы удельного хозяйства не годились для достижения национально-политических целей. И московская власть начинает стремиться к новым порядкам. Ее идеалом становится прикрепление общественных сил к их повинностям – службе и тяглу.

Бояре и вольные слуги должны стать не добровольными контрагентами князя, живущими у него по договору, а его «холопами», подданными, не могущими отъехать с государевой службы и покорными его «государской» воле. Люди тяглые должны крепко сесть на своей пашне, жить там, где застанет их государев «писец» и запишет в «писцовую книгу». Те бесхозяйные

элементы тяглых «миров», которые могут еще бродить, как «люди не тяглые и неписьменные», именно, «из-за отцов сыновья, из-за дядей племянники, из-за суседей захребетники», должны постепенно осесть в своем или чужом хозяйстве, а не ходить «меж двор». Конечно, этот идеал не легко осуществим: нельзя одним велением остановить стихию и заставить людскую массу сразу застыть в желаемых формах. Бояре и слуги пробуют бороться за старые права и вольности, а крестьяне по-прежнему «мечют свои дворишки и бредут розно». Но власть быстро, на пространстве всего трех-четырех людских поколений, достигает громадных результатов. Вокруг московского великого князя образуется широкий и плотный круг боярства, в большинстве своем преданный Москве и гордившийся тем, что его представители – «искони-вечные государские, ни у кого не служивали окромя своих государей» московских князей.

Под этим служилым слоем столичной аристократии составился провинциальный слой служилых людей, «детей боярских» и «дворян». В редком случае они сидели на своей «вотчине» (то есть наследственной земле). Вся их многотысячная масса была «испомещена» на земле государевой и владела ею под условием службы с нее. Громадные пространства «черной» земли (а равно и дворцовой) ушли из крестьянских рук в руки «помещиков великого государя». Все пограничные области государства и весь его центр покрылись мелкими поместными владениями, и на местах крестьянского самоуправления водворилась первичная форма крепостного права. Сажая помещиков в крестьянскую волость и раздавая им небольшими долями общинные крестьянские земли, великий князь указывал пределы власти помещика

так: «и вам бы, крестьянам, его, государя вашего, слушати и изделье всякое на него, государя, делати и платити ему все, чем он, государь, вас изоброчит». Прикрепленный к поместью помещик крепил к нему и крестьян. Давая своему великому князю ратную силу, помещики становились для него и тою административною силою, которая должна была и могла держать на местах тяглецов. Этими и иными подобными способами московская власть постепенно кристаллизовала население, выводя его из «жидкого состояния» удельных времен. Она даже пыталась учитывать в частных хозяйствах зависимых людей, требуя, чтобы вступавшие в холопство люди «докладывались» правительственным агентам. Прямо или косвенно все население государства становилось подданным московскому государю. В этом заключался главный смысл московских мероприятий.

В исходе XV века Московская Русь представляла собою крупное государство с сильною верховною властью и с ясно выраженною национальной идеей. Объединивши вокруг себя всю великорусскую народность, московский великий князь, по выражению В. О. Ключевского, «шел к демократическому полновластию». Присоединив к своему наследственному уделу все прочие великорусские уделы, он считал себя вотчинником, то есть собственником обладаемой земли. «Не то одно наша вотчина (говорил он), кои городы и волости ныне за нами, – и вся Русская земля из старины, от наших прародителей, наша отчина». Вотчинный характер московской власти придавал ей черты патриархальности, сохранял в московском государственном порядке некоторую долю частнохозяйственных отношений. Удельная старина еще жила в московских учреждениях и классовых отношениях.

Но тот национальный подъем, который создал великорусское объединение, усвоил московскому государю высокое значение народного вождя, опиравшегося на всю народную массу и ведшего ее не только к национальному единству, но и к международному главенству во всем «православии», то есть к первенствующей роли среди всех прочих народностей православной греческой церкви.

Совсем иную картину представлял собою в ту же эпоху «господин Великий Новгород».

2.

История образования Новгородского государства общеизвестна. Путем постепенного укрепления и расширения своего самоуправления в ущерб единоличной власти князя новгородцам удалось создать в Новгороде особый политический строй. Преемство княжеской власти прекратилось и новгородцы звали к себе князей со стороны по своему выбору. Верховная власть принадлежала вечу, состоявшем по своей идее не из отдельных лиц, а из тех организаций, из которых слагался Великий Новгород – «город-государство» («концов», «улиц» и т. д.). Руководителем вече жизни был правительственный совет – «господа», в котором сидели князь, «владыка» (архиепископ), посадник «степенный» и все посадники «старые» (выборные руководители гражданского управления в Новгороде). В теории всякий новгородец, граждански свободный и имевший хотя бы малейший имущественный ценз («двор»), мог участвовать в управлении своей страной. На деле же властью овладела новгородская аристократия – «бояре и житьи люди». Это была аристократия капитала. Когда она выродилась

в олигархию небольшого круга богатейших семей, страна впала в хроническое междоусобие «владущих» бояр и обездоленной массы. Этот процесс перехода от демократии к олигархии и распада государственного порядка совершился очень быстро (уже в XIV веке) и имел свои корни в особенностях экономического быта Новгорода.

Вся подчиненная Новгороду страна, известная под названием «пятин», простиралась от Онежской губы Белого моря через область озер Ладожского, Онежского и Ильменя до водораздела Ильменских рек и Западной Двины. Ее центральную (с севера на юг) линию составляли Волхов и Ловать. На запад от этой линии было много «городов» – укрепленных мест. Они защищали Новгород от его внешних врагов и представляли собою хорошую систему защиты. Но все они, за исключением Пскова и Старой Русы, были ничтожны в экономическом отношении и вовсе не были центром народно-хозяйственного труда. На восток от линии Волхов – Ловать городов не было вовсе, а заменявшие их «рядки» были ничтожны и по количеству дворов и по своему значению в местной жизни. Новгородская страна была слабо заселена и все ее население, в наиболее деятельных его слоях, было сбито всего в трех пунктах – в самом Новгороде, во Пскове и в Старой Руссе. Последняя имела более 1.500 дворов и равнялась по населенности крупнейшим городам Московской Руси (Ярославлю, Вологде, Нижнему). А Новгород и Псков по количеству дворов, по-видимому, превосходили даже Москву и были крупнейшими городами во всей древней Руси: в Новгороде в XV веке было до 6.000 дворов, а во Пскове до 7.000. По европейским масштабам той эпохи это были одни из значительнейших европейских городов.

Таким образом, в Новгородском государстве (от него в XIV веке Псков отпал) совершилась любопытная неравномерность в распределении населения: столица как бы вобрала в себя все силы своей земли, оставив очень мало провинции. Она сосредоточила в себе весь торг и все промыслы, став в этом отношении как бы оазисом в пустыне. Причины такой концентрации народно-хозяйственных сил лежали в основных свойствах Новгородской государственной территории. За исключением небольших пространств на самом ее юге вся Новгородская страна была «неродима»: она давала скудные урожаи, а часто и вовсе их не давала, если морозом побивало жито. Новгородцам поневоле приходилось пахать землю, ибо они не могли рассчитывать на правильный подвоз хлеба с русского юга и востока. В лучших условиях силы новгородцев целиком были бы направлены на другие виды труда; но пока восточные и южные князья имели возможность «засечь пути» к Новгороду и «не пустить в город ни воза», до тех пор новгородцам приходилось держаться за соху и «страдать» на тощей пашне. Все-таки земледелие являлось у них только подспорьем; главное же значение в Новгородской хозяйственной жизни принадлежало торговле и тем промыслам, которые ее питали. Промыслы эти давали Новгородскому рынку дорогой товар: меха, воск, соль, морского «зверя», ворвань и рыбу. Добыть их в пределах пятин было нельзя; надо было идти за ними на море и в северные леса, где еще в сказочном изобилии держалась драгоценная добыча.

О чудесных богатствах севера говорила новгородская сказка, будто бы там из туч падали на Землю маленькие векши и «оленци» и, подросши, расходились по земле. Стремясь к этому богатству, новгородцы рано

потянулись на далекий север, суровый, но обильный, освоили себе громадные пространства по берегам Белого моря, считали их своими «землями» и из них возили на новгородский рынок ценные товары. Из Новгорода эти товары шли «за море», в Европу, к «немцам», в обмен на то, что привозили в Новгород ганзейские и шведские купцы, – на сукна, вино, пряности и металлы. «Заморский» товар новгородцы распространяли на русском юге и востоке, а оттуда получали в обмен, главным образом, хлеб. Таким образом, в кругообороте своей торговли Новгород ничего не добывал на собственной почве. Он был только посредником между своими северными колониями, Средней Европою и Русью и извлекал для себя пользу из самого посредничества. Он был весьма важным рыночным пунктом, на котором сходились товары поморские, немецкие и русские и на котором совершались крупные сделки. Именно этот международный рынок и привлекал к себе все деятельные элементы новгородского населения, оставляя в пятинах людей «менших», «мизинных» – пахарей и рыболовов. Только один Псков разделял с Новгородом руководство торговым оборотом страны и соперничал с ним в торговом посредничестве с «заморьем». Вся остальная страна покорно «позоровала» к Новгороду и тянула всеми своими интересами к его рынку.

Характер и устройство Новгородской торговли обусловливали собою значение новгородской знати – бояр и житьих людей. Им принадлежало торговое господство в Новгороде, и все стадии новгородского торгового оборота находились в их распоряжении. Добыча товаров на дальнем севере и доставка их в Новгород требовали больших средств и твердой организации. Обороты с иноземными покупателями, хорошо организованными в свою очередь, нуждались в точном определении взаимных отношений между новгородским и немецким купечеством. Мелкому промышленнику и торговцу было бы не по силам вести в одиночку добычу, доставку и продажу малых партий товара в условиях того времени, когда приходилось вооруженною рукою удерживать за собою место промысла и пути сообщения на инородческом севере, когда были надобны громадные усилия для возки товаров по болотистым волокам и порожистым рекам, когда на самом новгородском рынке русский купец встречал ловких и хитрых контрагентов, покупателей и продавцов «немцев», крепко соблюдавших свой интерес и соединенных тесною корпоративною связью.

В таких условиях действовать с успехом могли только экономически сильные и политически влиятельные люди, какими и были в Новгороде бояре и житьи люди. Они на севере захватили в свое обладание громадные пространства земель, населив их своими холопами и «примучив» к своим промышленным заимкам местное инородческое население – «лопь» и «корел». Они в самом Новгороде господствовали на рынке, заполняя его своими товарами и поставив в зависимость от себя торговых посредников «купцов». Они в своих интересах создавали ту или иную политическую обстановку, влияя на «ряды» (договоры) с русскими князьями и иностранцами. Они, наконец, кабалили экономически и население пятин, приобретая в них земли («боярщины») и сдавая земельные участки мелким арендаторам, во всем зависевшим от своих больших господ. На пространстве всего двух веков экономическое господство Новгородской знати выросло до степени политической диктатуры.

В XV веке Новгород стал управляться небольшим кругом боярских семей, в руках которых сосредоточились все средства воздействия на массы. В своих междоусобиях они поднимали народную толпу на своих врагов и повергали город в анархию. В Новгороде началась непрерывная смута и обездоленная народная масса, ненавидящая свое боярство, готова была во всякую минуту восстать против него.

Таким положением дел в Новгороде и воспользовалась Москва. Ее вмешательство в новгородские дела было вызвано призывами низших слоев новгородского населения, и первые же ее действия в покоренном Новгороде были направлены против боярства. Московский великий князь постепенно, в несколько приемов, но достаточно быстро уничтожил новгородский боярский класс. Средствами для этого были прямые «опалы», иногда завершавшиеся казнями, а, главным образом, знаменитый «вывод», к которому любила прибегать Москва в отношении покоренных областей. Великий князь Иван III первоначально обещал новгородским боярам вывода не делать: «тем свою отчину жалуем», говорил он в 1478 году: «вывода бы не паслися, а в вотчины их не вступаемся». Но позже, когда в Новгороде были обнаружены боярские «коромолы», именно в 1484 и 1489 годах, государь вывод применил: «переведе из Великого Новагорода многих бояр и житьих людей и гостей, всех голов больши тысячи (говорит летопись под 1489 годом), и жаловал их, на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде в Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом; а в Новгород в Великий, на их поместья послал Москвичь лучших многих, гостей и детей боярских, и из иных городов из Московские отчины многих детей боярских и гостей». Это и была та самая мера, с помощью которой Москва так успешно и скоро ассимилировала свои завоевания. Не прошло и четверти века со времени присоединения Новгорода к Москве, как новгородские «бояришки все извелися», и боярское землевладение исчезло и заменилось мелким поместным владением служилых московских людей, а новгородские «смерды» (крестьяне), сидевшие на арендуемых ими «боярщинках» оказались, по московскому образцу, прикрепленными к поместьям детей боярских великого государя. Так изменилась физиономия Новгородских пятин. Изменился и Новгородский север.

При Новгородском режиме он представлял собою инородческий слабо заселенный край, колонизуемый русским населением из Новгорода. Главный мотив русской колонизации – поиски товара для новгородского рынка; вожаки колонизации – новгородские бояре, распорядители этого рынка; господствующий вид русского поселка на севере – промышленная заимка, стан охотников или рыболовов; преобладающий в первое время тип поселенцев – боярские люди, холопы, работающие на своих господ бояр. Им принадлежало первенство в освоении Поморья. За ними уже шли другие поселенцы – свободный пахарь и отшельник-монах, работавшие на мелких заимках на себя совсем в одиночку, или же малыми «дружинами» в два-три, в десять «другов». Из этих-то дружин мало-помалу, веками, слагалось то свободное население Поморья, которое образовало в крае демократическую основу русского населения – крестьянского в «погостах» и «волостях» и иноческого в монастырях. Когда с падением новгородской власти край

перешел в московские руки, Москва не послала туда своих помещиков, ибо они там не были нужны за отсутствием на севере врагов. Крестьянские «миры» были оставлены в условиях уже существовавшего там мирского самоуправления. В те же формы крестьянской волости было введено и освобожденное от боярской власти население боярских заимок. Весь север стал краем свободного крестьянства и только немногие богатые монастыри являлись там представителями крупного землевладения; но обычно и они удерживали на своих землях общинное крестьянское устройство под руководством монастырских «властей».

II

В XVI веке все коренные области Московского государства переживают кризис. 1. Княжеская знать и опричнина Грозного. 2. Поместная система и крестьянская «крепость». 3. Крестьянский «выход» и опустение Московского центра. 4. Московский город в XVI веке.

1.

Итак, к началу XVI века в составе Московского государства, в обеих его «половинах», сложилось три как будто обособленных по внутренним признакам района: государственный центр (или «Замосковье»), Новгородские «пятины» и север – «Поморье» (под которым будем разуметь всё вообще пространство по морским берегам и по долинам северные рек). В XVI веке в жизни этих районов происходили крупные перемены, создавшие серьезнейший общественный кризис для Замосковья и Новгородских пятин. В то же время удачная политика Москвы в середине XVI века к трем основным районам государства присоединила еще два: среднее и нижнее Поволжье и южное «Поле». Как в Поволжьи, так и в особенности на «Поле» создался несколько особый общественный строй, в значительной степени зависимый от перемен, происходивших в центральных районах. Наблюдатель, желающий охватить в общей характеристике внутренние процессы Московской жизни XVI века,

невольно поражается их сложностью и разнородностью и уже в середине этого века ловит признаки грозного общественного распада, ведущего государство к смуте.

Из этих процессов наиболее заметен был тот, который мы можем назвать гонением на княжескую знать. С присоединением к Москве удельных земель их владельцы удельные князья становились в зависимость от Московских государей, «приказывались к ним в службу». Первоначально служилые князья держались особо от бояр московских, и среда, окружавшая государя в Москве, официально именовалась «князи и бояре». С течением времени московский служебный порядок втянул в себя удельных князей и их потомство: они стали получать наравне с боярством думные и придворные чины и смешались с нетитулованными боярами в одну служилую среду. Обычай «местничества» (то есть, счета степенью знатности) расположил эту среду известными слоями. Сверху держался слой наиболее родовитых князей («старейшая братия»), за ними стали знатнейшие и стариннейшие роды московских бояр – «исконивечных государских», которые «ни у кого не служивали», кроме московских государей. Далее, вперемежку следовали титулованные и простые служилые роды с меньшею знатностью (или отечеством») вплоть до «худых князишек», потерявших имущество и знатность в неблагоприятных условиях московской жизни и службы.

Однако же, войдя в состав московского боярства, княжеская знать все-таки не забывала своего династического происхождения и владельческих привычек. Некоторые «княжата» помнили, что они происходят даже от старших княжеских линий сравнительно с линией московских государей. Пережитки удельного строя

сохраняли за княжатами в их наследственных землях такие владельческие права, которые делали их «государями» в их княженецких вотчинах: у них был свой «двор», свои служилые люди; они сами садили население своих земель; они «жаловали» из своих земель деревни и пожни церквам и отдельным лицам. По выражению одного современника, они были «государи всея Русские земли», зависимые только от московского великого князя, который был «всея Русские земли государям государь».

Княженецкая «порода» и княженецкие «вотчины» были такими устоями для среды княжат, которые делали ее положение в Москве независимым от личного усмотрения государя. «За службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством», говорилось тогда, а потому люди высокой породы властно шли «по отечеству» всюду на первые места, ссорились из-за них и не искали воли и ласки великого государя для их занятия. Государи могли сослать и даже казнить отдельных неугодных им княжат, но не могли устранить всю среду княжеской знати от правительственного первенства и не имели возможности править государством без этой среды. Чтобы освободить монарха от сотрудничества такой ненадежной и неудобной помощницы необходима была какая-нибудь общая мера. До нее, однако, московские князья до середины XVI века не додумались. Решительнее поступали они с княженецкими вотчинами.

От времени Ивана III уже сохранились ограничительные постановления о таких вотчинах: княжатам запрещалось бесконтрольно распоряжаться своими землями, продавать и завещать их; правительство прибегало иногда к конфискации княжеских земель, а иногда меняло их на другие земли из своего земельного фонда. Ревнивое

и подозрительное внимание власти к княжескому землевладению в общем понятно. Крупные княженецкие вотчины лежали в основе экономической силы княжат, и правительство могло опасаться, что княжата в случае надобности бросят подвластное им население в политическую борьбу против Москвы. Оппозиционное настроение княжат иногда становилось явным; их традиционное стремление к соправительству, с государем было постоянным. В юности Грозного особенно ясно сказалась княженецкая тенденция в деятельности так называемой «избранной рады» – того интимного кружка придворных, который образовался под руководством «попа Сильвестра» в помощь впечатлительному и доверчивому царю. И любопытно, что как только этот кружок получил влияние, он сейчас же схватился за свои княженецкие вотчины. Грозный впоследствии жаловался, что его соправители, снявшие с него всю власть, возвратили себе «ограды и села», отобранные у княжат его дедом, и разрешили свободное обращение княжеских Земель, взятых под контроль московской властью. Испытав на себе воздействие приближенных им неосторожно княжат, Грозный остро почувствовал желание освободить власть государя от всего того, что ей мешало со стороны родовой аристократии, – во-первых, от постоянных местнических притязаний княжат, а во-вторых, от княженецких вотчин, которые еще оставались в руках у князей. Средство для этого Грозный нашел в изобретенной им «опричнине».

Суть опричнины состояла в том, что царь решил применить к областям, в которых находились вотчины служилых княжат, тот самый «вывод», какой, как мы видели выше, был применен в Великом Новгороде и

вообще применялся к покоренным Москвою землям. Это был испытанный прием ассимиляции, которым московский государственный организм усваивал себе новые общественные элементы, в корень истребляя возможность местного сепаратизма. Решительное средство, рассчитанное на внешних врагов, Грозный направил на внутреннюю «измену»: он задумал вывести княжат из их старинных родовых гнезд на новые места, порвать тем самым их связь с местным обществом и разрушить их материальное благосостояние. «Вывод» удельной знати и конфискацию ее земель Грозный произвел не простой, а обставил дело такими действиями и начал его таким подходом, что возбудил общее недоумение как своих подданных, так и иностранцев. Начал он с того, что отказался от власти и покинул Москву. Этот, – конечно, мнимый – отказ он взял назад по просьбе москвичей с условием, что никто не будет ему перечить в его борьбе с изменою: «опала своя класти, а иных казнити, и животы их и сстатки (имущество, достатки) имати, а учинити ему на своем государстве себе опришнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной». Этот двор с особыми боярами и дворянами («тысячью голов» опричников), с городами и волостями, к нему приписанными, стал базою для всей операции «вывода».

Грозный начал последовательно забирать в опричнину, в ведение своего нового двора, земли, которые составляли старую удельную Русь и в которых сосредоточивались вотчины княжат. На этих землях царь «перебирал людишек», то есть землевладельцев: иных «принимал» к себе в новую «опришнинскую» службу, а других «отсылал», иначе говоря, выгонял прочь из их владений, давая им другие земли (и притом вместо вотчин поместья)

на окраинах государства. В течение двадцати лет (1565–1584) опричнина охватила половину государства и разорила все удельные гнезда, сокрушив княжеское землевладение и разорвав связь удельных «владык» с их родовыми удельными территориями. Цель Грозного была достигнута, но с такими последствиями, которые вряд ли были нужны и полезны. Взамен уничтожаемых «княженецких вотчин», представлявших собою крупные земельные хозяйства, вырастали мелкие поместные участки; при этом разрушалась сложная хозяйственная культура, созданная многими поколениями хозяев княжат; гибло крестьянское самоуправление, жившее в крупных вотчинах, отпускались на волю боярские холопы, менявшие сытую жизнь боярского двора на голодную и бесприютную вольность. Самая суть производимой реформы – превращение крупной и льготной формы землевладения в форму мелкопоместную и обусловленную службою и повинностями должна была вызвать недовольство населения, а способы проведения реформы вызывали его еще более. Реформа сопровождалась террором. Опалы, ссылки и казни заподозренных в измене княжат и иных людей, вопиющие насилия опричников над «изменниками», кровожадная злоба, распутство самого Грозного – пугали и озлобляли народ. Он видел в опричнине непонятный и ненужный террор и не угадывал ее основной политической цели, которой правительство открыто не объясняло.

Такова была пресловутая опричнина Грозного царя. Направленная против знати, она тяготела над всем населением; имея целью укрепление государственного единства верховной власти, она расстраивала общественный порядок и сеяла общее недовольство. Правда, знать

была ею разбита и развеяна, но ее остатки не стали лучше относиться к московской династии и не забыли своих владельческих преданий и притязаний. Не успел Грозный закрыть глаза, как в самую минуту его кончины Москва уже бурлила в открытом междоусобии по поводу того, быть вперед опричнине или не быть, а княжата, придавленные железною пятою тирана, уже поднимали голову и обдумывали способы своего возвращения к власти. Наблюдая Москву в ближайшие годы после смерти Грозного, англичанин Дж. Флетчер находил, что «варварские поступки Грозного так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, дело должно кончиться не иначе, как всеобщим восстанием». Так определялись прямые политические результаты опричнины; но у нее были и результаты косвенные, повлиявшие на развитие социального кризиса в государстве.

2.

Этот кризис был весьма сложен. В общем он заключался в том, что трудовая масса, земледельческая в волостях, торгово-промышленная в городах московского центра, была сорвана со своей оседлости теми условиями быта, какие создались в XVI столетии в результате деятельности московского правительства под давлением военных и политических необходимостей.

Как уже было упомянуто, московская власть деятельно умножала свои боевые силы, верстая на поместья все большее и большее число служилых людей. Она вербовала их во всех слоях московского населения, переводя на государеву службу и снабжая поместьями

даже частновладельческих холопов. Только в самом исходе XVI века, когда в центральных областях количество служилых людей достигло желаемой степени, явилась мысль, что в государеву службу следует принимать с разбором, не допуская в число детей боярских «поповых и мужичьих детей и холопей боярских и слуг монастырских». Складываясь из лиц самых разнообразных состояний, служилый класс рос с чрезвычайною быстротою. Он требовал для своего хозяйственного обеспечения громадного пространства земель, и эти земли отводились ему преимущественно в южных и западных частях государства, поблизости от возможного театра войны (с татарами, литвою и «немцами»), а также вокруг самой Москвы.

Мало-помалу, на всем этом пространстве служилое землевладение достигло крайнего развития в том смысле, что захватило в свой оборот все земли, кроме части собственно государевых («дворцовых») и церковных. При этом, разумеется, тяглое население оказалось сплошь на частновладельческих землях, и гражданская свободная крестьянская община исчезла. Общинно-податное устройство крестьян могло сохраниться лишь там, где крупное частновладельческое хозяйство охватывало целиком и старинную бытовую крестьянскую волость, или же там, где оно находило свою выгоду в сохранении «мирского» самоуправления под надзором вотчинной власти. Естественный рост поместного землевладения и сопряженной с ним крестьянской «крепости» был круто осложнен и ускорен опричниной Грозного. Она, во-первых, распространила порядок поместного владения на княженецкие вотчины, пуская их в поместную раздачу наряду с остатками «черных» государственных

земель, и этим окончательно искореняла крестьянское самоуправление в государственном центре. А во-вторых, опричнина, действуя приемами свирепого террора, сообщила аграрной реформе характер общественного бедствия, наступившего внезапно и разорявшего безжалостно страну. Рассказы современников (иностранцев Таубе и Крузе, например) о ликвидации княжеских хозяйств в опричнинском порядке поражают нас гнусною жестокостью этого порядка. Вот почему именно с развитием действий опричнины соединились, в 70-х годах XVI века, первые признаки тех последствий, какие повлекло за собою возникновение крестьянской «крепости» в условиях поместной системы. Этими последствиями были – массовый крестьянский «выход» из коренных областей государства на окраины и в зависимости от него опустение государственного центра.

3.

Это было основное явление в хозяйственной жизни Московского государства того времени. Трудовое население центра не желало оставаться на местах, где оно теряло личную свободу и с нею прежнюю возможность пользоваться и распоряжаться землею, на которой оно сидело и трудилось. В нем как бы оживала вековая тяга на «новые землицы», и при первом же случае крестьянин и холоп «сходили» с боярского двора и постылой помещичьей пашни, мало думая о соблюдении законных условий «крестьянского выхода» и холопьей «отпускной». Политическая обстановка того времени очень способствовала такому уходу: московская власть деятельно закрепляла за собою завоевания Грозного. На широких пространствах бывшего Казанского царства (по-москов-

ски «Низа») ставились города с людными гарнизонами и водворялись служилые землевладельцы, а с ними вместе на новых землях, государевым жалованием, возникали и монастырские вотчины. Это землевладение нуждалось в крестьянском труде, а новые города нуждались в военном и торгово-промышленном люде. Выходя из своих старых гнезд, с верхней Волги и с верхней Оки, крестьяне и холопы хорошо знали, куда им можно идти. Само правительство звало этих «верховых сходцев» для заселения новых городов и пограничной укрепленной черты в «Понизовьи» (на Волге), а также на «диком поле» (на юг от средней Оки в черноземном пространстве). Новые места манили к себе переселенцев своим простором, прелестью климата, богатствами почвы, лесов и рек.

Выходило так, что власть одними мерами как бы гнала угнетаемый народ из внутренних областей, а другими – привлекала его на окраины, обаятельные для поселенцев и без всяких казенных приглашений. Последствия такого порядка вещей скоро сказались. В центре государства создался острый хозяйственный кризис, вызванный недостатком рабочих рук. Выход трудовой массы влек за собою хозяйственную пустоту. Писцовые книги второй половины XVI века отмечали очень много «пустошей, что были деревни»; вотчин пустых и поросших лесом; сел, брошенных населением, с церквами «без пенья»; порозших земель, брошенных «за пустом» без пашни. Местами была еще жива память об ушедших хозяевах, и пустоши еще хранили на себе их имена, а местами и хозяева уже забыты и «имян их сыскати некем»*... Всего более терпели от «пустоты» мелкие

* Вот цифровые данные по столичному Московскому уезду за 1585–1586 годы. В 13 станах уезда писцовые книги показывают до 100.000 четей

хозяйства простых служилых людей: малопоместному человеку не с чего было явиться на службу и «вперед было собратися нечем»; он сам шел «бродить меж двор», то есть побираться, бросая опустелое хозяйство на произвол судьбы. Крупные же землевладельцы – служилые и церковные – обладали большей экономическою устойчивостью. У них была возможность манить к себе крестьян податными льготами, которыми они располагали. Сохранившееся на их землях «мирское» устройство крестьян привязывало к ним народ. Наконец, и уйти от крупного владельца было не так легко, ибо он имел всякого, рода способы догнать и вернуть беглеца. Крупные хозяйства не только удерживали за собою свою рабочую силу, но и норовили «перевозить» к себе крестьян и кабалить холопов со стороны, пользуясь для этого всякого рода законными и незаконными средствами. «Перевоз» крестьян из чужих хозяйств и другие виды борьбы за рабочие руки тогда приняли характер общественного бедствия. В обычные сроки крестьянского перехода (около «Юрьева дня осеннего») развивалась целая кампания крестьянской «возки»: одни принимали все меры, до открытого насилия включительно, чтобы

(полудесятин) пахотных земель. Из них пустует до 32.000 четей в поместьях и вотчинах и, сверх того, 7.500 за отсутствием владельцев сдано из оброка; стало быть, до 40% пахотной земли вышло из нормального хозяйственного оборота. А остальные 60% распределены так: за помещиками 6% (6.227 четей), за вотчинниками 17% (17.272 чети) и за монастырями почти 37% (36.786 четей). Это значит, что служилые люди в Московском уезде к концу XVI века оставили впусте почти $^2/_3$ общего количества пашни, которой могли бы владеть: сохранив за собою 23.500 четей, они забросили 39.500 четей. Данные по Новгородским пятинам за 1582–1584 гг. о распределении пашни сводятся к тому приблизительному выводу, что из общего количества пахотной земли в обработке было лишь 7½ % и пустовало 92½ %.

не выпустить крестьян из своих владений; другие же пускали в ход все средства, даже силу, чтобы добыть себе крестьян из чужих хозяйств.

В результате этой борьбы проигрывал, бедный и мелкий землевладелец, выигрывали же крупные и богатые хозяева, уже просто потому, что они были экономически сильнее. Бесконечное «насильство» в данном деле озабочивало правительство. Еще при Грозном были принимаемы какие-то, нам точно неизвестные, меры относительно крестьянского «вывоза» и было дано какое-то «уложенье», чтобы крестьян насильством не возили, или чтобы их и вовсе не возили в известные сроки – в «заповедные лета», которые точно наперед определялись правительством. Этим временно отменялось право крестьянского «выхода». Отмена существовала уже при Грозном и продолжалась до самого конца XVI века; стало быть, она хотя признавалась временною («до указа»), но была длительною и простирала свою силу на целые десятилетия. Приостановка «крестьянской возки» имела в виду вообще удержать рабочее податное население на местах и прекратить его массовый уход, а затем – закрепить его за «воинскими людьми» в мелких поместьях и удержать от перехода на льготные земли крупных и льготных владельцев, от которого «великая тощета воинским людям прииде».

4.

Выход рабочего населения из внутренних областей государства выражался не только в том, что пустели сельские пашенные хозяйства и дворы вотчинников и помещиков. Пустели и города, из которых уходило

торгово-промышленное «посадское» население. Изучение данных по городам открывает пред исследователем печальную картину. В городах Замосковья, кругом самой столицы и на юг от нее, наблюдается отлив податного населения и замена его различными служилыми «чинами» как в городском «посаде» в тяглых дворах, так и на городской площади, «в торгу». Та же необходимость государственной обороны, которая развила поместную систему над крестьянской массою, выжимала трудовое население и из городов. Правительство держало в них гарнизоны, состоявшие из «стрельцов» и иного звания «приборных людей». На досуге от своих служебных обязанностей эти люди занимались промыслами и торгом, не неся на себе государева «тягла», то есть податного бремени, и поэтому получали огромное превосходство над «тяглецами» в торгово-промышленной конкуренции. Кроме того, дворяне-помещики из уезда, к которому принадлежал город, обязательно имели в городе «на приезд» свои «осадные дворы» и в них держали своих людей, «дворников», которые тоже занимались торгом и промыслами. Наконец, уже вне связи с вопросом об обороне города, льготные землевладельцы, бояре и монастыри, подсаживали к государеву «посаду» свои частные «слободки» с зависимыми от них людьми, торговавшими и промышлявшими, а государевых податей не платившими.

В таких условиях тяглый посадский «мир» в городах Московского центра не был хозяином своего посада и торга. Стесненный конкуренцией пришлых и чуждых ему служилых, боярских и монастырских людей, он бросал свою оседлость и «брел розно», в поисках лучшей обстановки для своего труда. Такой процесс разложения

городских податных общин и обращения городов из центров народно-хозяйственной жизни в административно-военные пункты происходил на всем протяжении XVI века. Московский город как бы умирал медленною смертью; вместо же него выростала крепость. Исключением были только те города, которые лежали на торговых путях от столицы к северным гаваням на Мурмане и в устьях Сев. Двины. Возникший в середине XVI века торг с иноземцами, англичанами и голландцами, в морских корабельных «пристанищах» севера оживил торгово-промышленную деятельность тех городов (Ярославля, Вологды и др.), которые стояли на путях от центра к Белому морю и втянулись в торговый оборот. Но именно это новое обстоятельство в русской экономической жизни – благодетельная для русского севера Беломорская торговля – нанесло окончательный удар благосостоянию Великого Новгорода и его области. Новгородская торговля под московскою властью постепенно падала – и не только потому, что Москва истребила новгородское боярство, руководившее этою торговлею. На место удаленных из Новгорода местных капиталистов явились московские, правительство готово было всячески поощрять их на новом поприще их деятельности.

Упадок торговых оборотов Новгорода зависел от причин международных, именно от упадка Ганзы и роста Ливонских городов, которые стремились к наиболее грубым и для них выгодным способам эксплоатации русского рынка. Они запирали выход на Балтику для московских и новгородских купцов и не позволяли русским «торговати у них с Заморцы самим без обид». За это-то угнетение русского торга и за свободный выход к морю начал (в 1558 году) Грозный свою Ливонскую

войну. Но затянувшаяся война не привела к успеху, а между тем прекратила почти вовсе торговый обмен на западных Новгородских рубежах. Возможность завязать сношения с Европою через Северный океан подоспела как раз вовремя и, если можно так выразиться, повернула торговую Москву надолго лицом от запада на север. Оживились северные торговые пути и города, и уже независимо от военных обстоятельств стали глохнуть города и пути западные. Сам Новгород в течение второй половины XVI века постепенно хирел и терял свое население: с 1546 года по 1582 год его населенность с 5.000 дворов спустилась до 1.000, иначе говоря, он потерял до 80% жителей*. Так же пустели и другие города и «пятины» Новгородского края. К войне и к торговому параличу, вызванному войною, присоединились здесь и другие причины: по современным выражениям, край пустел, кроме войны, «от царевых податей», «от помещикова насильства», «от хлебного недорода», «от опричнины» и т. п. По сложности разрушительных влияний Новгородское запустение явно превосходит прочие области государства и получает характер «ужасающего по своим размерам несчастья» (слова Н. Ф. Яницкого). Можно сказать, что вся Новгородская страна обратилась «в пусто» и только в самом конце XVI века наблюдаются в ней некоторые, впрочем слабые, признаки возрождения хозяйственной жизни и некоторый прирост населения.

---

* Последними исследованиями (А. М. Гневушева, Н. Ф. Яницкого и О. Ф. Терешкевич) доказано, что опустение Новгорода совершалось с правильною постепенностью и что известный погром Грозного в 1570 году не произвел большого опустошения в Новгороде: процент запустения в этом году не выше, чем в ряде соседних лет.

III

Население из коренных областей перемещается на окраины.
1. Колонизация «Низа» и «Поля» и ее особенности; казачество.
2. Меры правительства по обороне и эксплоатации Поля; десятинная пашня.

1.

Московская политика XVI века и происходившие в Московском государстве внутренние процессы имели любопытнейшие последствия. Территория государства при Грозном быстро росла, распространяясь на слабо населенные пространства нижнего Поволжья и на пустое «дикое поле» черноземной полосы. Волжский «Низ» был приобретен завоеванием, «Поле» – частной и правительственной колонизацией. На Низу сидели инородческие племена (черемис, мордвы, вотяков, башкир), не сразу признавшие московскую власть и требовавшие над собою бдительного надзора. «Поле» не имело оседлого населения, но на нем бродили татарские отряды и русские «станицы» с одинаковой наклонностью к законной и незаконной добыче. И там и здесь московская власть ставила свои крепости, чтобы держать в повиновении и в порядке местный беспокойный люд. В ту меру, какая была необходима для военных целей, правительство звало в новые области «сходцев» из внутренних областей и этим способствовало перемещению народной

массы и повальному опустению центра. Народные силы переливались на окраины и, разрушая хозяйственную организацию на старых местах, взамен создавали хозяйство на своем новоселье. Перед правительством естественно становилась задача использовать происходящий процесс в государственных пользах. Хозяйственный упадок центра лишал правительство доходов с опустевших земель и службы с бездоходных и брошенных поместий; надобно было получить доход и службу с новых мест. Отсюда забота власти о том, чтобы соответственно распорядиться в новых областях. На Низу она стремится водворить те самые виды земельных хозяйств, какие существовали в центре. Это потому, что Низ имел оседлое инородческое население, жившее разными видами хозяйственного труда, и на этом местном базисе можно было легко основать и поместное владение и льготные виды владения вотчинного. Инородческие земли раздавали помещикам и жаловали боярам и монастырям. В соседство к редкому туземному рабочему населению рекомендовали «называти», то есть приглашать, русских работников-колонистов, «верховых сходцев». Таким образом, московская колонизация Низа стремилась пересадить туда старые социальные формы.

Иначе было на «диком поле». Там не было оседлого населения; оно кончалось в Калужских, Тульских и Рязанских местах, а за ними на юг в первой половине XVI века, по слову летописца, «поле бе», то есть простиралась пустыня без городов и сел, без пашен и иных хозяйственных заимок, лишь с временными «станами» и «юртами» охотников и рыболовов. До середины XVI века в этой пустыне хозяйничали татары: их «казаки» рыскали у границ русских поселений и «искрадывали» русскую

украйну разбойничьими набегами. Но в середине века дело изменилось: преобладание перешло к русским «казакам», выходившим на Поле из Московского государства и Литовско-Польских украин. «Ныне, государь, казаков на поле много – и черкасцев, и киян, и твоих, государевых: вышли, государь, на поле изо всех украин», так доносил Путивльский воевода в 1546 году. В различных местах Поля появляются русские казачьи «городки», и один из них – Раздоры на Дону – служит как бы центром для бродящих по Полю казачьих «станиц», то есть организованных казачьих отрядов. Во главе станиц стоят «атаманы»; они собирают вокруг себя сотни, даже тысячи казаков и с ними проникают с Дона на Волгу, на Каспий, на Яик. Они ведут постоянную борьбу с татарами, грабят всех, кого застанут на полевых дорогах между Москвою, Днепром и Черноморьем; но они же охотно нанимаются на государеву службу, составляя особые отряды в московских войсках, и поступают на службу к частным лицам (к князю Мстиславскому на Веневе, к Строгановым на Каме). Казачество русское сбило татар с Поля и у них «Волги оба берега отняло». Не вошедшее в черту государства Поле стало, однако, русским и гостеприимно принимало в свои леса и на берега своих «польских» рек беглецов из государственного центра. Неписаный, но суровый закон «польского» быта возбранял на Поле пашенный труд и грозил смертью всякому, кто учнет пахати пашню. На Поле можно было жить только всякого вида охотою на зверя, рыбу и человека. Пашня же рассматривалась, как дело опасное: пашню не скроешь ни от татарина, ни от московского чиновника, и она повлечет за собою полон или кабалу, если будет обнаружена недружелюбным глазом.

2.

Необыкновенно быстрый рост казачества на Поле, конечно, был учтен московским правительством. Оно знало, с какой энергией перемещалась туда трудовая масса, бежавшая из внутренних областей государства, и очень скоро решило воспользоваться колонизационным движением и ввести Поле в государственный оборот. Но поступить с Полем так, как было поступлено с Низом, не было возможности. На Поле не было крестьян; стало быть, не могло быть ни вотчин, ни поместий в обычном их виде. Нужно было приспособиться к местным условиям и создать здесь новые социальные формы, сообразные с видами правительства. Нужды государственной обороны указали в пределах Поля один ряд мероприятий, а хозяйственный кризис центра повел к другому ряду мер.

Нужды обороны требовали того, чтобы южная граница, государства была обеспечена от набегов Крымских татар. Исстари эта граница совпадала с течением рек Угры и средней Оки и казалась «непролазною стеною», через которую татарские рати редко «перелазили». Позднее, с распространением русского населения за Оку, граница перешла на линию Тулы и была укреплена всякого рода «крепостями» (лесными засеками, рвами и валами, острожками и т. п.). Занятие «Поля» русским казачеством вызвало мысль о возможности и необходимости перенести все эти «крепости» возможно южнее, а большие татарские набеги 1570-х годов заставили с этим делом спешить. В Москве систематически работали над планом захвата новых пространств Поля и перекинули

укрепленную границу с линии Тулы на р. Быструю Сосну, а затем стали ее двигать и еще южнее, пользуясь течением р. Оскола. На всем вновь захваченном пространстве, в местах стратегически важных, ставили укрепленные города и между ними протягивали по заранее определенной «черте» всякого вида «крепости». В городах сажали гарнизоны, на обязанности которых было не только защищать город, но и наблюдать за всею «чертою», посылая на нее наблюдательные отряды. Так возникли десятки городов нынешней черноземной полосы между Тулою с одной стороны и с другой – Белгородом и Валуйками. Весь район Поля, где только что образовалось казачество, был охвачен этими городами. За их пределами и вне их влияния остались только те казачьи «станицы», которые ютились по нижнему течению Дона и назывались поэтому «низовыми казаками». Остальное, «верховое», казачество вошло в круг правительственных заимок на Поле и подпало сильному воздействию государственной власти. Оно составило особый вид служилого класса под общим названием «приборных людей» и под различными служебными названиями: атаманов и казаков «служилых», стрельцов, пушкарей, вожей, ездоков и пр.

Таким образом, Поле обратилось в пограничный военный округ, а его население, перебежавшее сюда, избыв частной зависимости на старом своем посельи, попало в казенное ярмо на новых местах. Город на Поле обычно строился так. Московский воевода с отрядом воинских и мастеровых людей приходил с севера на избранное для города место, обычно при реке, и строил крепость. В то же время он собирал сведения по окрестным «речкам» о вольном населении и приглашал его к себе: приказывал «со всех рек атаманом и казаком лучшим быти к себе в город». Государевым именем он «жаловал» им, то есть укреплял за ними в поместье их заимки, «юрты»; составлял список этих заимщиков и привлекал их к государевой службе по обороне города и границы. Это и было первое зерно зарождающегося здесь служилого класса – мелкопоместные «дети боярские» или «служилые атаманы», помещики, обходившиеся без крестьянского труда. Вторым зерном становились те гарнизонные люди, которых приводил с собою воевода на постройку города. Поселенный в новом городе, этот гарнизон служил кадром, с помощью которого устраивались понемногу постоянные группы городского населения. В особых «слободах» кругом крепости селились служилые казаки, стрельцы и прочий военный люд – каждый «чин» в своей слободе. К этим «казачьим», «стрелецким», «пушкарским» и иным слободам, по числу их дворов, приписывалась под городом пашня.

Собранные с Поля в город и «прибранные» на государеву службу вольные бродячие люди усаживались на оседлые хозяйства и, не возвращаясь «во крестьянство», однако, возвращались к сохе и пашне. Так, в течение трех-четырех десятилетий правительство успело, если, можно так выразиться, догнать на «диком поле» большую часть ушедшего из государства населения, запрячь его в свое служебное ярмо и на нем основать целую систему оборонительных мер против татар. Можно догадаться, что искавший земли и воли и против ожидания попавший на казенное поместье и пашню беглый люд не был доволен своим новым положением. Правда, здесь в городах «Украинных» и «Польских» не повторились старые формы «поместного» и «вотчинного» быта; разные

слои служилых людей не были похожи на общественные классы центра; не существовало крестьянской «крепости» на мелких поместьях и холопьей дворни в крупных вотчинах; но крепила и кабалила государева служба, а, кроме прямой службы, угнетала еще и государева пашня.

Эта государева, так называемая «десятинная», пашня получила в городах на Поле особое значение. Она явилась одним из последствий хозяйственного кризиса во внутренних областях государства. В первые годы существования города на Поле его гарнизон по необходимости кормился привозным с севера хлебом; но по недостатку хлеба в центре власть всегда спешила завести на новых местах пашню в возможно широком размере и щедро наделяла гарнизонных людей крупными пахотными участками вокруг города. Сверх же того, в каждом южном уезде заводилась еще пашня «на государя», и все пограничное население привлекалось к обязательному земледельческому труду. Казенную «десятинную» пашню пахали на казенных лошадях казенной снастью безо всякой платы за труд и в таком количестве десятин, которое было явно непосильно для работников. Не установив еще на новоселье своего хозяйства, они надрывались на чужом, плоды которого им не доставались вовсе. Казенного зерна пахари обычно не получали: оно, если не лежало в житницах в виде мертвого запаса, то посылалось далее на юг для содержания еще не имевших своего хозяйства служилых людей. Ропот изнуренных работников заставил в конце XVI века кое-где сократить размеры казенной пашни. Но в общем она оставалась бедствием для населения «украйны» и Поля.

Московская политика в отношении Поля, как сказано, руководилась целями обороны и стояла в связи с хозяйственным кризисом центра. Вряд ли можно сомневаться в том, что московское правительство, сознав печальные следствия массовой эмиграции и учтя потери людьми и средствами в коренных областях государства, стремилось восстановить свои ресурсы путем извлечения их с новонаселенных окраин. Система мер, с такой энергией развернутая Грозным и его учеником Борисом Годуновым в деле заселения и устройства окраин, была, конечно, попыткою найти новые источники материальных средств и рабочей силы в тех местах, куда стихийно переместилась трудовая масса со старых мест ее поселений.

IV

1. Итоги кризиса и предчувствие смуты. 2. Общий ход развития смуты.

1.

Подведем итоги всему сказанному выше. В территориальном составе Московского государства в конце XVI века мы различили пять областей с особенностями в их социальном складе: Московский центр или Замосковье, Новгородские пятины, Поморье, Низ и Поле. Первые две области были основными «половинами» государства и переживали жестокий кризис. Политически в них свирепствовала опричнина, а экономически они переживали полнейшее разорение и запустение. Верхние слои населения стали жертвою казней и высылок от государя, а низшие – попали в крепостную зависимость от землевладельцев-помещиков, посаженных на крестьянские волости. Вершина общества была развеяна гневным царем, а низы сами побежали, «не мога терпети» своих бед. В этих областях, можно сказать, погибла земледельческая культура, а торговый оборот был парализован по всей западной границе от войны и внутренних неустройств. Кризис не коснулся Поморья, ставшего краем свободного крестьянства после вывода из него новгородских бояр. Его население в XVI веке еще не успело расслоиться на взаимно враждебные группы и

не знало над собою иных властей, кроме своей выборной администрации и органов правительственного надзора. С началом Беломорской торговли Поморье оживилось и начало богатеть от участия в торговом обороте и товарном движении между столицею и гаванями (Колой и Архангельском). В Поморье обозначились торговые центры и пути, и окрепли связи между соседними, ранее разобщенными волостями и «Землями», на которые делился край. В противность центру, для Поморья XVI век был «золотым веком» расцвета общественных сил и их самодеятельности. Особый вид представлял собою Низ – инородческий край, только что завоеванный, замиренный и колонизуемый русским племенем. На основе инородческого быта и труда вырастали там обычные формы московской общественности. Там не успели сказаться острые противоречия между московской властью и знатью, между московским помещиком и крестьянином, но там зрел своего рода кризис – борьба за землю между аборигенами и пришельцами, властно хватавшими земельные богатства плодородного края. Особый вид представляло собою и Поле, на которое главною массою выбегали из государства жертвы кризиса – обездоленные люди, искавшие свободы и счастья в тех местах, где еще не было крепостного строя. Московская власть пришла на Поле за беглецами, обставила его своими городами и взамен крепостной зависимости создала там зависимость служебную – военную и пахотную. Вольным на Поле остался лишь тот, кто не попал в «приборные» служилые люди и ушел на юг далее укрепленной государством границы.

В описанных условиях московской жизни зоркие современники видели угрозу открытой смуты. Они пони-

мали, что постигшее государственный центр разорение, осложненное длительной войною и правительственным террором, не может пройти без потрясений. Упомянутый выше англичанин Дж. Флетчер в книжке о России («Of the Russe Common Wealth»), напечатанной в 1591 году в Лондоне, определенно предсказывает смуту в Московском государстве – переворот и междоусобие, как последствие террора Грозного, возбудившего всеобщий ропот и непримиримую ненависть. Начало смуты он связывал с концом московской династии, которого ожидал со смертью царя Федора Ивановича. А об исходе смуты он говорил, что в смуте решающая роль, – а стало быть, и победа – будет принадлежать не знати и не народной массе, а общественной середине – «войску» (the militarie forces). Такою прозорливостью не отличались русские люди XVI века; но и они предчувствовали беду; они даже предсказывали потрясения, но только в виде неясных намеков и угроз. Впрочем, один из анонимных писателей того времени обнаружил замечательное провидение, когда сказал, что на Руси «при последнем времени» запустеют волости и села «никим гоними», «люди начнут всяко убывати, и земля начнет пространнее быти, а людей будет менши, и тем достальным людем будет на пространной земли жити негде», и «царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременятися начнут».

Для наблюдательных людей было, словом, ясно, что не может быть мира и благополучия в стране, где целые области разорены дотла, где родовая знать угнетена и пылает ненавистью к династии и ее дворцовым фаворитам, где служимый класс лишен возможности служить и хозяйничать, где низшие классы бегут от зависимых и

разорительных условий труда, где, наконец, правительство должно управлять при отсутствии доходов и войска, при всеобщем недовольстве и ропоте. Понятен тот страх, с каким московские люди в последние годы царствования бездетного царя Федора ожидали его смерти: с ним окончится его род, пресечется «корень» московских государей, и начнется смута.

Этот страх был основателен: со смертью царя Федора смута началась. Совпадение государственного расстройства с концом династии было главною причиною возникновения открытой смуты. Сильное правительство могло бы бороться с общественным движением и искать выхода из затруднений. Но правительство невменяемого царя Федора для этого было мало пригодно. В нем был крупный политический талант – Борис Годунов; но ему приходилось работать при постоянных интригах и чрезвычайных осложнениях. Смута оказалась сильнее Бориса. Она сопровождала начало его карьеры и она же была причиною его довременной смерти и гибели его семьи.

2.

Итак, открытая смута в Московском государстве началась со смертью бездетного царя Федора Ивановича (1598 г.). Принято думать, что окончилась она со вступлением на престол царя Михаила Федоровича (1613 г.). В этот промежуток времени московская жизнь была полна борьбою разных общественных и политических сил. Всматриваясь в ход этой борьбы, замечаем, что сначала ее предметом служил московский престол. За обладание им борются разные «желатели власти»: Романовы с

Годуновыми, затем Годунов с самозванным царевичем Дмитрием Ивановичем, и напоследок, убив самозванца, престолом овладевает князь из потомства Рюрика Василий Иванович Шуйский. Это время (1598–1606 годы) есть период династической смуты. Вскоре за воцарением Шуйского начинается ряд восстаний на царя Василия и на окружающих его «лихих бояр». Хотя восстававшие и прикрываются именем царя Дмитрия, которого считают убитым, однако ясно, что движение руководится уже не династическими мотивами, а мотивами классовой вражды. На рабовладельческую вершину общества восстают общественные низы – казачество – в чаянии политического и социального переворота. Это открытое междоусобие продолжается с 1606 по 1610 год и может быть названо временем социальной борьбы.

В московское междоусобие, вскоре же по его возникновении, начинают вмешиваться всякого рода иноземцы, чтобы воспользоваться слабостью Москвы в своих частных интересах, или же для пользы их государств – Швеции и Речи Посполитой. Это вмешательство приводит к тому, что Новгородская и Смоленская окраины государства переходят под власть шведов и поляков, а в самой Москве, после свержения с московского престола царя Василия, водворяется польско-литовский гарнизон. Таким образом, социальная смута приводит к разложению общественного порядка в Московском государстве и к падению государственной самостоятельности. Вмешательство иноземцев и их торжество над Москвою возбуждают в русских национальное чувство и направляют против народных врагов все слои московского населения. С 1611 года начинается попытки свержения чуждой власти; но они не удаются до тех пор, пока им

вредит слепая непримиримость общественных слоев. Но когда в 1612 году образовалась в Ярославле боевая организация, объединившая средние классы московского общества, дело получает иной оборот. Ярославское временное правительство успело настолько повлиять – и внушением и силою – на казачью массу, что достигло единения всех народных сил и восстановило царскую власть и единое правительство в стране. Этот период смуты (1611–1613) может быть назван временем борьбы за национальность.

По указанным трем периодам и будет построено дальнейшее изложение.

Глава вторая

Первый период смуты – смута династическая

I

Борьба боярских кружков за влияние во дворце начинается тотчас по смерти Грозного 1. Знать княжеская и знать дворцовая. 2. Борис Федорович Годунов – регент; его политическая роль. 3. Годуновы и Романовы; смерть Угличского князя «царевича» Димитрия.

1.

Первые признаки смуты явились в Москве в первые же дни после смерти Грозного: Грозный умер 18 марта 1584 года, а 2 апреля произошел открытый беспорядок на центральной московской площади «Пожаре» (иначе Красная площадь). Вооруженная толпа хотела взять приступом Кремль и требовала выдачи фаворита Грозного опричника Богдана Бельского, который, будто бы, «хочет извести царский корень и боярские роды». Дело шло о том, сохранить ли при преемнике Грозного, царе Федоре, опричнину, или же ее отменить. Народ поддержал «земских бояр», противников опричнины, князя И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева; они выслали из

Москвы Б. Бельского, едва не убитого толпою. Таким образом, на первых же порах чисто политический вопрос – о порядке внутреннего управления – был решен при участии площади; именно под ее давлением ненавистная народу опричнина была уничтожена.

Такое вторжение толпы в боярскую ссору приключилось потому, что все в Москве знали свойства воцарившегося после Грозного его сына Федора. Это был слабоумный и безвольный человек, нуждавшийся в руководстве и опеке, и народ желал, чтобы около него были надежные лица. Мстиславский и «Никита Романович», особенно последний, пользовались известностью и популярностью, и толпа успокоилась на том, что у правления стали именно они. Правил собственно Никита Романович, стоявший к царю ближе всех, как его родной дядя по матери. Когда же он захворал (в августе 1584 г.), править стал вместо него шурин царя Федора, брат его жены Ирины Федоровны, Борис Федорович Годунов. Оба эти правителя были настолько умны и ловки, что сумели держать московское население в порядке и повиновении и сами не выносили в народ боярских интриг и дворцовых секретов. Годунов даже успел привести в послушание себе всю боярскую среду, далеко не расположенную к нему. Но, разумеется, он не мог подавить тех чувств неприязни и зависти, какие вызывала в боярстве его быстрая и блестящая карьера. Эти чувства знати лично к Борису сплетались с другими мотивами ее недовольства и создавали почву для постоянной, хотя и прикрытой, дворцовой смуты.

Выше было показано, на какие группы делилась исконная московская знать. В ней различались «княженецкие» роды и «исконивечная» среда нетитулованных

московских слуг. «Опричнина» Грозного разгромила и принизила княжат и отдала первые места во дворце царской родне, образовавшейся не из княжеской среды. Грозный ни сам не женился, ни сыновей не женил на московских княжнах. Царские невесты обычно избирались из семей без титулов и приводили за собою во дворец, «выносили наверх», представителей простого боярства или дворянства. Во дворце образовалась таким порядком новая знать, в которой первенствовали семьи Юрьевых (они же ранее Захарьины, позднее Романовы) и Годуновых. Вокруг них группировалась и родня и свояки, в составе которых были и князья, сблизившиеся или породнившиеся с сильными семьями дворцовой знати. В противоположность этой среде, загнанные и запуганные Грозным «княженецкие» семьи продолжали и после опричнины составлять особую группу родовой знати, если не вовсе устраненную из дворца, то поставленную в стороне от его интимной жизни и вне царской ласки. В этой группе боярства виднейшими были князья Шуйские, Воротынские, Голицыны, Куракины. В их родстве и свойстве находились представители как прочих княжеских линий, так и простого боярства.

Таким образом, в московской знати конца XVI века жило старинное различие между княжатами и не-княжатами; но характер этого различия несколько изменился. Обе группы достаточно перемешались между собой путем браков и иных житейских сближений и стали пестрыми по составу. В эпоху опричнины они окончательно сравнялись по служебному положению. Но в одной из них, «княженецкой», жил еще старый дух, цела была удельная закваска, сильна была ненависть к опричнине, направленной как раз на эту группу, и к династии, традиционно утеснявшей княжат. В другой же – приверженность к Москве, как к давнему месту службы, получила характер привязанности именно к династии, с которой удалось этим людям породниться и связать свою судьбу. Здесь, напротив, держалась мысль сохранить тот служебный и придворный порядок, который создался во дворце, как последствие опричнины, вызванного ею падения княжат. В минуту кончины Грозного во дворце его княжеская группа не играла никакой роли, и делами распоряжалась знать дворцовая. Устранив Бельского и его затею сохранить опричнину или «двор» Грозного в неприкосновенном виде, Юрьев и Годунов не дали хода и княжатам. Отменив ненавистные всем террористические опричнинские порядки, они держались, однако, старой традиции в отношении княженецких родов и этим в сущности продолжали режим Грозного. Ставший во главе дел Борис Годунов как бы олицетворял собою лично этот режим и потому в особенности возбуждал против себя дурные чувства бояр-княжат. По их мнению, его надо было устранить и как слишком молодого карьериста и как представителя известной системы. С его падением могла пасть и самая система, так как со смертью Никиты Романовича один Борис оставался в дворцовой знати способным человеком; прочие же ее представители были или молоды, или ничтожны.

В этом сочетании общих и личных условий крылась причина тех покушений на Бориса Годунова, какие предпринимались родовитейшими боярами в первые годы правления Бориса. Таких покушений было несколько, и всех их Борис отразил. В результате столкновений с ним его противники исчезали из дворца и из Москвы: попал в монастырь престарелый князь И. Ф. Мстислав-

ский, были сосланы князья Шуйские, сведен с митрополии митрополит Дионисий, удалены Головины... Борис «осиливал» своих недругов без террора и крови. Казнены были только те «мужики», шесть или семь, которые учинили в 1587 году уличный беспорядок с целью просить «ото всея земли» бездетного царя Федора развестись с сестрою Бориса и взять другую жену «царского ради чадородия». Подстрекнувшие «мужиков» князья Шуйские надеялись, что с удалением царицы Ирины потеряет значение и Борис. Но Борис ухитрился не только удалить самих Шуйских, но и себя укрепить в правительстве так, что ему не страшны стали никакие интриги. Он повел дело таким образом, что стал – формально и гласно – регентом государства при избегавшем «мирской докуки» царе Федоре, явно неспособном ни на какие дела.

2.

В 1588–1589 годах рядом постановлений боярской думы Борису было присвоено право сношений с иностранными правительствами, как «царскому шурину» и «доброму правителю» государства. С этих пор пышный титул, усвоенный себе постепенно Борисом, получил деловое значение. Борис на самом деле стал тем, чем его раньше именовали англичане, – правителем и регентом («livetenant of the empire», «lord protector of Russia»). Он «правил землю рукою великого государя», которого гласно опекал; он вел внешнюю политику Московского государства, именуясь «величеством» наряду с «царским величеством» в Москве и «цесарским величеством» в Вене. Он имел у себя двор, подобный царскому; держал при этом дворе этикет, подобный «чину» большого

дворца. Из «ближнего боярина», «конюшего» «слуги» он превратился в такого ранга вельможу, который «не образец никому»: про него официально говорилось, что «у великого государя (Федора Ивановича) многие цари и царевичи и королевичи и государьские дети служат, а у Бориса Федоровича всякой царь и царевичи и королевичи любви и печалованья к государю просят»... Он – великий человек, «государю нашему шурин, а великой государыне нашей брат родной». Если сообразить, что, при своем придворном и политическом возвышении, Борис успел сосредоточить в своем обладании громадные материальные средства – земли, доходы с оброчных статей, жалованье по различным должностям, – то станет понятным, какова стала сила этого человека. Он располагал всем, что было потребно для политического господства. Придворный фавор и влияние, правительственное первенство и власть над всем аппаратом управления, исключительное богатство и тысячи лиц, зависимых от него, как землевладельца, – все это ставило Бориса вне опасности боярской конкуренции и козней. Кто мог открыто выступить против царского опекуна и главы правительства?

Но если бы такое положение Бориса основывалось только на его ловкости в дворцовой интриге, оно не было бы прочным. К придворной ловкости Бориса присоединялся большой правительственный талант, который получил общее признание среди его современников. Бориса почитали исключительно умным человеком, «мужем зело чудным», превосходившим «множество людей» своими личными свойствами. Он не был книжно образованным начетчиком, даже не был «навычен простым буквам»; его сила заключалась в практическом уме

и мудрости (Weissheit und Verstande, по выражению одного знавшего его немца), в огромной памяти, в организаторской способности и житейском такте. По-видимому, он был по природе очень добр, мягок и приветлив: «во ответех всем сладок»; он любил благотворить заделать добро, «требующим даватель неоскуден»; он стоял за слабых и обидимых, «на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумолим». Нет ничего удивительного в том, что он прочно владел властью, вел успешную политику и был популярен: «таковых ради строений всенародных всем любезен бысть». В Москве очень любили Бориса; по словам современников иностранцев, «Борис так расположил к себе, что о нем говорили повсюду»; средние классы населения, особенно обязанные Борису своим благополучием, «взирали на него, как на Бога». «Зряще разум его и правосудие», «праведное и крепкое правление» и «людем ласку великую», народ и избрал Бориса на царство после кончины Федора Ивановича и пострижения его жены.

Политическая роль Бориса была очень трудна, но и почетна. Судьбы страны достались в его руки в тяжелые дни рокового кризиса. Проигранная война за морской берег, истощившая государство и разорившая его западные области; разброд населения и землевладельческий крах в центре; опричнинский террор с его тяжкими моральными и материальными следствиями, – все это создавало исключительную по трудности обстановку. Около двенадцати лет (1585–1597) правил Борис государством при царе Федоре и все эти годы поневоле посвятил борьбе с этой обстановкой. Он достиг больших успехов. В сфере внешней политики он заставил враждебных соседей, Швецию, Литву и Польшу, признать возрождение

политической силы Москвы после понесенных ею при Грозном поражений. При Борисе во всех проявлениях московской политической жизни, во всех сношениях с окружавшими Москву государствами чувствовался подъем правительственной энергии и сознания своих сил и возможностей. В политике внутренней задачи момента были еще сложнее и труднее, чем в политике внешней; но и здесь Борису удалось очень многое.

Во-первых, он бесспорно улучшил общее экономическое положение своими мерами относительно торговли. Потеряв балтийские гавани, Москва при Грозном, благодаря войне, перестала торговать с Европой и на Литовско-Польской границе; ей оставался только северный торговый путь. Борис выговорил некоторую свободу сообщений через шведские земли – для купцов, идущих с Балтики с товарами на царское имя. Но так как торговля в Нарве осталась исключительно в шведских руках, то все внимание свое Борис направил на Беломорскую торговлю и старался организовать ее в пользу Москвы, уничтожив исключительные льготы, данные Грозным английской торговой компании. Во-вторых, Борис, продолжая противокняжескую тенденцию Грозного, совершенно изменил способы ее применения. Он прекратил террор и крепко сросшийся с ним цинический разврат «двора». Московский дворец стал мирным и нравственным; правительственные приемы стали мягкими и технически умелыми. Страна испытала действительное облегчение. По словам современников, Бог «благополучно время подаде»: московские люди «начаша от скорби бывшие утешатися и тихо и безмятежно жити», «светло и радостно ликующе»; «всеми благинями Росия цветяше». Благодаря такой перемене,

положение Москвы заметно улучшалось, население успокаивалось, даже прибывало, торговля и всякая иная хозяйственная деятельность оживлялась и росла. А вследствие этого возможно стало и некоторое смягчение податного и служебного бремени, налагаемого правительством на население. Борис постоянно указывал на то, что за время его власти тяготы были облегчены, льготы были восстановлены, «в торгех повольность учинена», бедным и слабым дана защита и всякая помощь.

Однако, эти успехи не могли излечить главного недуга московской жизни. Кризис землевладения в центре продолжался; поместные земли оставались без рабочей силы, и «тощета» служилых людей не уменьшалась; выход трудового народа на украйны не стал меньше, и борьба за рабочие руки шла с большим ожесточением. Перед Борисом стояла настоятельная необходимость регулировать отношение крестьян и холопов к их «государям»-землевладельцам и к государству и выяснить отношение правительства к антагонизму крупных и мелких землевладельцев как в крестьянском деле, так и вообще в сфере земельных отношений, где крупное и льготное землевладение росло за счет служилого мелкого. В этой сложной социальной обстановке Борис взял определенный курс: он имел в виду главным образом охрану государственных интересов и в классовой борьбе поддерживал ту сторону, стремления которой совпадали с правительственными видами. Борьба за землю и крестьян в общем вела к разорению мелкого служилого землевладения, к личному закрепощению крестьян и к развитию холопства. Все это было невыгодно для правительства, ибо лишало государство плательщиков и служилых людей. Борис принимал меры к

поддержке мелкого поместного дворянства, крепил за ним крестьян и возбранял их «перевоз» с мелких поместий в крупные вотчины. В то же время он противился обращению крестьян в холопство посредством «ссуд» и иных способов закабаления. Во всех этих случаях правительственная власть становилась вместе с мелким служилым человеком и с «мужиком» против крупного землевладельца, светского и церковного, и в своих собственных целях охраняла низшие общественные слои от покушений высшей среды на их труд, на их людей и земли. Эта тенденция Бориса делала его популярным в опекаемой среде, но не давала скорых и верных результатов. Кризис, быть может, смягчался, но не прекращался. Стихийный антагонизм землевладельческих слоев и рабочей массы не мог быть уничтожен одною правительственной ловкостью и мудростью.

3.

Такова в самых общих чертах правительственная деятельность Бориса Годунова. В начале 1598 года, в момент смерти царя Федора, он был бесспорно первым лицом в государстве популярным правителем и прославленным благотворителем, у которого «строенье его в земле таково, какого николи не бывало: никто большой, ни сильный никакого человека, ни худого сиротки не изобидят». Но, «естеством светлодушен и нравом милостив», Борис все-таки имел врагов. Прежде всего среди них надобно назвать, как уже было сказано, старую родовую, княжескую знать. Она видела в Борисе ученика и продолжателя Грозного, который, по ненавистному ей принципу московской династии, теснил и

унижал «высокородных» и на их «степени» возводил худородных сверх «меры и времени». Так думали не одни княжата: и иноземцы писали, что «Борис устранил всех знатнейших бояр и князей», и что Годуновы старались всеми способами истребить или унизить древнейшую знать. Чем крепче овладевал Борис властью, тем более портились его отношения к знати нового образования, к тем боярским семьям, которые, как и сами Годуновы, принадлежали к среде дворцовых фаворитов и царской родни. В юности Бориса первенство в этой родне принадлежало тому боярскому роду, в котором каждое поколение по имени и прозвищу дедов именовалось последовательно Кошкиными, Захарьиными, Юрьевыми, Романовыми.

В особенности выдавался среди своих сородичей Никита Романович Юрьев, брат царицы Анастасии, знаменитый «земский» боярин. Грозного. Его известность и популярность была такова, что он стал героем народных песен. Как мы видели, он был первым по времени опекуном царя Федора и до своей болезни был главным лицом во дворце. В болезни же он, по-видимому, сам уступил первенство Борису, передав ему не только опеку над царем, но и «соблюдение о чадах» своих. Несколько сыновей Никиты Романовича были еще молоды и не могли наследовать немедля первенствующее положение отца. Союз с Борисом был для них важен, и, по-видимому, он был даже оформлен крестным целованием: современники знали, что Борис «клятву страшну тем сотвори», – в том, что будет их почитать братьями и помощниками в управлении государством. Таким образом, оба заметнейших круга дворцовой знати – Романовы и Годуновы – вошли в «завещательный союз дружбы» для сохранения

дальнейшего главенства во дворце и, разумеется, для возможной борьбы с княжескою знатью. Но с течением времени эта дружба гасла. Романовы вырастали и ревновали силе и славе Бориса. Они считали свой род не ниже, а выше Годуновского, и не менее Бориса мечтали о возможности наследовать трон бездетного царя Федора, В лице молодых Романовых для Бориса вырастал опаснейший враг. Воспоминания, жившие в Москве, о кротчайшей «голубице», жене Грозного Анастасии Романовне и о знаменитом ее брате Никите Романовиче, окружали ореолом добродетели и славы семью Романовых. Этого ореола не было у Годуновых, и Борис мог противопоставить ему только собственную репутацию, которой его недруги старались всячески вредить.

Было в московской жизни того времени такое обстоятельство, которое можно было использовать против Бориса. Это смерть так называемого «царевича Димитрия», младшего единокровного брата царя Федора, прижитого Грозным от седьмой его жены Марьи Нагой. Незаконный канонически брак делал и плод этого брака сомнительным в отношении законности. Однако, малютку «князя Димитрия» (его тогда так титуловали) по смерти отца признали «удельным князем» Угличским и послали в Углич, на «удел», вместе с матерью и дядями. Разумеется, в это время «удел» был уже фикцией, и в Угличе рядом с удельным дворцом жили и действовали агенты центрального правительства, московские чиновники – постоянные (дьяк Мих. Битяговский) и временные («городовой прикащик» Русин Раков). Между Нагими и этими представителями государственной власти шла постоянная вражда, так как Нагие не могли отрешиться от мечты об «удельной» автономии и считали, что московское

правительство и его агенты нарушают права «удельного князя». Государственная власть, конечно, не склонна была признавать удельные притязания и постоянно давала Нагим поводы к обидам и злословию. В такой то обстановке постоянной злобы, брани и ссор и погиб маленький Димитрий. 15 мая 1591 г. он умер от раны, нанесенной ножом в горло во время игры его в свайку с «потешными робятками» на внутреннем дворе Угличского дворца. Официальным следователям (князю Василию Ивановичу Шуйскому и митрополиту Геласию) очевидцы события показали, что царевич сам себя поколол ножом во внезапном припадке «падучей немочи» (точнее, в припадке эпилептического психоза). Но в момент события мать Димитрия, обезумевшая от горя, стала кричать, что царевича зарезали. Подозрение ее пало на московского дьяка Битяговского и его близких. Толпа, созванная набатом, учинила над ними погром и насилие. Были пограблены дом и канцелярия («приказная изба») Битяговского и убито свыше десяти человек.

После «сыска» о всем происшедшем московские власти признали, что царевич погиб от нечаянного самоубийства, что Нагие виноваты в подстрекательстве, а угличане в убийствах и грабеже. Виновные были сосланы в различные места, «царица» Марья Нагая пострижена в дальнем монастыре, а царевич погребен в Угличском соборе. Его тела не привезли в Москву, где обычно хоронили лиц великокняжеской и царской семьи – в «Архангеле» с «пресветлыми царскими родителями»; и царь Федор не приехал на похороны брата; и могила царевича не стала памятной и была незаметна настолько, что ее не сразу нашли, когда стали искать в 1606 году. Походило на то, что в Москве по «царевиче» не горевали, а

напротив – постарались его забыть. Но тем удобнее было распространиться темным слухам по поводу этого необычного дела. Слухи говорили, что царевич был убит, что его смерть надобна была Борису, желавшему воцариться после царя Федора, что Борис сначала посылал яд царевичу, а затем велел его зарезать, когда мальчика уберегли от яда. Одновременно шли толки о том, что в случае кончины Федора престол должен достаться не Годунову, а старшему из Романовых, род которых знатнее Годуновского. О том, что более других имеют право на престол княжата Рюриковичи, в Москве слышно не было; но в Польше были уверены, что именно князья Шуйские должны по праву княжеского первородства почитаться преемниками угасавшей московской династии.

Все такого рода толки были преждевременны. О «бесчадии» царя Федора говорить было трудно, ибо его супруга не была бесплодна: у нее рождались мертвые дети. А в 1592 г. родилась – уже по смерти царевича Димитрия – живая дочь «царевна Федосья». Борис, конечно, знал, что от царя Федора еще может «процвесть царский корень» и что убийство незаконного царева брата не наверное откроет дорогу к царскому престолу. Казалось бы, что по этим одним соображениям он не мог стать легкомысленным убийцей. Но и кроме этих соображений у него не могло быть, в дни смерти Царевича, в 1591 году, особой боязни политического выступления Димитрия. В ожидании потомства царь, обеспечивая будущность любимой им жены, приобщил ее формально к делам управления. Впервые в Московском государственном быте царица, как первосоветница своего супруга, наравне с боярами принимала участие в обсуждении государственных

и даже церковных дел. Такою практикою постепенно подготовлялось то, что последовало при кончине царя Федора, передача царства царице Ирине. Если бы удельный князь Димитрий оставался в живых, его право на наследование престола было бы оспорено Ириною. Законная жена и многолетняя соправительница царя Ирина, разумеется, имела б более прав на трон, чем внезаконный припадочный царевич из «удела». Чтобы убедиться в этом, стоит лишь вспомнить ту беспощадную презрительную суровость, с какой древне-русское правосознание относилось к незаконным детям, официально именуя их непечатным словом (Уложение 1649 г., X, 280). Борис-правитель, делая свою сестру-царицу соправительницею скорбного главою царя, этим самым поражал Димитрия вернее, чем ядом и ножом: он уготовал ему политическую смерть ранее физической и в последней не нуждался. Однако, людская молва, рождаясь в умах неискусных и злобствующих на Бориса и не возвышаясь до точного разумения обстановки, создала Борису репутацию властолюбца, ради власти и царского сана способного даже на кровавое преступление.

II

Открытая .борьба за престол начинается со смерти царя Федора Ивановича. 1. Избирательная кампания 1598 года; торжество Бориса и падение Романовых. 2. Самозванец; его появление и вероятное происхождение. 3. Поход Самозванца на Москву. 4. Смерть и падение Годуновых. 5. Правление Самозванца и его свержение; роль князя В. И. Шуйского.

1.

Таковы были обстоятельства Московской дворцовой жизни, когда умер царь Федор. Под утро 7 января 1598 года «угасе свеща земли Русския, померче свет православия, царь Федор приял «нашествие облака смертного» и, отходя в жизнь вечную, оставил «царство временное» своей жене царице Ирине. Дворец и Москва присягнули государыне и, таким образом, совершилось воцарение Ирины. Однако, Ирина не захотела остаться во власти, хотя ее и просили «правити велети» брату Борису, самой же хотя бы только именоваться великою государыней. Ирина ушла в монастырь и постриглась в монахини. И только тогда Московский престол начал «вдоветь», и Москва стала «безгосударной». По царицыну указу временная власть перешла к патриарху Иову, и бояре ему должны были «сказывать дела». На патриарха легла забота о царском избрании. Патриарх отложил это дело до «сорочин» усопшего царя, то есть, до

сорокового дня по его кончине (15 февраля 1598 года), и на этот день назначил заседание земского собора, пригласив на него всех тех, «еже на велицех соборех бывают». В то же время он указал московским людям, «которые на Москве», чтобы они «помыслили себе все обще, кому у них государем быти». Иначе говоря, он открыл в столице предвыборные собрания для предварительного обсуждения дела и подготовки собора.

Состав собора, собравшегося в назначенный Патриархом срок, известен. Он обследован В. О. Ключевским и признан правильным для XVI века по действовавшему тогда порядку представительства. На нем присутствовало: духовенства до 100 человек; бояр и думных людей около 50; служилых людей до 300; людей тяглых, торгово-промышленных 36. С формальной стороны дело избрания обстояло безупречно: собор был законен и правилен; патриарх, его руководитель, действовал по полномочию царицы; собору предшествовало обсуждение вопроса в частных собраниях. Если и была какая-либо агитация и борьба кандидатов на власть, то она не исказила состава собора и не обратила его в «комедию». Дело шло закономерно. В первом же своем торжественном заседании 17 февраля собор избрал в цари Бориса Годунова после речи патриарха о том, что в предшествовавших собору собраниях все их участники и сам он стали на мысли «иного государя никого не искати и не хотети», кроме Бориса. Собор без прений присоединился к мысли патриарха и, стало быть, только санкционировал созревшее ранее решение. Так как Борис и Ирина не сразу подчинились соборному избранию, то собор обсуждал в последующие дни те меры, какими можно было бы воздействовать на их волю. Было решено устроить крестный ход к Новодевичьему монастырю, где находился с сестрою Борис, и земскому собору со всем населением Москвы и со святынями идти 21 февраля просить Бориса. Этот знаменитый крестный ход, не раз описанный историками, достиг цели. Борис согласился стать царем, а Ирина благословила его на царство.

Так изображали ход избрания официальные документы, так повествовала об избрании Бориса и летопись XVII века. Но многие частные сообщения современников обходили эту внешнюю, парадную сторону дела и указывали на то, что делалось будто бы за кулисами официальной сцены. По этим сообщениям, Борис принял свои меры к тому, чтобы на царство просили именно его. Одних он ласкал, другим грозил; его агенты действовали повсюду. Крестный ход 21 февраля был устроен с помощью послушной Годунову московской полиции: москвичей силою гнали к монастырю, и побоями заставляли кричать и просить Бориса. Никакой законности, никакой правды и ни малейшего приличия не было будто бы в том, как Борис овладевал царством. Один из русских писателей той эпохи, принадлежащий к лагерю князей Шуйских, описав козни Бориса, говорит, что Борису удалось обмануть своими хитростями высшую знать: «велицыи же бояре, иже от корене скипетродержавных (то есть князья Шуйские) и сроднии великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Русии (то есть Романовы) и достойни на се (избрание в цари) не изволиша ни много ни мало поступити и между себе избрати, но даша на волю народу». Они будто бы поверили в ту любовь народную к Борису, которую он так ловко и бессовестно инсценировал. У иностранцев, живших тогда в Москве и оставивших свои

записки, находятся такие же сообщения о грубом и хитром воздействии Бориса на народную волю, о комедии избрания.

Читая подобные сообщения, мы чувствуем, что находимся в области обывательского злословия, в котором не легко отличить ложь от правды и серьезное от вздорного. Важнее всех подобных пересудов деловые рапорты Литовского пограничного начальника, Оршанского старосты Андрея Сапеги. Во время избирательной кампании 1598 года он старался собрать для своего правительства точные сведения о московских делах и направил в ближайший московский город Смоленск своих лазутчиков («шпигов»). Все, что те ему сообщали, он в письмах передавал по начальству в Литву. Вот эти-то ответственные сообщения, дошедшие до нас, особенно любопытны и важны. Сапега узнал, что после Федора воцарилась Ирина, но не осталась во власти, а отреклась от мира и ушла в монастырь, и что в Москве тотчас же обозначились четыре кандидата на престол: Федор Никитич Романов, Борис Федорович Годунов, князь Федор Иванович Мстиславский и Богдан Яковлевич Бельский. Последние два не были серьезными претендентами, и борьба шла между Романовым и Годуновым. Сначала Сапеге казалось, что шансов больше у Романова: говорили, будто бы, что сам царь Федор считал его возможным своим преемником. Что же касается до Годунова, то против него, будто бы, было выдвинуто обвинение в убийстве князя Димитрия, почему Федор Романов хотел даже убить его самого, но другие удержали Романова, когда он бросился с ножом на Бориса. В глазах Сапеги шансы Бориса постепенно росли: Сапега узнал, что на стороне Бориса стоят московские стрельцы

и «поспольство» (простое население), тогда как за Романова были некоторые круги боярства. Не один раз отмечал Сапега, что избирательная борьба в Москве имеет очень острый характер, что она грозит кровопролитием, что в Москве происходит «замешанье» (то есть общественное смятенье). Любопытно, что это сообщение Сапеги подтверждается и немецкими письмами того же времени изо Пскова в Германию: в них сообщалось, что Борис воцарился не гладко, что в Москве была большая смута из-за царского избрания и что вельможи не желали примириться с избранием Бориса. Все эти сведения освещают воцарение Бориса ярким светом.

Оказывается, что тенденциозный рассказ московских ненавистников Годунова совершенно ложно описывал положение дел: ни бояре, ни народ в Москве не были пассивными жертвами угроз и подкупов властолюбца. За московский престол в ожесточенной и открытой борьбе схватились виднейшие представители двух главных семей дворцовой знати – Романовской и Годуновской. Княжеская знать оставалась в стороне от этой схватки. До собора 17 февраля 1598 года Москва в длительной смуте решала вопрос о лице будущего царя и взвешивала шансы кандидатов. Ко дню собора дело было решено в пользу Бориса и на соборе оформлено «единодушным» избранием. Есть сведения, что и после собора противники Годуновых не желали примириться с их успехом и надеялись не допустить Бориса на трон. У Сапеги был слух, что Романовы и Бельский весной 1598 года попытались заменить Бориса другим лицом, именно татарским «царем» Симеоном Бекбулатовичем, который при Грозном носил титул «великого князя всея Руси». Но эта интрижка (или даже заговор) не удалась,

и Борис венчался на царство 1 сентября 1598 года. Он воспользовался первым же случаем для того, чтобы обезопасить себя в будущем от своих соперников и ненавистников. В конце 1600 года ему удалось получить какие то улики против Бельского, Романовых и предать их суду. По сыску и суду оказались виновными (или, точнее, обвиненными) в умышлении на государево здравие вся семья Романовых и родственные им семьи князей Черкасских, Сицких, Репниных, Шестуновых и др. Всех их, как и Бельского, разослали в ссылку в глухие места, а старшего Романова – того Федора Никитича, который оспаривал у Бориса престол, – постригли в монахи, иначе говоря, «предали политической смерти». Разгром Романовского боярского круга представлялся последним актом избирательной борьбы, после чего, казалось, Борис мог считать себя прочным на престоле.

Положение его, однако, было очень щекотливо. Никто не мог выступить против него открыто; популярность его в народных массах еще не колебалась, и власть его была крепка. Но он не мог не чувствовать своего политического одиночества, в каком оказался со времени воцарения. До избрания на царство, при царе Федоре, он был признанным главою и вожаком дворцовой знати, объединенной с ним «завещательным союзом дружбы» против другой стороны московской аристократии – княжат. Избрание на царство поссорило его с его друзьями, так же, как и он, искавшими престола. В пылу борьбы он разгромил их и, выбросив из Москвы Романовых с их роднею, в сущности уничтожил весь старый придворный круг. Годуновы, обратившись в династию, остались единственными его представителями. Княжеская знать была чужда Годуновым. «Старейшая

братия» среди князей – Шуйские, Воротынские, Голицыны, Куракины – не имела сил спорить с Годуновым за престол, ибо была в угнетении и в загоне. Но радоваться воцарению Бориса она также не могла: она, конечно, считала его похитителем ее прав, гонителем и угнетателем. При таких отношениях Годуновы были совершенно одиноки; они должны были всех остерегаться, всех подозревать, за всеми следить. В этом – объяснение той системы доносов и мелкого сыска, какая процвела в царствование Бориса и в руках Семена Никитича Годунова обратилась в страшное и ненавистное орудие царской охраны. Чувствуя свое одиночество и отсутствие близ себя сочувственной и согласной правительственной среды, Борис не мог не понимать, что он один несет на себе всю тяжесть власти, что среди его сородичей нет ни одного крупного лица, которое могло бы быть ему помощником и заместителем, а среди придворных нет такого сплоченного круга лиц, которому можно было бы верить и на который было бы можно опереться.

2.

Итак, Годуновы у власти с кругом своей родни; Романовский круг разгромлен; княжеская знать придавлена. Все государственные дела в ловких руках царя Бориса, и у него нет более соперников. В таком виде представлялось общее положение в Москве на самом рубеже XVI и XVII столетия. В этот именно момент полного и нераздельного торжества Бориса побежденные им враги успели положить начало гибели Годуновых, создав самозванного Угличского князя «царевича Димитрия» и выдав его за законного сына царя Ивана Грозного, который

будто бы имел право наследовать «прародительский престол». В самый момент царского избрания в 1598 году Годунову было брошено в лицо обвинение что он велел убить князя Димитрия, и что у него теперь находится «приятель» или «друг», похожий на Димитрия, готовый выдать себя за убитого, если Борису понадобится «воскресить» князя Димитрия. Слухи говорили, что это обвинение высказал Борису Федор Романов. Верно ли это или нет, все равно: в 1598 году это странное обвинение существовало и распространилось настолько, что перешло в Литву, и стало известно там Андрею Сапеге. Нельзя, конечно, объяснить, зачем понадобился бы Борису самозванный Димитрий; но против Бориса его врагам он был надобен: только законным сыном Грозного можно было свергнуть Бориса и погубить его. Димитрий не воскрес в дни царского избрания в 1598 году, но в 1600 году прошел по Москве слух, что он жив и ушел за рубеж. По-видимому в связи с этим слухом создано было дело Бельского и Романовых, у которых Борис думал обнаружить корень самозванческой интриги. Что он нашел у них – неизвестно; но ссылка Бельского и Романовых не остановила интриги. В 1603 году появились определенные известия о том, что в Речи Посполитой находится лицо, именующее себя царевичем Димитрием Ивановичем, сыном Ивана Грозного, сохраненным от покушения на него Бориса Годунова. Это лицо было признано польским правительством за подлинного царевича, несмотря на то, что из Москвы называли его самозванцем и официально извещали, что это монах Григорий Отрепьев. В марте 1604 года произошло окончательное сближение самозванца с иезуитами, а 24 апреля самозванец был присоединен к католичеству

и сам известил об этом папу Климента VIII торжественным письмом на польском языке. С этого момента началось, так сказать, официальное существование претендента на московский престол, и Борис должен был ожидать вторжения в пределы его царства вооруженного врага*.

Изо всех существующих мнений о происхождении самозванца наиболее вероятным представляется то, что это был московский человек, подготовленный к его роли в среде враждебных Годунову московских бояр и ими пущенный в Польшу. По крайней мере, письмо его к папе свидетельствует ясно о том, что писано оно не поляком (хотя и сочинено на отличном польском языке), а москвичом, который плохо понимал тот манускрипт, какой ему пришлось переписать набело с польского черновика, услужливо подготовленного для него иезуитами. Напрасно будем мы искать в Польше или Литве такой круг лиц, которому могли бы приписать почин в деле измышления и подготовки московского царевича. Сам Борис, по свидетельству современников, сразу же, как только услышал о появлении самозванца, сказал «князьям и боярам в глаза», что это их дело. По-видимому расследование, предпринятое Борисом, убедило его, что роль самозванца взята на себя монахом Григорием Отрепьевым, он не колебался объявить об этом польскому правительству, хотя, разумеется, легко

* Нет надобности излагать здесь давно известные подробности о появлении самозванца в Польше и его личные приключения до его похода на Москву. Желающие могут прочесть об этом в трудах о. Павла Пирлинга и, прежде всего, в книге «Le P. Pierling S. J. La Russie et le Saint-Siege», t. III, Paris. 1901 (Переведено по-русски: «О. Пирлинг. Димитрий Самозванец». Полный перевод с французского В. П. Потемкина. Москва. К-во «Сфинкс». 1912).

мог бы это последнее обвинить не только в покровительстве самозванцу, но и в самой подстановке лица, принявшего на себя имя Димитрия. Не бросив такого обвинения полякам, Борис тем самым давал основания искать виновников интриги в Москве.

Сам он, очевидно, подозревал корни интриги среди семей Романовского круга. На это. указывают кое-какие обстоятельства. В 1605 году, объявляя народу о войне с самозванцем, правительство Бориса называло самозванца Гришкою Отрепьевым и указывало, между прочим, на то, что Гришка «жил у Романовых во дворе». Немногим позднее, тотчас по свержении самозванца московское посольство заявляло официально в Польше, что свергнутый Гришка «был в холопех у бояр у Никитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкасского и, заворовався, постригся в чернецы». Это заявление повторяло в сущности ту версию, которую из Москвы еще при Борисе, в конце 1604 года, официально сообщали в Вену императору Рудольфу II, что Гришка был на службе у Михаила Никитича Романова. О том, что Отрепьев связан был со двором Романовых и Черкасских, свидетельствовали и частные сказания. В одном из таких сказаний о Гришке Отрепьеве говорится, в прямой связи с делом Романовых и Черкасских, что Гришка «утаился» от Бориса в монастыре, потому что к князю Борису Черкасскому «в его благодатный дом часто приходил и от князя Ивана Борисовича честь приобретал и тоя ради вины на него царь Борис негодова». Действительно, князь Иван Борисович Черкасский, близкий родственник Романовых, был в числе наиболее заподозренных по делу Романовых, как впоследствии был в составе наиболее близких к самозванцу вельмож. По связи с этим частным сказанием о

«чести», оказанной Отрепьеву в дому Черкасских, приобретает вес и мимолетное, но важное указание Маржерета (верившего в подлинность самозванного паря Димитрия), что в числе вельмож, спасших младенца Димитрия от погибели в Угличе, были именно Романовы.

Так, несколько намеков ведут исследователя к тому же подозрению, к которому пришел в свое время Борис и которое точно можно выразить словами, что корни самозванческой интриги были скрыты где-то в недрах дворцовой знати, враждебной Борису, и, скорее всего, в кругу Романовых и родственных им или близких по свойству семей. Когда войска самозванца появились на московских рубежах и надобно было двинуть на них московскую рать, Борис без колебаний вверил начальство над нею родовитым «княжатам»: Трубецкому, Мстиславскому, Шуйскому, Голицыну. Он не боялся, что они изменят и предадут его, ибо знал, что эта высокородная среда далека от самозванщины. И он не ошибался: княжата загнали самозванца в Путивль и лишь случайно не добили его. Но Борис не послал в свое войско уцелевших от опал и ссылок людей Романовского круга, по их явной для него ненадежности и «шатости». Никого из фамилий, прикосновенных к делу Романовых, мы не видим в составе военного начальства в рати, действовавшей против самозванца. В их именно среде Борис мог предполагать тех своих недоброхотов, которые желали успеха самозванцу, и о которых один современник сказал, что они, «радеюще его (самозванцева) прихода к Москве, егда слышат победу над московскою силою Борисовой, то радуются; егда же над грядущего к Москве чаемого Димитрия победу, то прискорбни и дряхлы ходят, поникши главы».

Некоторым показателем настроения соответствующей среды может служит личное поведение «старца» (то есть, инока) Филарета Романова в пору появления самозванца на московских границах. Любопытно сравнение двух донесений о «государеве изменнике старце Филарете его приставов – от ноября 1602 года и февраля 1605 года. В первом пристав доносит о полном упадке духа Филарета: он желает смерти себе и своей жене и своим детям: «милые мои детки (причитает он) маленькие бедные осталися... лихо на меня жена да дети: как их помянешь, ино что рогатиною в сердце толкнет. Дай, Господи, слышать, чтобы их ранее Бог прибрал!». Прошло два года. В Сийский монастырь, где содержался Филарет, приходили летним и зимним путем, «проходом идучи, помолитися торговые люди тех городов», а иные люди приходили «из иных городов на житье» в монастырь. С этими «прихожими людьми» долетали до монастырской братии и до узника Филарета вести о мирских делах, о воскресшем Димитрии и междоусобии в государстве. И ожил узник в начале 1605 года: «живет старец Филарет не по монастырскому чину (доносил его пристав в Москву), всегды смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил; и к старцам жесток». Монахам Филарет все грозил: они постоянно жаловались, что он «лает их и бить хочет»; к одному из них он даже «с посохом прискакивал»; «а говорит старцом Филарет старец: увидят они, каков он вперед будет». Надежда на волю и мирское житье обуяла Филарета; монастырское начальство само поддалось его настроению, ослабило надзор за ним, оставило прежнее «береженье». Так было в феврале 1605 года, а летом этого года Филарет уже

получил свободу от того самого самозванца, одно появление которого наполнило его светлыми чаяниями.

3.

Итак, борьба за престол и власть между московскими «желателями власти» приняла новый вид – породила самозванного Димитрия. Он появился в русских областях Польши во второй половине 1603 года, как готовый претендент на московский трон. Ему оказали внимание и поддержку и светские, и церковные политики Польши. Польскому правительству была на руку династическая борьба и смута в Московском государстве, окрепнувшем от недавних поражений, и потому оно готово было оказать помощь Димитрию и в пределах международных приличий, не совсем явно и не вполне официально. Клерикальные круги Польши в то время носились с мыслью о возможности унии с Москвою, или даже о возможности ее окатоличения, в целях общеевропейской коалиции против турок и татар. Во имя этой утопии они схватились за московского «царевича» и наскоро обратили его в католичество, веруя, что царь-католик и все свое царство обратит в лоно папской церкви. Благодаря высокому покровительству властей и содействию духовенства, самозванец получил возможность гласно готовиться к походу на Москву. Устроившись у панов Мнишков в их замке Самборе, он вербовал войско и собирал средства. Вокруг него собирались самые разнородные люди: коренной москвич и рядом с ним шляхтич, презиравший всякую «москву»; «мужик-вор», ушедший от московских порядков, и с ним рядом служилый «сын боярский», представлявший опору этих самых порядков; щепетильный

«рыцарь» вольной Польши, исполненный воинской чести со всеми условностями его времени и среды, и с ним рядом степной казак, не знающий никаких условностей и падкий до одной добычи, – вот кто стал за самозванца под одно знамя и одну команду. Такой сброд не сулил самозванцу прочных успехов, если бы даже войско его и было велико. Но есть данные думать, что эта сила не превышала 3.500–4.000 человек, и современники говорили поэтому, что вторжение «царевича» в Московское государство не было похоже на серьезное вражеское нашествие: вел самозванец только «жменю» (горсть) людей «с одного только кута (уголка) украйны в рубеж Северский вшел».

Но не в этом войске заключалась главная сила самозванца. С самого начала его деятельности в Польше шли у него сношения с населением Московской «украйны» и «Поля». Его «прелестные письма» (прокламации) распространяли на московском юге всеми способами: их провозили через границу в мешках с хлебом, прятали в лодках. По этим «листам тайным» к самозванцу шли из Московского государства ходоки и с Дона казаки и, проведав «истинного царевича», возвращались назад и поднимали народ за него против царя Бориса. Когда небольшое войско самозванца вошло в московские границы, на берегах Днепра и Десны к нему стали примыкать сотни и тысячи, и уже в Чернигове он имел, говорили, до 10.000 казаков. А кроме того, отдельно от войска самого Димитрия, на восток от него, на путях с «дикого поля» к Москве, составилась особая казачья и служилая рать, действовавшая именем Димитрия и в его пользу. Таким образом, можно сказать, что самозванец и его агенты и вдохновители начали свою борьбу с Борисом

тем, что организовали против московского правительства восстание южных областей государства. Именно это восстание дало им победу.

Почва, на которой могло быстро развиться это восстание, нам уже известна. Мы видели условия заселения «Поля». Недовольная государственными порядками народная масса наполнила «край земли» московской «воинственным людом оппозиционного настроения. Быстрая правительственная колонизация «Поля» настигла этот люд на новых местах его поселения, окружила его крепостями, завербовала на государеву службу и посадила на пашню, причем, сверх своего пахотного участка, ему необходимо было пахать еще тяжкую государеву десятинную пашню. Таким образом, государственный режим, от которого население бежало «не мога терпети», настигал бежавших и заново работил их. Уже в этом заключалась причина постоянного раздражения и глубокого недовольства украинного населения, которое и здесь легко «сходило на Поле» с государевой службы, а если и служило то без особого усердия. Ко времени же появления «истинного царевича», в 1601–1603 гг., обстоятельства создали и новые поводы к народному ропоту и возбуждению. Главным из них была чрезвычайная голодовка вследствие трехлетних неурожаев, постигших страну. Ужасы голодных лет были чрезвычайны и размеры бедствия поразительны. Страдания народа, дошедшего до людоедства, становились еще тяжелее от бесстыдной спекуляции хлебом, которою занимались не только рыночные скупщики, но и весьма почтенные люди, даже игумены монастырей и богатые землевладельцы. Не лучше действовала и администрация, которая заведовала раздачею царской милостыни и продажею

хлеба из царских житниц: ухитрялись красть деньги и муку и всячески наживаться насчет голодающих ближних. Если голод, нужда и безработица гнали многих на большую дорогу для грабежа и разбоя, то хищничество богатых и власть имевших людей, о котором говорили, не скрывая, грамоты самого правительства, должно было ожесточать меньшую братию против «сильных людей» и придавало простому разбою вид социального протеста.

Именно такой характер имела деятельность разбойничьего атамана Хлопка близ самой Москвы. Он не только грабил «по пустым местом», но много раз «противился» царским воеводам, пока не был пленен в правильном бою. Ни он, ни его разбойники «живи в руки не довахуся»; кто уцелел от боя, тот бежал на украйну, не принеся повинной. По счету одного современника, в первые годы XVII века, на украйну сошло более 20.000 человек, способных носить оружие. Разумеется, не все они вышли из разбойничьих шаек, но все были жертвою тяжелых условий жизни, созданных голодным кризисом. В голодное время многие господа распустили свою «челядь», дворовых людей, чтобы не кормить их, и эти люди нигде не находили приюта, так как не получали от господ установленных отпускных; для них украйна была единственным местом, где они чаяли избавиться от нужды и зависимости. Конечно, настроение этого люда было далеко от довольства и спокойствия. К общим условиям голодного времени присоединилось и политическое обстоятельство.

В связи со слухами о самозванце и делом Романовых и Бельского начались опалы Бориса на бояр. Они вели, по московскому обычаю, к конфискации боярских имений и к освобождению боярской дворни с «заповедью» никому тех слуг к себе не принимать. И их, как прочих угнетенных и гонимых, голодных и бесприютных, принимала та же украйна, то же Поле. На Поле эти новые пришельцы составляли самый беспокойный и раздраженный элемент. Но и то население московского юга, которое уже служило правительству в новых городах на Поле, не было довольно обстановкою своей службы. «Прелестные письма» самозванца находили здесь отличную для себя почву. Украйна готова была подняться на центр, увлеченная возможностью соединить свою месть давним угнетателям с помощью угнетенному «истинному царевичу». Поэтому, по призыву самозванца в городах на Поле в одну «казачью» массу сбились ставшие за Димитрия служилые люди и «вольные казачия» – военное население укрепленных городков и бродячие обитатели казачьих заимок, юртов и станов; и вся эта масса двинулась на север, ожидая соединения с «царем Димитрием» там, где он укажет.

Таким образом, кампания самозванца против Бориса началась сразу на двух фронтах. Сам самозванец в августе 1604 года вторгся в Московское государство от Киева и пошел вверх по течению р. Десны, по ее правому берегу, надеясь этим путем выйти на верховье Оки, откуда пролегали торные дороги на Москву. В то же время казачьи массы с «Поля» пошли на север «по крымским дорогам», группируясь так, чтобы сойтись с самозванцем где-нибудь около Орла или Кром и оттуда вместе с ним наступать на Москву через Калугу или Тулу. Войска Бориса несколько опоздали со своим походом против самозванца. Борис назначил сборным пунктом для главной армии Брянск – город, лежавший одинаково близко к Смоленскому и Северскому рубежам.

Откуда бы ни появился враг, от Орши или от Киева, войска от Брянска могли быть брошены ему навстречу. Когда выяснилось, что самозванец идет «с Северы», воеводы пошли туда и подоспели не к самому рубежу, а встретились с самозванцем только у Новгорода Северского. Он успел взять городки по Десне, даже город Чернигов, но под Новгородом Северским задержался надолго. Прямая дорога на север, к Москве, была для него прочно закрыта. Зато он получал вести, что восточнее его, на «Поле», город за городом признавал его власть. В течение двух недель ему были сданы Путивль, Рыльск, Севск, Комарицкая волость, Курск, Кромы. Затем, признали его Белгород и Царев-Борисов. Быстрое подчинение «Поля» и «украинных» городов соблазнило самозванца. Он бросил осаду Новгорода Северского и повернул направо, на восток, к Севску, для немедленного соединения с казаками. Но Борисовы воеводы догнали его на марше и разбили наголову его «жменю» польско-литовских и русских людей. Самозванец тогда побежал на юг, не успев соединиться с казаками, и затворился в каменном Путивле, растеряв все свои силы и не имея твердой надежды на личное спасение. Казалось, его песня была спета.

Спасло его дальнейшее восстание казачества на московской украйне. Несмотря на поражение самозванца, казаки продолжали захватывать города на его имя. В Путивле самозванец узнал, что его признали Оскол, Валуйки, Воронеж, Елец, Ливны. Все «Поле» было захвачено движением против московского правительства, и бояре, стоявшие во главе армии Бориса, должны были оставить преследование самозванца и отвести войска на север, чтобы они не были отрезаны от сообщений с Москвою. Бояре отошли к крепости Кромам, у которой был важный узел дорог, сходившихся здесь изо всего охваченного восстанием района. В Кромах уже сидели Казаки; московские войска окружили Кромы и заградили выход казакам на север к Москве. Здесь и образовался надолго фокус военных операций: ни казаки не могли двигаться вперед, ни Борисовы войска не могли их прогнать из Кром на юг. Так протекла зима 1604–1605 года. А раннею весною произошло решительное событие: царь Борис скончался 13-го апреля 1605 года.

4.

Борис прихварывал уже с 1602 года, хотя далеко не был стар. Чем именно он страдал, установить трудно. Есть известия, что он был «hidropicus», то есть имел водянку от сердечной болезни; в 1604 году говорили, что его постиг удар, что он «волочит за собою ногу», часто хворает и подолгу не выходит. Но все-таки его кончина в 53 года показалась настолько внезапною и неожиданною, что ее готовы были приписать самоубийству. Молва говорила, что Борис почувствовал себя дурно среди дня – или во время приема послов, или при конце его обеда. Его едва успели причастить и, по древнему обычаю, постричь в иночество (с именем Боголепа). В тот же день он отошел в вечность.

Прошло только три недели с его смерти, и войско Бориса под Кромами уже изменило Годуновым и передалось «истиному царю Димитрию Ивановичу». А еще через три недели семья Бориса была взята из дворца на старый Борисов двор, где 10 июня были убиты вдова и сын Бориса, а его дочь обращена в поруганную узницу.

Трагедия Бориса окончилась гибелью его семьи и полным «захуданием» всего Годуновского рода – главным образом по той причине, что этот род, обратившись в династию был обречен на политическое одиночество. Не раз мы указывали, что дружеские связи, скреплявшие дворцовую знать при царе Федоре Ивановиче, были порваны ссорою Романовых и Годуновых в 1598 году, во время борьбы за царский престол. Эта ссора породила возможность самозванческой интриги, обратив имя царевича Димитрия в орудие борьбы. Не без связи с этою интригою были разгромлены Романовы, и распался союз их «завещательной дружбы» с Борисом. Борис один с своею роднею остался против княжеской знати, приниженной и ослабленной им, но не примиренной и не забывшей своего прошлого первенства. Когда явился самозванец, эта знать, подчиняясь личному авторитету и таланту Бориса, служила ему. Но когда Борис умер, она не захотела поддерживать его династию и служить его семье.

В этой знати сразу ожили все ее притязания, заговорили все обиды, развилось чувство мщения и жажда власти. Княжата отлично соображали, что только что основанная Борисом династия не имела ни достаточно способного и годного к делам представителя, ни сколько-нибудь влиятельной партии сторонников и поклонников. Она была слаба, ее было легко уничтожить – и она действительно была уничтожена. Молодой царь Федор Борисович отозвал из войска в Москву князей Мстиславского и Шуйских и на смену им послал князя М. П. Катырева-Ростовского и П. Басманова. Два князя Голицына, братья Василий и Иван Васильевичи, остались под Кромами. Перемены в составе воевод были произведены, вероятно, из осторожности, но они послужили во вред Годуновым. Войска, стоявшие под Кромами, оказались под влиянием князей Голицыных, знатнейших и виднейших изо всех воевод, и П. Ф. Басманова, обладавшего популярностью и военным счастьем. Москва же должна была естественно пойти за В. И. Шуйским, которого считала очевидцем углицких событий 1591 года и свидетелем, если не смерти, то спасения маленького Димитрия. Князья-бояре сделались хозяевами положения и в армии, и в столице, и немедленно объявили себя против Годуновых и за «царя Димитрия Ивановича». Голицыны с Басмановым увлекли войска на сторону самозванца. Князь же В. И. Шуйский в Москве не только не противодействовал свержению Годуновых и торжеству самозванца, но, по некоторым известиям, сам свидетельствовал под рукою, когда к нему обращались, что истинного царевича спасли от убийства; затем он, в числе прочих бояр, поехал из Москвы в Тулу навстречу новому царю Димитрию. Так держали себя представители княжеской знати в решительную минуту московской драмы. Их поведение нанесет смертельный удар Годуновым, и В. В. Голицын, как говорили, даже не отказал себе в удовольствии присутствовать при последних минутах Борисовой жены и царя Федора Борисовича.

5.

По-видимому, в планы княжат не входила дальнейшая поддержка самозванца. Они рассчитывали, погубив Годуновых, не допустить до власти и их противника, ибо не считали его «истинным царевичем». Возвратясь

из Тулы в Москву, В. Шуйский начал в Москве какую-то агитацию против царя Димитрия. Но в это время в Москву уже подоспели агенты самозванца, и московское население, убежденное самим же В. Шуйским в подлинности «царевича», слушалось не княжат, а новой администрации. Шуйские были арестованы и сосланы. Самозванец, же торжественно вступил (20 июня 1605 г.) в Москву и через месяц в Успенском соборе венчался на царство.

У некоторых историков есть тенденция представлять самозванца человеком выдающегося ума и ловкости. Такую репутацию в его время создавали ему те, кто ему служил и кому приходилось оправдывать свою к нему близость и приверженность. Для народной же массы и для служилого люда в Москве новый царь явился сразу же в невыгодном свете, Первые же дни его царствования омрачились зрелищем политической казни: вывели на площадь и положили на плаху В. Шуйского. Палач уже занес топор, когда пришло помилование и казнь была заменена ссылкою. Самозванца сопровождали в Москву его сподвижники – казаки и польские роты; приехали и польско-литовские паны. Весь этот народ думал, что именно ему москвичи обязаны счастьем восстановления династии, а новый царь своей удачей. Поведение пришельцев было надменно и грубо, нравы распущены.

Они оскорбляли москвичей и озлобляли их, а новый царь не хотел и не мог их унять. Правда, он скоро распустил свое воинство; но на смену ему в Москву приливали новые выходцы из Польши и Литвы искать придворных милостей или барышей, и царь всегда был окружен чужеродными гостями и иностранной стражей. В их кругу

он держал себя не по-царски, не соблюдая привычного для Москвы истового «чина» или этикета. Ходили слухи о его кутежах и разврате, о том, что он якшается с конюхами, объезжая лошадей, и бродит по Москве в дурной компании, не держит постов, не блюдет старых обычаев. Уже в январе 1606 года, всего через полгода после приезда царя Димитрия в Москву, его секретарь Бучинский доносил ему, что, по слухам, в Москве точно уверились, будто Димитрий не настоящий царь. Этим сообщением Бучинский хотел предостеречь своего господина и сделать его осторожнее.

Если толпа имела свои поводы к неудовольствию на царя, то у знати московской были особые причины к негодованию. Царь Димитрий вернул в Москву из ссылки и возвысил родню своей мнимой матери – Нагих; он возвращал к прежним почестям Романовых и Бельского. Выходило так, что в Москве восстанавливалась среда дворцовой знати, а в то же время представители знати княжеской явно отодвигались на задний план. Шуйские, правда, были возвращены из ссылки, но не вернули себе царской милости; не пользовались ею и прочие виднейшие княжата – Голицыны, Куракины, Воротынский. Среда княжат, овладевшая было политическим положением в Москве, снова его теряла. Но не только эта среда, а и вообще все большое боярство должно было негодовать на новых любимцев Димитрия, первенствовавших во дворце. Между этими любимцами П. Ф. Басманов казался очень знатным человеком: любовь самозванца с ним разделяли такие «худые» князья, как Масальский и Татев, такие неродословные люди, как дьяки А. Ф. Власьев и Б. Сутупов, дворяне Михалко Молчанов и Гр. Микулин. Это все были выскочки; в компании с «литвой»

и «ляхами» они образовали неприемлемый для истых москвичей правящий круг. Едва только Шуйские вернулись из ссылки в Москву, они вместе с Голицыными ухитрились (вначале 1606 года) послать в Краков к королю Сигизмунду тайную весть: они жаловались, что король дал им в цари человека низкого и легкомысленного, жестокого, преданного распутству и расточительности, словом, недостойного занимать престол; они надеялись его свергнуть и просили Сигизмунда дать им в цари его сына Владислава.

Таким образом, достаточно было немногих месяцев для того, чтобы воцарившийся в Москве авантюрист потерял доверие и престиж в самых различных кругах столицы и перестал казаться «истинным царевичем». Окончательно погиб он во мнении русских людей тогда, когда они убедились в его неправоверии, «еретичестве» и пристрастии к иноверцам. Желание самозванца жениться на польке без перехода ее в православие, допущение католиков в православные церкви, заглазное обручение с невестою по католическому обряду в Кракове – все это поставило православное духовенство в ряды врагов царя Димитрия. Надобен был лишь вождь и руководитель, чтобы сплотить недовольных и организовать восстание. Таким вождем и руководителем явился «первострадалец», чья голова лежала на плахе, – князь Василий Иванович Шуйский.

Для того, чтобы подготовить восстание и поднять народную массу в организованном движении, необходимо было время. Шуйский «с товарищи» употребили на это почти полгода. За это время самозванец мог бы проявить свои политические способности, если бы они у него были, и укрепить свое личное положение. Однако,

он успел проявить лишь свое легкомыслие. В сношениях с польским правительством он явился неблагодарным и беспамятным. Помощи, оказанной ему Сигизмундом, он не припоминал; обязательств, данных в Польше, исполнять не желал. В вопросах этикета и титула он вел себя заносчиво и мелочно: в то время, когда поляки отказывали ему в царском титуле, по-старому именуя московского царя «великим князем», он требовал от них, чтобы они признали его «императором». Ко времени его падения он уже потерял всякое расположение со стороны официальной Польши так же, как успел испортить свои отношения и с бывшими при нем иезуитами. Они сдержанно, но определенно жаловались на то, что он отдалился от них и уклонялся не только от служения папским видам, но и от простых свиданий с ними. Если припомним, что и с другими странами, как с Польшей, у самозванца не образовалось близости и политической дружбы, то поймем, что среди недовольного им народа он был в сущности одинок. Несколько придворных фаворитов, компания польских гостей да стрельцы, дворцовая стража, задаренная царем, вот и вся сила Димитрия, которую мог бы он противопоставить раздраженному народу.

Все это, конечно, было учтено московскими боярами. Княжата с В. И. Шуйским во главе и с некоторыми членами Романовского круга, к ним примкнувшими, решили действовать тотчас после свадьбы самозванца. Эта свадьба с ее чрезмерными пирами была отпразднована в мае 1606 года и послужила последнею каплею, переполнившею чашу московского терпения. На свадьбу вместе с невестою прибыли сотни польских гостей. Веселый народ шумел на всю Москву и вел себя, как в завоеванном

городе. На царскую свадьбу в Кремль пустили иноверцев, но не пустили московского простонародья. Строгий свадебный «чин» соблюден не был; самый день свадьбы – 8 мая, на пятницу и на Николин день, – был выбран против церковного устава или обычая. Пиры были слишком шумны и слишком длительны. Вообще свадьба перевернула и возмутила всю Москву. С 12 мая народ стал волноваться всею массою, возбуждаемый боярами заговорщиками. Они подтянули к Москве своих людей из вотчин и воспользовались проходившими через Москву, на службу в южные города, воинскими отрядами. На раннее утро 17 мая было назначено действовать. По набату на рассвете толпа бросилась бить и грабить поляков и литву на обывательских дворах, где те жили; а до 200 заговорщиков под шум погрома ворвались в Кремль, проникли во дворец и убили П. Ф. Басманова и самого царя Димитрия. Его жена Марина Мнишек с ее роднею и свитою были схвачены и арестованы. Когда цель заговора была достигнута, руководители заговора стали успокаивать народ и прекращать погром. На улицах появились князья Шуйские, Голицыны, Мстиславский, бояре И. Н. Романов, Ф. И. Шереметев, окольничий М. И. Татищев. Они везде водворяли порядок, разгоняли толпы буянов, ставили к польским домам для охраны караулы, отправляли уцелевших иноземцев в безопасные места. Словом, они стали временным правительством и добились повиновения. Их слушались стрелецкие войска, под их руководством действовала администрация.

В погроме погибли тысячи иностранцев и приверженцев самозванца. Москва избавилась от всех тех, кого считала своими врагами. Дни 17 и 18 мая были днями

стихийного брожения массы. А 19 мая был уже выбран новый царь, князь Василий Иванович Шуйский и, по-видимому, намечен новый патриарх. Когда воцарился Димитрий и пали Годуновы, пал и их друг патриарх Иов. Его заменили греком Игнатием, Рязанским митрополитом. Теперь же «свели» Игнатия и «нарекли» патриархом всея Руси Федора Романова, в монашестве Филарета, постриженного в монахи Борисом Годуновым. Как именно совершилось в этот день 19 мая избрание царя и наречение патриарха, точно не известно. Но с этого дня политическая жизнь Москвы вступила в новый фазис. Борьба за престол окончилась; начиналось время длительного междоусобия.

Начало изложенного нами периода открытой смуты происходило в московском дворце. Там шла борьба боярских семей и кружков за влияние и власть, позднее – за престол. Дворцовая интрига и избирательная борьба стремились ввести в политическую игру народные массы. К народу обращались в самой Москве, поднимая площадную толпу или на беспорядок, или же на «челобитье» (царю Федору или Борису). К народной силе обращались позднее в вооруженной борьбе Борис и самозванец. Рожденная в придворных боярских кружках, самозванческая интрига подняла на Москву весь московский юг, умело воспользовавшись классовой враждою в целях династической борьбы. Но вовлекаемая в политику народная масса играла пока пассивную роль простого и малосознательного орудия. Она доставляла торжество тому, кому верила и слепо служила, не выставляя до времени своих собственных требований. Но она их сознала и высказала в ту минуту, когда поняла, что ее усилиями воспользовались ее враги. Служилые люди и казаки

южных городов и Поля «допровадили» до Москвы «царя Димитрия» в надежде, что от него получат льготы и облегчение их тягот. А между тем, едва они вернулись из похода по домам, как узнали, что их царь на Москве убит, и что властью овладели те самые «бояре», от которых они видели только угнетение и зло. Настроение озадаченного неожиданностью люда сразу определилось и вылилось в острую вражду к московскому боярскому правительству. Юг поднялся против «лихих бояр» в порыве острой социальной ненависти, и смута получила совершенно новый характер.

Глава третья

Второй период смуты – социальная борьба

I

Воцарение князя Василия Ивановича Шуйского служит поводом к народному восстанию 1. Обстановка воцарения Шуйского. 2. Движение на Поле и в других областях. 3. Болотников и «воры» под Москвою, в Калуге и Туле; их поражение.

1.

Царя Василия Ивановича Шуйского «обрали на царство» не так, как Бориса Годунова. Не ждали «сорочин» и не звали «собора», а сделали дело в один день. Заговорщики, свергнувшие самозванца князья и бояре, приехали 19 мая в Кремль, «взяли» оттуда князя Василья на лобное место на Красную площадь, нарекли его там в толпе народа царем и пошли с ним в Успенский собор, где новый государь тотчас же стал «целовать всей земле крест» на том, что не будет употреблять во зло данную ему власть. Совершенно очевидно, что «избрание» было делом захватившего власть княжеско-боярского кружка, в котором В. Шуйский играл первую

роль. Современники, говоря о самоуправстве этого кружка замечают, что об избрании В. Шуйского не все знали даже в Москве, не только в государстве. Новому царю предстояла поэтому нелегкая задача объяснить подданным свое внезапное воцарение и внезапный переворот 17 мая.

В. Шуйский и постарался это сделать в своих «окружных грамотах», разосланных повсюду. Он объяснял народу, что царь Димитрий оказался «росстригою», «еретиком» и самозванцем Гришкою Отрепьевым, что он умышлял истребить православие, избить бояр и отдать русские земли полякам, почему и был свергнут и убит. О себе самом Шуйский говорил, что воцарился на «отчине прародителей» по праву рождения, как представитель старшей линии Рюриковичей, «по прародительской нашей царской степени», и вместе с тем «по моленью» всех людей Московского государства. Народное (и притом мнимое) избрание ставил он на втором месте, выдвигая вперед свое наследственное право на престол. Как преемник прежней династии, он милостиво говорил народу: «хотим держати Московское государство по тому же, как прародители наши великие государи Российские цари, а вас хотим жаловати и любити свыше прежнего». В подкрепление этого обещания он «поволил» целовать крест «всем людям Московского государства» на том, «что мне их жалуя судити истинным праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класти и недругом никому никого в неправде не подавати». В переводе на наш язык это значит, что царь обещал никого не убивать и не ссылать без следствия и суда, вместе с осужденными и виновными не привлекать к ответу и

наказанию их невинной родни и искоренить доносы и наушничество.

В этих обещаниях видят формальное ограничение власти, какое добровольно наложил на себя новый московский самодержец в пользу воцаривших его бояр-княжат. Конечно, он вполне зависел от своих соумышленников, с которыми вел заговор и захватил власть. Он был первым по знатности между знатными членами княжеского кружка и потому получил от них престол; но он оставался в их кругу и связан был с этим кругом не только единством убеждений, весьма аристократических, но и известным уговором, отражением которого, конечно, было «целование креста». Однако, в обещаниях Шуйского не заключалось умаления царской власти: новый царь прямо заявлял, что будет «держать государство» так же, как прежние «великие государи». Он только обещал не злоупотреблять самодержавною властью, как злоупотребляли ею его ближайшие предшественники – Грозный и Борис. Это они ссылали и казнили без суда, наказывали за вину одного родича весь род («губили всеродно», по слову кн. Курбского) и развили обычай доносов до степени общественного бедствия. Вот от этих то приемов, характерных для эпохи опричнины, и отказывался царь Василий, целуя крест всему народу и обещая ему справедливость и законность, а вовсе не отмену самодержавия. Если вспомним, что царь Василий на деле не сдержал обещания и вскоре по воцарении «начал мстить людям, которые ему грубиша», то поймем, что его обещание формальной силы не имело, не было обязательством и не стало действующею нормою. Оно было простым указателем политического направления,

какого желало держаться новое правительство, чтобы стать популярным.

За первоначальными краткими манифестами Шуйского вскоре последовали новые. В первые же недели своей власти царь надумал перенести в Москву тело Угличского князя «царевича Димитрия» и, показав его народу, тем самым уничтожить всякую возможность продолжения самозванщины и появления нового Лжедимитрия. В Углич отправилась целая комиссия для этой цели. В то же время в Москве производили разбор бумаг самозванца и в них нашли улики его будто бы предосудительной близости и уступчивости Польше. Ко времени принесения тела царевича под Москву (2–3 июня 1606 года) составлена была вторая «окружная грамота», литературно написанная, в которой еще раз излагалась вся история свержения самозванца, с перечнем его вин, воцарение Шуйского, принесение в Москву останков настоящего царевича Димитрия и его прославление, так как останки были признаны нетленными мощами и подавали верующим исцеление от различных недугов. Эта окружная грамота во множестве списков была распространена по государству и должна была окончательно уверить московских людей в законности происшедшего в Москве переворота и в правильности воцарения царя Василия.

Но все усилия Шуйского и его сторонников пропали даром. Грамоты не убедили народа, а мощи царевича не прекратили слухов о том, что царь Димитрий спасся от Шуйского и скоро начнет снова «доступати» Московского царства. Олигархическое правительство в самой Москве не всех успело примирить с собою и не овладело настроением умов. Шуйский из осторожности многих

служивших самозванцу сослал из Москвы и этим возбудил, конечно, неудовольствие против себя среди их близких. Не удалось ему примирить с собою и Романовскую группу семей. В момент переворота некоторые представители этой группы (И. Н. Романов, Ф. И. Шереметев) действовали вместе с Шуйским и княжатами. В воздаяние за это содействие группа желала провести Филарета Романова в патриархи и «нарекла» его патриархом. Но Шуйскому это показалось неприемлемым: когда нареченный патриарх отправился за телом царевича в Углич, царь Василий принял какие-то меры и удержал Филарета в сане митрополита Ростовского, а на патриаршество предназначил митрополита Казанского Гермогена, которого и вызвал из Казани в Москву. Как сам разжалованный патриарх Филарет, так и весь стоявший за ним боярский круг, болезненно почувствовали нанесенное Филарету оскорбление, не забыли и не простили его царю Василию и всегда становились на сторону его врагов. Таким образом, в руководящей среде столичного придворного и служилого дворянства далеко не все послушно и сочувственно признали правительство Шуйского. Вот почему при Шуйском было так много против него крамол и крамольников с начала до конца его многомятежного правления.

Не удалось Шуйскому держать в повиновении и его собственных избирателей – ту московскую толпу, которая непрерывно толклась на Красной площади в Китай-городе, на Ивановской площади в Кремле. В прежнее время эта толпа отличалась косностью и спокойно смотрела даже на то, как Грозный рубил головы сотнями, «а головы метали под двор Мстиславского». После Грозного случались попытки этой толпы вмешиваться в

дворцовые дела, но при Борисе дворец умел укрощать площадь и казнить «мужиков которые воровали». Шуйские были одни из первых московских политиканов, взявших привычку обращаться к площади. При Борисе они подвигли «торговых мужиков» просить царя Федора «чадородия ради» развестись с царицей Ириной. После смерти Бориса Василий Шуйский поднимал толпу на Годуновых, свидетельствуя об «истинности» самозванца, и толпа разгромила Годуновых. А вскоре за тем он же пробовал возбудить ту же толпу и против самозванца, за что едва не поплатился жизнью.

Во время борьбы самозванца с Годуновыми московская площадь уже получила вкус к политике, жадно ловила вести и обсуждала их. Иностранцы, жившие тогда в Москве, замечали, что, возбужденная политическими мотивами, чернь московская стала восприимчива ко всякого рода внушениям и опасна для общественного порядка вообще. Совершив переворот 17 мая и польский погром силами той же черни, царь Василий не мог успокоить свою союзницу и возвратить ее в прежнее состояние покоя и послушания. Площадь узнала свою силу, получила привычку к движению и, рассчитывая на безнаказанность, была согласна, по выражению одного современника, еженедельно менять государя в надежде на грабеж. Пока Шуйский держался этой площадью, он не мог с нею сладить, и дело для него усложнялось еще тем, что и его враги исподтишка обращались тоже к московской черни, подымая ее на поставленного ею царя. Менее, чем через неделю по воцарении, Шуйский уже был вынужден усмирять волнение черни, поднятой против него, говорили, Петром Шереметевым. А затем пошла непрерывная вереница площадных волнений по

всякого рода поводам. Она длилась все царствование царя Василия, до того дня, когда та же толпа, которая воцарила Шуйского, устроила ему «обряд», то есть свела его с царства на «старый боярский двор».

2.

Итак, ни дворец, ни столица не давали твердой опоры власти царя Василия; но все-таки они ее терпели. Добрая же половина областей Московского государства открыто не признала боярского царя сразу же, как узнала об его избрании. Как, только узнали на Украине и на Поле о московском перевороте, так тотчас же отпал от Москвы Путивль, а с ним и другие Северские города, Ливны и Елец, а за ними и все Поле. Немногим позднее поднялись города кругом Тулы и Рязанские места. Движение распространилось и далее, на восток от Рязани в область мордвы, на Цну и Суру. Оно передалось и за Волгу, на Вятку и Каму; восстала и далекая Астрахань. С другой стороны, замешательство произошло на западных окраинах государства – в Тверских, Псковских и Новгородских местах. В столь отдаленных одна от другой местностях движение, разумеется, не было однородным, увлекало в борьбу не одни и те же общественные слои, преследовало различные цели.

Прежде всего довольно ясным, при всей своей сложности, и очень важным по значению представляется то, что произошло на московском юге. Можно сказать, что здесь в точности повторилось движение 1604–1605 годов; именно, здесь встали за царя Димитрия все те города, которые присоединились к самозванцу при его походе на Москву. В Москве так и поняли дело, что против царя

Василия поднялась та самая украйна, которая уже годом ранее была «осквернена» и «омрачена безумием» самозванщины; поэтому украйну москвичи и стали величать «преждепогибшею». Разно объясняли причины того единодушия, с каким вспыхнул бунт украинного и «польского» населения против правительства Шуйского. Но основная его причина весьма понятна. Это население связало свою судьбу с успехом самозванца; его погибель поэтому грозила бедою и его сторонникам. Самозванца свергли «бояре», на Москве сел «боярский» царь, и современникам был еще яснее, чем нам, классовый, аристократический, даже олигархический характер боярского настроения и тенденций. От московских бояр украйне следовало ожидать такой правительственной деятельности, с какою она не могла мириться. Ей надлежало готовиться к политической репрессии за службу самозванцу и к общему усилению крепостного гнета. «Боярское» правительство, составленное из крупнейших представителей высшего землевладельческого класса, менее всего могло рассчитывать на сочувствие и послушание украйны, переполненной выходцами из боярских дворов и с боярской пашни. Социальная рознь и недружба должна была повести здесь к открытой политической вражде. Слухи же о том, что царь Димитрий спасся от Шуйского, создали отличный повод к немедленному открытию враждебных действий.

Восстание на украйне получило быстрое развитие, так как воспользовалось готовым образцом и старою организациею предшествующего похода. Тогда главною квартирою был Путивль, фокусом военных операций были Кромы, целью движения среднее течение Оки и Москва. Совершенно та же обстановка воскресла в

1606 году. Путивль стал центром движения, а Путивльский воевода князь Григорий Шаховской считался главою восставших. Служилые люди близлежавших городов и казачьи отряды с Поля – «вси мятежницы, иже во время власти Росстригины лакнуша крови христианския» – привычным порядком обращались в Путивль за указаниями, посылали туда вести и пленных. Из Путивля, именем царя Димитрия, которого там не было, и по полномочию от кн. Шаховского начал свои действия знаменитый «большой воевода» Иван Болотников. Устроив войско, он двинулся прошлогодними путями, через Севские места, к тем самым Кромам, где сходились все дороги с юга на Окские верховья. У Кром он встретил воеводу Шуйского, кн. Юрия Трубецкого, и заставил его отступить. Отход Трубецкого открыл восставшим дорогу на среднюю Оку, и Болотников пошел к Москве, увлекая за собою отряды недовольных боярским правительством служилых людей – тулян, каширян, веневцев, алексинцев и рязанцев.

Подошедшая к Москве в таком составе мятежная рать не имела внутреннего социального единства. «Большой воевода» Иван Болотников стал знаменит на украйне тем, что первый поставил целью восстания не только политический переворот – свержение боярского правительства Шуйского, но и переворот общественный – низвержение крепостного строя. Звал он в поход на Москву для восстановления царя Димитрия, которого у него не было; но возбуждал к действиям вообще против господствовавших классов. Подлинного текста его воззваний до нас не сохранилось, но есть о них отзывы московских властей. Со страхом они сообщали, что из стана Болотникова шли в Москву и по городам призывы

на «всякие злые дела, на убиение и на грабеж». Мятежники «велят боярским холопям побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят; и шпыням и безымянником ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их, воров, к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Истребление представителей власти и земельного и промышленно-торгового капитала и усвоение их имущества – вот чем манил Болотников украинную толпу. На московском языке это было прямое «воровство», то есть преступление, почему и все войско Болотникова получило имя «воров». Идя к Москве, оно на деле осуществляло программу своего вождя: «собрахуся боярские люди и крестьяне (говорит летописец о движении Болотникова), с ними же пристаху украинские посадские люди и стрельцы и казаки, и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху». С определенным лицом подошла к Москве рать Болотникова, явственно покушаясь на демократическую ломку существовавшего строя. Это было крупною и неожиданною новостью в развитии московской смуты.

Иные оттенки имело движение против Шуйского в более северной полосе городов Приокских, куда от Кром по дороге в Москву пришли войска Болотникова. В этой полосе состав служилых людей отличался чрезвычайною пестротою. В списках дворян и детей боярских («десятнях») и в писцовых книгах рядом встречаются князья, загнанные на эту окраину опричниной, и всяческая служилая мелкота, завербованная на службу и жалованная в дворяне с соседнего Поля. Верхние слои

служилого класса отличались здесь служебным гонором и зажиточностью; а низшие, будучи бедны и малоземельны, готовы были идти к своему же брату в холопы и дворники, «жить у церкви и стоять дьячком на крылосе», наконец, сойти со службы в вольные казаки. В особенности на Рязани коренное рязанское дворянство представляло собою богатую среду: по степени имущественного благосостояния и по служебному положению оно близко подходило к родовитому столичному дворянству, от которого не отличалось и честолюбием и жаждою карьеры. Рязанцы были недовольны олигархическим правительством московских «бояр», потому что оно явно давало торжество родословному началу и тем самым закрывало дорогу к широкой карьере людям не своего «высокородного» круга. В пылу недовольства рязанцы увлеклись в мятежное движение и одновременно с Болотниковым явились под Москву «всем городом», человек 400 дворян с их дворнею, чтобы восстановить царя Димитрия. Но ни на минуту не могли они разделить программу «воровской» рати, ибо сами были землевладельцами и рабовладельцами, сами сидели на воеводствах по городам и сами, конечно, были заинтересованы в укреплении за ними крестьян и холопей. «Воры» Болотникова были их социальными врагами и совместные действия этих двух общественных групп являлись простым недоразумением.

3.

В середине октября 1606 года мятежники подошли к Москве и стали лагерем в селе Коломенском, грозя штурмовать столицу. Шуйский спешно собирал подкрепления на помощь обычному московскому гарнизону.

В Москве убедились, что в лагере восставших нет царя Димитрия и что там господствует желание социального переворота. Но в этом же убедились и пришедшие с Болотниковым рязанцы. После некоторого раздумья они решили бросить своих союзников «воров» и «ноября в 15 день от них, злых еретиков и грабителей и осквернителей, из Коломенского приехали к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси с винами своими». Это событие, что рязанцы «градом всем от тех воров отъехаша и приехаша к Москве», имело решительное влияние на ход дел. Шуйский с переходом на его сторону рязанского дворянства стал сильнее воров и сам напал на них. Пример рязанских дворян подействовал и на дворянские дружины других городов, бывшие с Болотниковым: в решительные минуты боя они также изменили Болотникову и перешли к царю Василию. «Воры» были разбиты и прогнаны из Коломенского. Шуйский со страшною жестокостью преследовал их до Калуги и Тулы. Это было в декабре 1606 года.

Значение происшедших событий чрезвычайно важно. Как только выяснилось стремление «воровской» массы, независимо от дела царя Димитрия, к крутому общественному перевороту, династический вопрос отошел на задний план. Верили люди, или нет, в существование Димитрия, все равно, они боролись уже не за него, а за классовый интерес. Пришедшие под Москву против боярского правительства дружины расслоились на те социальные группы, из которых они сложились, забыв, что именно их соединило в одно войско. Социальная вражда разрушила политический союз, совершился общественный отбор, и всем стало ясно, что, как ни олигархично правительство Шуйского, оно одно в данную минуту

может объединить консервативные владельческие классы населения. Поэтому на сторону Шуйского потянула вся служилая дворянская масса. С другой стороны, «воры» как бы позабыли об «истинном царе Димитрии», ради которого они начали свой поход. Считая, что для их дела нелишнее иметь при себе какого-нибудь «царевича», разные отряды «вольных казаков» стали изобретать самозванцев в большом количестве. В 1607 году оказался в Туле «царевич» Петр Федорович (яко бы сын царя Федора), пришедший с Терека через Дон и Донец. А затем появились на Поле царевичи «Август князь Иван», Лаврентий, Федор, Клементий, Савелей, Симеон, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка и т. п. Все они должны были служить поводом к действиям тех шаек, которые их «водили». Иногда эти действия были простым разбоем, иногда имели вид политического выступления; но в основе их всегда лежало чувство классовой вражды против «лихих бояр», угнетателей обездоленной трудовой массы. Самозванщина же рассматривалась, как один из общепринятых способов оформить революционное выступление.

В 1607 году военные действия шли определенно под знаком социальной борьбы. Отогнав «воров» от Москвы, Шуйский понимал, что этим дело не окончилось. Предстояла междоусобная война. «Воры» владели всем Московским югом. Болотников засел в Калуге, «а с ним село в Калуге всяких людей огненного бою больше десяти тысяч». Все это были «боярские люди и казаки», непримиримые враги «боярской» власти. Шуйский зимою 1606–1607 года осадил Калугу, но не смог ее взять. К весне 1607 года в Туле собралось, говорят, более 30.000 «воров». Они выручили Болотникова из осады, и

он также перешел в Тулу. Таким образом, Тула стала главным лагерем «воров», откуда они пытались было начать новый поход на Москву. Шуйский, однако, не допустил до этого. Он собрал большое войско и в июне 1607 г., разбив «воров» около Каширы, подошел к Туле и осадил эту крепость. Главные силы «воров» были окружены здесь и задержаны. А легкие отряды Шуйского в это время бросились на юг и произвели там жестокую экзекуцию в восставших местностях. Они, можно сказать, опустошили весь юг: «по повелению царя Василья велено татаром и черемисе Украинных и Северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московского государства стояли и царя Василья людей побивали». В октябре 1607 г. Шуйскому удалось взять и Тулу. В ней он захватил всех руководителей мятежа (князей Гр. Шаховского и А. Телятевского, И. Болотникова, «царевича Петра Федоровича» и др.) и до 20.000 «воровского» войска.

С падением Тулы исчезла для побежденных «воров» всякая надежда осуществить желаемый ими переворот. Победа Шуйского была полная; ему оставалось определить судьбу захваченной в плен «воровской» армии и докончить усмирение непокорных городов на юге. Царю Василью казалось, что вторая задача уже исполнена почти до конца и движение на юге подавлено. Все внимание он поэтому устремил на ликвидацию «воровского» скопища в Туле. Главных виновников мятежа и наиболее опасных непримиримых его участников казнили, «сажая в воду» и вешая. Прочих желали вернуть во крестьянство и холопство к их прежним господам или же к тем, кто их хотел за себя взять. Делалось это

таким порядком, что дворяне «имали из тюрем себе на поруки изменничьих людей на Москве, и в Серпухове, и под Тулою, и в иных городех и наделяли (пищею и одеждою), а взяв из тюрьмы на поруку да имали на них на свое имя служилые кабалы». Таким образом, восставшие на крепостной порядок «воры» снова становились крепостными людьми. Затем, некоторая часть пленных, сравнительно менее неблагонадежная, была взята правительством на службу «на старые печища» в южные города. Остальная же масса была отпущена на волю. Весь этот голодный и бездомовный люд потянулся из Тульских мест на южную украйну и там, разумеется, явился самым удобным контингентом для новых восстаний. Одно современное смуте сказание очень изобразительно говорит об этих людях, что они, прибежав от Тулы «восвояси», снова составили рать и снова воздвигли брань больше первой и вместо тишины дохнули бурю, воздымавшуюся до облак и грозившую многомятежными дождями, не водными, а кровавыми. Сказание разумело здесь дальнейший натиск «воров» на государство под знаменами второго Лжедимитрия.

В обстоятельствах борьбы с Болотниковым созрело окончательное убеждение Шуйского, что его противники руководствуются не династическими, а классовыми мотивами и что ему, Шуйскому, не следует ограничиваться борьбою с призраком ложного Димитрия, что он делал до той поры. Царь Василий понял, что перед ним стоит опасный социальный враг и что надлежит собрать все силы и средства для его подавления как оружием, так и иными мерами. К военной кампании 1607 года Шуйский собрал большую армию, распространил репрессию на весь юг, беспощадно казнил «воров» и возвращал их

в рабство. Но сверх того, он принял меры и к тому, чтобы законом бороться с революционными элементами общества и действовать на условия общественной жизни, порождавшие и питавшие смуту.

С весны 1607 года последовал ряд указов царя Василья, направленных на то, чтобы упорядочить отношения зависимых людей, крестьян и холопей, к их «государям»-владельцам и к правительству. Общая тенденция этих указов состояла в том, чтобы по возможности укрепить на месте и подвергнуть регистрации и правительственному надзору ту трудовую среду, которая искала перемен и делала смуту. Все «холопи» должны были быть укреплены за господами законным порядком – по документу («не держи холопа без кабалы ни одного дни»). Все крестьяне на владельческих землях должны быть крепки тому владельцу, за которым они записаны в писцовой книге; крестьянский выход впредь вовсе запрещается, и тот, кто принял чужого крестьянина, платит убытки его владельцу и высокий штраф «на царя-государя за то, что принял против уложения». Уездная администрация обязана сама разыскивать и возвращать беглых владельческих людей, не ожидая частного на них иска; а население посадов и волостей обязано отвечать за прием беглых людей. Все эти распоряжения свидетельствовали, что правительство ясно уразумело смысл переживаемой смуты, но думало справиться с нею путем простой репрессии и надеялось на ее прочный успех. Победа над Болотниковым в Туле окончательно укрепила эту надежду. Взятие Тулы Шуйский праздновал, как полное торжество над врагом, и не считал нужным делать врагу какие бы то ни было уступки.

Крепостной порядок оставался в прежней силе и получил в законе еще большую определенность и непреложность.

Так окончился первый акт борьбы крепостной массы с государством. Восставшие на старый порядок потерпели поражение, а боярское правительство победило. В его лице торжествовали политическая реакция, руководимая княжатами, и общественный консерватизм, представляемый землевладельческими группами населения, оказавшими поддержку княжатам в борьбе с «ворами».

II

Неудача первого восстания совпадает с началом второго, более сложного. 1. Второй Лжедимитрий; «литва» и поляки в его войске. 2. Его война с царем Василием; Тушино и блокада Москвы. 3. Перенесение борьбы на Север; победа царя Василия.

1.

Второй акт московской социальной борьбы оказался много сложнее.

Швеция и Речь Посполитая, постоянные соперницы Москвы, с большим интересом следили за московскими делами, учитывая с точки зрения своей пользы все события московской жизни. Их внимание к Москве было особенно напряжено еще и потому, что короли шведский Карл IX и польский Сигизмунд III находились в непримиримой вражде и один другого ревновали в отношении Москвы. Успех поляков в Москве рассматривался, как неудача шведов, и обратно. До 1606 года в Москве успевали именно поляки. Они участвовали в торжестве Лжедимитрия и, как казалось со стороны, господствовали в самой Москве. Переворот, совершенный Шуйским в мае 1606 года, уничтожил это господство и обострил отношения Москвы и Речи Посполитой. Швеция немедленно захотела использовать это обстоятельство в своих видах. Карл IX не один раз, начиная с лета 1606 года, предлагал Шуйскому помощь против врагов.

Но Москва уклонялась, потому что Шуйский не видел необходимости в союзе со шведами. Ободренный своими победами над «ворами», он велел своим воеводам отвечать шведам даже с некоторым высокомерием: «великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога». Шведам недолго пришлось ждать полной перемены в тоне царя Василия, но пока они должны были мириться с московским отказом и спокойно выжидали дальнейших событий.

Не так спокойно было настроение польско-литовского правительства и общества. Погром 17–18 мая 1606 года погубил в Москве от 2.000 до 3.000 литвы и поляков. В московском плену осталось более 500 человек, принадлежавших к составу польско-литовского посольства и свиты «царицы» Марины. Дипломатические сношения Шуйского и Сигизмунда были поэтому очень негладки; московское посольство, отправленное после свержения самозванца в Литву, было дурно принято правительством и оскорбляемо населением: по городам и панским имениям московских послов бесчестили и ругали, забрасывали грязью и камнями, грозили убить. Отношение к Москве было явно враждебно и грозило местью. Если король не потребовал немедля от Москвы удовлетворения и не поднял на нее оружия, то только потому, что в Речи Посполитой шла своя смута и был «рокош». Московские послы отчетливо изображали этот рокош. «Люди ныне стали своевольны», писали они: «на рокоше меж их рознь». Рокош занимал всю страну: «рыцерство и поспольство обеих земель (Польши и Литвы) в съезде на поле у Сендомира, а такой съезд николи не бывал»:

«стоят на 15 милях». Паны в съезде делились на три «статьи»: одни «стоят на короля», потому что возводят на него многие вины; другие, напротив, держат его сторону, а третьи стоят «особно» и смотрят «того, которая сторона будет правее или сильнее». Хотя король и вышел победителем из столкновения с панами и победил «рокошан», когда они осмелились на открытый бой с ним, однако, польско-литовское правительство было парализовано смутой и потому ограничилось колкими пререканиями с Москвою. Тем не менее чувство обиды от московского погрома не заглохло в польско-литовском обществе и сказалось в первую же удобную минуту тем, что обе стороны – и королевская и оппозиционная – постарались поддержать и раздуть московское междоусобие и нанести Москве возможный вред.

Эти обстоятельства надо помнить при изучении того, как появился на московско-литовской границе второй Лжедимитрий, и с ним начался второй акт московской социальной драмы. Происхождение этого самозванца неизвестно, и им историки интересовались мало. Это потому, что личность второго Лжедимитрия была ничтожна, а роль пассивна. Первый самозванец при всем своем легкомыслии имел вид искреннего и серьезного претендента, увлекал своих поклонников, подчинял и воодушевлял массы и был действительным руководителем (или одним из руководителей) поднятого им движения. Второго же Лжедимитрия Москва не даром окрестила презрительным прозвищем Вора, то есть простого злоумышленника. Не он руководил своими сторонниками, а они пользовались им в своих видах, как удобным и послушным орудием в достижении преступных, по московской оценке, и разрушительных целей.

Московские люди определенно отмечали ту особенность Вора, что он смотрел из рук окружавших его польско-литовских вождей и их дружин, русские же «воры» играли при нем вторую роль. О Воре москвичи отзывались поэтому, как об эмиссаре короля Сигизмунда, а войску его давали общее имя «литвы» или «поляков». Даже в официальных актах, именно в тексте договора с Польшей и Литвой 1608 года, дело представлялось так, что того Вора «водят с собою» по Московскому государству «королевские люди князь Р. Ружинской да князь А. Вишневецкой с товарищи, называючи его прежним именем, как убитый Рострига назывался, – царевичем Дмитреем Ивановичем».

Действительно, Вор был выпущен на московскую землю из литовского рубежа. Он пришел в Стародуб Северский (или, точнее, в Попову Гору) с некоторым конвоем от Чечерского (литовского) урядника Рагозы. Объявив себя (в июне 1607 года) царем Димитрием Ивановичем, спасшимся от московского погрома, Вор немедля обратился за помощью в Литву, и уже в конце августа у него были ратные люди из Речи Посполитой с вождями Меховецким и Будзилом. Эти паны приняли на себя руководство всеми вообще военными силами Вора, в составе которых были и московские украинные «воровские» казаки. Так с самого начала действий Вора первенство при нем получили поляки и литва, и Вор стал смотреть из их рук. С течением времени, и притом довольно скоро, уже в начале 1608 года, к Вору стеклось много польско-литовских «полков», потому что тогда в Речи Посполитой, благодаря «рокошу», было не мало готовых к походу отрядов – как людей, которые ходили за короля на рокошан, так и самих рокошан.

Последние спасались от королевской репрессии в Московское государство, чая себе там безопасности, добычи и славы. А их противники, сторонники короля, шли туда же открыто, «за позволением Сигизмунда III», собирая войска. Король был одинаково доволен уходом и тех и других: это избавляло его от хлопот и расходов на ликвидацию рокоша, а соседнему Московскому государству приносило вред и ослабляло его, конечно, на пользу Речи Посполитой. Кроме того, всем этим удовлетворялось и естественное желание мести вероломной Москве за учиненный ею погром над поляками и литвою и за насилие над польским посольством, задержанным в Москве. Именно такими мотивами руководился, по словам его биографа, пан Ян Петр Сапега, собравший для похода в Московию до семи с половиною тысяч человек: его целью было – отомстить за плен и гибель в Москве польских гостей самозванца и добыть славы себе и отечеству подвигами рыцарства. Для мести же и за славою шел к Вору и князь Роман Рожинский с отрядом «близко четырех тысяч». За этими крупнейшими вождями следовали более мелкие: Тышкевичи, Валавский, Велегловский, Рудницкий, Хруслинский, Зборовский, Млоцкий, Виламовский и др. Таким образом, при Воре образовалось значительное польско-литовское войско, гетманом которого с весны 1608 года стал Рожинский.

К этому основному ядру армии Вора примкнули и русские (точнее – московские) отряды. Они, конечно, не могли сравниться по степени военного искусства с правильными польскими «ротами» и представляли собою иррегулярные войска; но, накопляясь постепенно при Воре, они все-таки образовали собою большую рать, с определенным боевым устройством и с излюбленными

вождями «атаманами». В эту рать вошли, прежде всего, «ратные и жилецкие люди» тех мест (Северской украйны), где появился и получил первое признание Вор. Затем, к Вору пристали те части войска Болотникова, которые избежали Тульской осады или спаслись из Тулы до ее сдачи; таковы были «станицы» атамана Ивана Заруцкого. Далее, к Вору приходили случайные ватаги бродячих казаков с Дона и Днепра,. Наконец, с самого начала 1608 года литовский выходец, изгнанник, «отсуженый своей чести» за рокош, Александр Лисовский, начал свою операцию сбора Тульской «бежи». Он обошел всю Московскую.украйну, собирая по дорогам остатки войска Болотникова, отпущенные Шуйским из Тульского плена на юг. Из этого сброда он составлял боевые отряды, снабжая их оружием и провиантом из взятых им украинных крепостей. В результате «собралося с ним тридцать тысяч русских украинных людей». Он как бы возродил к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и привел его на службу Вору.

Из сказанного видно, какими большими средствами стал обладать Вор благодаря оказанной ему поддержке из Речи Посполитой» Именно оттуда дали ему первую силу и первый толчок; оттуда же помогли ему собрать и использовать разбитые в борьбе московские оппозиционные элементы. Благодаря зарубежной помощи, в нем вырастал для Шуйского страшный враг. Но надобно сказать, что явился он на московской почве, быть может, позднее, чем надлежало по расчетам его вдохновителей. Объявил себя Вор в Стародубе летом 1607 года, когда началась осада Тулы, и на выручку Тулы он было и поспешил с первыми своими войсками. Его задачею

было, по-видимому, поддержать московское междоусобие и подкрепить Болотникова и царевича Петра. Но он опоздал: Тула сдалась раньше его прихода, и он поспешно отступил назад, опасаясь попасть под удары победителей. Со стороны Шуйского было большою ошибкою то, что он по взятии Тулы не продолжал своего похода на юг. Это спасло Вора и дало ему возможность окрепнуть. Шуйский ушел от Тулы в Москву и демобилизовал армию в уверенности, что довел свою репрессию до конца. А, между тем, Вор в течение зимы 1607–1608 гг. увеличил свои силы и выработал план кампании на лето 1608 года.

2.

Весною началась правильная война. Польские отряды Вора наступали на Москву от Орла через Болхов, Калугу и Можайск и от Смоленска (Сапега) через тот же Можайск. Лисовский совершал уже известное нам движение на восток и через Зарайск и Коломну тоже направлялся к Москве. Военное счастье было на стороне Вора: московские войска уступали ему дорогу, а если решались на бой, то терпели поражения. Только талантливый воевода князь Иван Семенович Куракин успел нанести Лисовскому чувствительный удар между Коломною и Москвой и отнял у него артиллерию, так что «воры» Лисовского явились под Москву в некотором расстройстве и с опозданием. Прочие же отряды Вора пришли к Москве победным маршем. Вор основал свою главную квартиру в селе Тушине, в овражистой долине речки Сходни, в нескольких верстах от Московских стен. Это место оказалось неприступно для войск Шуйского; но оно не было удобно для осадных операций

против Москвы, так как было слишком удалено от городских укреплений. Для наблюдения за врагом Шуйский между Москвою и Тушином на Ходынском поле устроил «обоз», то есть укрепленный лагерь, и поместил там часть московского гарнизона. Этот обоз пресек тушинцам подступы к городу и помешал им начать правильную осаду. Гетман Рожинский решился на генеральный бой, надеясь в случае победы штурмовать Москву. Бой произошел 25 июня 1608 года и не дал результата. Москвичи отбили тушинцев, от городских стен, хотя и понесли большие потери. После этого боя Вор сидел в Тушине без всякого дела месяца два.

Стало ясно, что обе боровшиеся стороны достаточно сильны и упорны, и что борьба будет, затяжною. И в Москву и в Тушино подходили подкрепления. К осени 1608 г. тушинцы решились действовать: штурм Москвы не удался, осада оказалась невозможной, – тушинцы попробовали установить блокаду столицы. Вместо плотного осадного обложения города они попытались занять и закрыть все важнейшие дороги кругом Москвы, чтобы пресечь подвоз припасов и подход подкреплений в Москву. Операция была ведена энергично. Сапега и Лисовский «переяли» все дороги, ведшие в северную половину государства, и дошли от Тушина до Суздаля и Владимира, подчинив тушинской власти почти все Замосковье до Волги и перейдя даже за Волгу. В то же время другие отряды тушинцев вдоль течения Оки дошли до Коломны; если бы они захватили Коломну, то оттуда могли бы установить связь с Владимиром, – и кольцо блокады было бы сомкнуто. Но от Коломны их отбили московские войска, посланные на помощь Коломенскому гарнизону. Повторные нападе-

ния на Коломну также не удались, потому что и Москва и Рязань с двух сторон берегли Коломну, дорожа взаимной связью. Москва из Рязанского края через Коломну получала хлеб; а Рязанские дворяне «для воровского приходу жен своих и детей присылали к Москве с людьми своими», чтобы «в воровской приход женам и детям в осадное время, будучи в осаде какого утесненья не учинилось». Между Москвою и Рязанью установилась, таким образом, тесная связь. Разрыв сношений между столицей и этим краем вызывал в Москве голод, и немедля с двух, сторон следовали усилия восстановить нарушенное сообщение. Так, за все время борьбы Москвы с Тушином тушинцам не случилось ни разу плотно закрыть Коломенскую дорогу. Кольцо блокады не сомкнулось, а позднее, в 1609 году, блокада была прорываема и и других местах.

Надобно было измыслить новые способы борьбы. Затяжной характер ее повел обе стороны к очень сложным планам. Шуйский решил стянуть к столице все воинские отряды, какие мог собрать из важнейших крепостей. Окраинным воеводам (в Смоленске, Астрахани, Новгороде) он велел выступить с их гарнизонами к Москве и по дороге забирать всех ратных людей, каких удастся мобилизовать. Северным городам было послано увещание вооружиться, прислать свои ополчения в Ярославль и отстаивать свои места, чтобы Вор не захватил Поморья. В то же время Шуйский начал рассчитывать и на иноземную помощь. Заключив (в июле 1608 года) мирный договор с польскими послами в Москве, он включил в него условие, чтобы король вывел из Московского государства всех польско-литовских людей, служивших Вору. Это условие представлялось москов-

ским дипломатам очень важным: на большую помощь со стороны Сигизмунда они не надеялись, но думали, что, отозвав своих подданных, король существенно ослабит Вора (этого, конечно, не случилось, так как тушинцы короля не послушались). Одновременно с расчетом на Сигизмунда Шуйский строил расчеты и на шведов. Он отправил в Новгород своего родича князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского с наказом собрать там ратных людей и, кроме того, «послати в немцы нанимати немецких людей на помочь». В такую деликатную форму облекли московские политики свое обращение к Швеции за союзом и вспомогательными войсками.

3.

Таковы были меры Шуйского, не имевшего сил прогнать Вора от Москвы. Вор же, не имевший сил взять Москву, пришел к мысли, что следует, вместо тщетного натиска на столицу, повести наступление на север, ибо с его завоеванием не сможет удержаться и Москва. Не тронутый еще смутою север был тогда самою богатою областью государства, золотым дном, откуда можно было черпать большие средства для борьбы и лакомую добычу. Тушинцы, ослабив свои операции под Москвою, обратились за Волгу, главным образом, на Вологду, где, по их сведениям «много куниц и соболей и лисиц черных и всякого дорогого товару и пития красного», где лежал заморский, из Архангельска, товар «английских немцев», где «собрались все лучшие люди, московские гости с великими товары и с казною и государева казна тут на Вологде великая от корабельных пристани, соболи из Сибири и лисицы и всякие футри (меха)». С первого

натиска тушинцам удалось захватить на севере многие города и уезды. Немедленно начались «на царя Димитрия» большие поборы деньгами и натурою, переходившие в простой грабеж. Но одними поборами дело не ограничивалось: тушинские «паны» размещались на частных землях и в крестьянских волостях, в чужих хозяйствах на постой – для прокормления, как их самих, так и их челяди и коней. По выражению местных людей, тушинские власти «все городы отдают паном в жалованье, в вотчины». Такой способ управления возмущал народ, который видел в нем возвращение к постылой старине, «как и преже сего уделы бывали».

Пока тушинцев не было на севере и пока о них судили понаслышке, северные города и волости сохраняли большое хладнокровие. Из города в город писали грамоты, советуя друг другу быть осторожнее в политике. Царю Василию уже «дали души» при его воцарении, и нечего спешить менять присягу и давать души ожившему царю Димитрию: «не спешите креста целовать: не угадать, на чем совершится», советовали простодушные оппортунисты: «еще до нас далеко, успеем с повинною послать». Север, словом, присматривался и выжидал. Но когда он узнал тушинцев в натуре, оппортунизм исчез. Сравнивая правительства Шуйского и Вора, видели, что первое сохраняло все обычные черты московской власти, а второе было иноземным по составу и «воровским» по приемам. Московским управлением северные городские и волостные общины были довольны, так как московский правительственный обычай сохранял за населением право широкого самоуправления. Тушинская же власть презирала особенности местного строя и жестоко мучила и грабила занятые ею города и волости.

Весь север поэтому встал против Вора и «панов». Обычным порядком, так, как это делалось по царскому требованию, северные «мужики» составляли свои «рати», вербуя в них охочих людей и снабжая их оружием и всяким «запасом». Во главу этих ратей ставились выборные вожди, которым «ратное дело было за обычай». Началась мелкая война против тушинских отрядов, действовавших на севере. Устюжна, Кострома, Галич, Решма, Юрьевец-Поволжский, Городец, Балахна составили первую линию борцев. За нею в качестве опорного пункта действовала Вологда, крупнейший город Поморья. В Вологде образовался совет обороны из вологжан и зимовавших в Вологде московских купцов и правительственных агентов. В совет были привлечены даже торговые иноземцы, задержанные смутою в этом городе. Вологодский совет сносился со всем Поморьем и через Устюг собирал людей и средства для борьбы, направляя их на южные позиции. С другой стороны, находившийся в Новгороде Скопин-Шуйский вступил в связь с Вологдою и другими северными городами, посылал туда своих инструкторов («голов») и понемногу принял на себя общее руководство всею операцией против тушинцев. На первых порах восставшие терпели жестокие поражения от польской конницы тушинцев; но затем стали одолевать разрозненные тушинские отряды и теснить их на юг. Весною 1609 года тушинцы уже совсем были вытеснены с левого берега Волги и отброшены на свои базы – к Дмитрову и Суздалю. Север освободился от «панов» и «воров»; «мужичье», как презрительно выражались в Тушине, одолело и, перейдя через Волгу на юг, готовилось к дальнейшей борьбе за царя Василья против Вора.

Борьба за север, таким образом, окончилась в пользу Шуйского. Это была очень важная победа. Но ее еще надлежало использовать, и Скопин-Шуйский сделал это с большим талантом. Как только обозначилась неудача тушинцев за Волгой и на Волге, в мае 1609 года, Скопин-Шуйский пошел из Новгорода к Москве с собранными им войсками. При нем было около 3.000 русских ратных людей и отряд наемных ландскнехтов, которые были даны ему в распоряжение шведским королем за уступку шведам русских городов (от Ямы до Корелы) на Финском побережьи. Скопин из Новгорода уже много времени руководил движением на севере. Теперь он потребовал, чтобы северные дружины шли на соединение с ним, и местом «схода» назначил Калязин монастырь на Волге, куда спешил и сам. А затем «сождався с костромскими, и с ярославскими, и иных городов с людьми из Калязина» Скопин перешел осенью на большую северную дорогу из Москвы в Ярославль и укрепился в Александровой Слободе. Сюда по соглашению с ним пришел из Нижнего Новгорода боярин Федор Иванович Шереметев с теми войсками, какие успел собрать в Понизовьи (от Астрахани до Нижнего).

Этим было достигнуто объединение боевых сил Шуйского. Образовалась большая армия, опорою для которой служили северные области государства. Север был окончательно закрыт для Вора, и тушинцы были возвращены на их старые позиции кругом самой Москвы. И против них Скопин зимою повел правильное и осторожное наступление Он двигался к Москве с постоянным боем, прибегая к одному, и тому же приему на всех дорогах, которыми овладевал: он строил на них укрепленные «острожки» и сажал там гарнизоны, которые и

держали данный путь в своем распоряжении. Медленно, но верно, теснил он врага, и было ясно, что вся сила на его стороне. Под угрозою его удара Вор, поссорившись с Рожинским, около 1 января 1610 года покинул Тушино и убежал в Калугу.

III

Московское междоусобие вызывает вмешательство короля Сигизмунда. 1. Падение Тушина и договор Тушинской знати с королем в Феврале 1610 года. 2. Поражение войск царя Василия при Клушине и свержение царя Василия.

1.

Царь Василий мог торжествовать новую победу над своими врагами. Но уж такова была его судьба, что каждый миг его торжества осложнялся новыми бедами. Его победу над первым самозванцем отравил ему Болотников, победу над Болотниковым – Вор, а победу над Вором – король Сигизмунд. В то время, когда Скопин начал из Александровской слободы поход на Тушино, король открыл военные действия против Шуйского под Смоленском. Поводом к враждебному выступлению короля был союз Шуйского со шведами, поставивший Москву в ряды врагов Сигизмунда. Истинною же причиною похода в Московию было, конечно, желание использовать в интересах Польши и самого короля московское междоусобие и, вместе с тем, не дозволить Швеции усилиться на счет Москвы. Король осадил Смоленск и прислал в Тушино своих послов внушить тушинским полякам, что им приличнее служить ему, королю, нежели самозванцу. Он требовал их присоединения к королевским войскам и сулил им жалованье и награды. Когда

королевские послы явились в Тушино, там уже чуяли приближение Скопина и скорый свой конец. Послов встретили с большим раздражением. Казаки и «воры» были не склонны сближаться с поляками и служить королю. С своей стороны королевские послы отнеслись к «ворам» и к самозванцу с полным презрением. Вот почему Вор счел возможным медлить в Тушине и после резкой ссоры с Рожинским уехал в Калугу, куда за ним потянулось и казачество. За каменными стенами они надеялись отсидеться и от Скопина и от поляков. Сами поляки, служившие Вору, мало были склонны повиноваться призыву короля; но понимали они и невозможность оставаться в Тушине. После долгих споров они очистили Тушино и ушли к Волоку-Ламскому, а из Волока решили разойтись, кому куда угодно. В марте 1610 года Тушино опустело: остались в нем – и то ненадолго – лишь такие тушинцы, которые не принадлежали ни к польским отрядам, ни к казачьему составу. Это были по большей части «перелеты» – люди, перебежавшие к Вору из Москвы. О них современники сообщали много любопытного.

Когда Вор основался под Москвою в Тушине и едва не ворвался в самую Москву во время боя 25-го июня 1608 года москвичи впали в панику и вообразили, что власти Шуйского пришел конец. Некоторые просто со страху решили бросить Москву и искать милости у Вора; другие же разочли, что настала удобная минута восстать против царя Василия и тем ускорить его падение. Современник говорит, что «после того бою (25-го июня) учали с Москвы в Тушино отъезжать стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и подьячие, и всякие люди».

Тогда в Тушино приехали князья Трубецкие; приехали и многие люди из близких к Романовым семей: Салтыковы, князья Сицкие, князья Черкасские, Иван Иванович Годунов, появились затем князья Шаховские, Засекины, Борятинские и многие «дворяне добрые», вроде Бутурлиных, Плещеевых и др. За этими выходцами из Москвы потянулись вереницы мелкого люда. Когда блокада Москвы затянулась, переезды превратились, можно сказать, в гласный обычай. Москвичи дошли до полного упадка политической дисциплины и нравственности. Придворный и служилый люд легко изменял царю Василию и отъезжал в «воровские таборы», но также легко оттуда возвращался и вновь начинал служить в Москве с тем, чтобы при случае опять уйти в Тушино.

Это было возможно потому, что оба соперника – и Шуйский, и Вор – одинаково нуждались в людях и в равной степени ими дорожили. Дешевое раскаяние в измене спасало «перелетов» от наказания, а их безнаказанность толкала других на подражание, чтобы получить «больши прежнего почесть и дары и имение». За служилыми людьми тянулось к Тушину и простонародье. Московские торгаши везли «кривопутством» товары в Тушино из-за одного презренного барыша; они продавали «на сребро отцов своих и братию», так как доставляли из Москвы в Тушино даже порох на погибель своих же близких. Когда над Тушином разразилась беда, весь этот люд схлынул обратно в Москву или же разбежался по городам. В Тушине остались только те, кому было некуда бежать, кто прочно связал с Тушином свою судьбу и карьеру и не хотел или не мог примириться с царем Василием. Среди них была тушинская знать и были тушинские дельцы, руководившие тушинской администрацией.

В среде тушинской знати первое место принадлежало Филарету Романову. При первом самозванце он был поставлен митрополитом в Ростов; при воцарении Шуйского «наречен» патриархом всея Руси, но через несколько дней «скинут» в прежний сан митрополита и послан из Москвы в Ростов. При начале Тушина, в октябре 1608 года, тушинцы взяли его в плен в Ростове и доставили к Вору в Тушино. Вор признал его патриархом, и с тех пор Филарет пребывал в Тушине, по одним известиям, как пленник, а по другим – как добровольный обыватель Тушина и глава того духовенства, которое признавало «царя Димитрия Ивановича». Нет сомнения, что в подлинность этого царя Филарет не верил, но и служить Шуйскому он не хотел. Он не последовал за Вором, когда тот из Тушина убежал в Калугу; но он не поехал и в Москву, когда мог бы это сделать, при распадении Тушина. Как сам Филарет, так и та тушинская знать, которая вокруг него группировалась, предпочли вступить в сношения с королем Сигизмундом. За ними к тому же склонились и многие из неродовитых людей, бывших в Тушине, увлеченных на службу Вору личным честолюбием или же случайными невзгодами и опасностью гонений и опалы от Шуйского в Москве.

Вся эта среда «самых худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских» играла в Тушине значительную роль: Родовитые слуги Вора обычно бывали на воеводстве в городах и войсках и лишь немногие из них жили при Воре, которого все они гнушались. Поэтому, во главе центральной администрации Вора действовали люди простые, незнатные дьяки, «детишки боярские» и «мужики». Не брезгуя обстановкою Вора, они составляли при нем правящий делами кружок. Учтя па-

дение своего «царя», они не посмели вернуться в Москву к Шуйскому и все потянулись за Филаретом к королю.

Когда королевские послы в Тушине не столковались с поляками, они, по наказу королевскому, обратились к русским тушинцам, склоняя их отдаться под власть короля. По их впечатлению, русские люди с живейшею радостью приняли милости Сигизмунда. Но они уклонились от того, чтобы призвать на Московское царство самого Сигизмунда, а просили его о том, чтобы он пожаловал на московский престол своего сына Владислава. Иначе говоря, Сигизмунд предлагал им подданство, а они желали личной унии. На этой почве начались переговоры между королем и русскими тушинцами и 4-го февраля 1610 года в королевском лагере под Смоленском был заключен договор. Редактировали его назначенные королем сенаторы и послы от русских тушинцев Михаил Салтыков с сыном Иваном, князья Ю. Хворостинин и В. Масальский с дворянами и дьяками.

В договоре 4-го февраля была создана первая редакция политического трактата, имевшего целью соединение двух доселе враждебных государств. Хотя Москву представляла здесь случайная компания тушинских «перелетов», однако, в договоре сказалась ясная и отчетливая мысль о неприкосновенности московской религии и государственного строя. Договор стремился охранить московскую жизнь от всяких воздействий со стороны польско-литовского правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизменно православие, государственный порядок и сословный строй Москвы. Власть царя Владислава ограничивалась думою и судом бояр и советом «всея земли» именно с целью охраны и укрепления «звычаев всех давных добрых» от возможных

нарушений со стороны непривычной к московским отношениям власти. Таким образом, договор, в общем, отличался национально-консервативным характером. Но в нем были некоторые частности либерального свойства. Договор был очень холоден к интересам той княжеской знати, которая с царем Василием во главе правила в ту минуту в Москве; о ней вовсе не упоминалось в тексте договора. Напротив, договор обязывал царя «меншей стан подносити водлуг заслуг», то есть возвышать сообразно с личной выслугой людей низшего «стана» (чина, звания). Эти особенности указывают, конечно, на ту среду, которая создала соглашение с Сигизмундом, сама была не родовита и враждовала с княжеско-боярским московским правительством.

Когда соглашение с Сигизмундом было достигнуто и русские тушинцы признали своим государем Владислава, они потянулись из Тушина в королевский лагерь, чтобы там составить правительственный штат при короле по делам московским. Туда же за прочими направился было и Филарет, но на дороге к Смоленску, в мае 1610 года, он был перехвачен войсками Шуйского и привезен в Москву (с радостью, что удалось этого «пленника» освободить от вражеских рук). С Филаретом в Москву внедрилась и самая идея унии с Речью Посполитой. Высказанная впервые еще при первом самозванце, когда Шуйские и Голицыны тайно просили Владислава у Сигизмунда, эта мысль теперь была облечена в практически ясную форму. Сам король прислал в Москву февральский договор; но королевская присылка могла быть и скрыта Шуйским от москвичей. Филарет же имел много способов распространить известие о договоре среди своих близких и почитателей. Далее увидим, что

появление в Москве Филарета много способствовало свержению Шуйского.

2.

Вряд ли сам царь Василий понимал весною 1610 года как шатко его положение. Весна начиналась для него светло и радостно: 6 марта из Тушина «всем войском» вышли ратные люди с таким спехом, что оставили там «большой запас муки и зерна, который и был отправлен в Москву. 12 марта в Москву вступил победитель Вора М. В. Скопин-Шуйский. Москва ожила, и «из всех городов к Москве всякие люди поехали с хлебом и со всяким харчем». В Москве начались пиры и веселье. Политическое положение прояснилось. Вор потерял все свое значение и с казаками сидел пассивно в Калуге. Польские отряды, ему служившие, разошлись, – в большей части пошли к королю, а в меньшинстве обратились в разбойные шайки. В Москве сосредоточены были большие воинские силы, приведенные Скопиным. В их составе была союзная шведская «кованая рать» – вспомогательные войска, составленные из ландскнехтов. Всю эту воинскую массу можно было бросить против одного оставшегося врага Москвы Сигизмунда. Победив его, оставалось только водворить внутренний порядок в измученной стране, и смута, казалось, нашла бы свой конец. Но этой надежде не было суждено осуществиться, и грозные для Шуйского события, опять замутили просветлевший было поток московской жизни.

Во второй половине апреля 1610 года загадочным образом заболел и умер князь Мих. Вас. Скопин-Шуйский, талантливый и популярный юноша, в котором Москва видела возможного преемника бездетного царя

Василия. Его кончина, почти скоропостижная, возбудила толки о том, что его отравили его же родные, Шуйские, завидовавшие его славе. Со смертью Скопина царь Василий утратил верность рязанских дворян, поверивших слуху об отраве; в умершем вожде лишился он и посредника между его правительством и северными «мужиками», которых вооружил и привел в Москву Скопин. Смертью Скопина, как выразился С. М. Соловьев, «порвана была связь русских людей с Шуйским», и царь Василий лишился нравственной опоры.

В предстоявшем походе против Сигизмунда на место Скопина был поставлен брат царя Василия князь Дмитрий Иванович Шуйский, бесталанный и нелюбимый народом боярин, о котором современник выразился так, что он был «сердцем лют, но не храбр». Он отправился с войском к Смоленску на короля, – «изыде со множеством воин, но со срамом возвратися», по слову другого современника. Захваченный на походе врасплох гетманом Жолкевским, он должен был принять бой там, где не ожидал, и 24 июня при селе Клушине (верстах в 20 от Гжатска) был разбит. Последствия боя были для царя Василия ужасны: шведские войска, бывшие в армии Дмитрия Ивановича Шуйского, оказались отрезанными от путей к Москве и частью перешли к полякам, частью же ушли к шведским рубежам, в Новгородскую землю. Московские же ратные люди, разбежавшись с боя по своим городам и деревням, не явились более в Москву, хотя царь и посылал за ними. Рязанцы же – те самые рязанцы, которые высидели с Шуйским всю московскую осаду, – прямо «отказали» ему в службе, то есть впали в мятеж. У царя Василия не стало никакой силы, а победитель гетман Жолкевский подходил к Москве. В

то же время к Москве спешил и Вор из Калуги, узнавший о беде царя Василия. Итак, москвичи должны были вновь готовиться к осаде и ждать Жолкевского по Можайской дороге, а Вора по дорогам Серпуховской и Коломенской. Терпение москвичей истощилось, и власти царя Василия настал конец.

Безотрадно было время его царствования. Царь Василий «сидя на царстве своем, многие беды прия и позор и лаи», отзывалась позднейшая летопись; «его, государя, зашли многие скорби и кручины», говорили о Шуйском в XVII веке. Самовольный захват власти, самоуправство и жестокость, вопреки торжественным обещаниям и целованию креста, личные слабости Шуйского, – все это лишало его правительство необходимой нравственной силы: «во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе, и всяко любочестие пресякну», сказал о Шуйском один из умнейших писателей XVII века (князь И. А. Хворостинин). Шуйский, недостоин царства, говорили в народе: «его ради кровь проливается многая»; «он государь несчастлив»; «глад и меч царева ради несчастия»; сам по себе царь Василий «человек глуп и нечестив, пьяница и блудник». Такой взгляд на царя Василия, по-видимому общий, вел к частым против него восстаниям в Москве. С первых же месяцев его царствования московская толпа легко возбуждалась против него; а в тяжелые дни Тушинской блокады это возбуждение достигало большой остроты. Истомленная дороговизною и голодом толпа не раз поднимала шум и бросалась на Кремль. «Дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и ничего взять негде и купити нечем!» – так описывали

очевидцы происходившие в Москве волнения. И эти волнения повторялись часто, переходя иногда в открытые мятежи. До поры до времени Шуйский справлялся с мятежниками, и, пошумев, они спасались от царя в Тушино. Победа Скопина, конечно, укрепила Шуйского, но Клушинское поражение, поразив москвичей угрозой новой осады, погубило его, Москва свела его с царства так же быстро и внезапно, как в свое время внезапно и быстро сам он «наскочил» на московский престол.

«Обряд» Шуйскому произошел, по-видимому, так. Значение Клушинской катастрофы было учтено в Москве двумя кругами. В одном главою был князь Василий Васильевич Голицын, а самым рьяным деятелем – рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. Голицын хотел власти для самого себя, а Ляпунов с братьями и другими рязанцами готов был работать на Голицына, и была «дума у него большая на царя Василья с боярином со князь В. В. Голицыным». Во главе другого круга врагов Шуйского стоял Филарет Романов, а главными деятелями были те люди, которые, живя в Москве, сносились с тушинцами, призвавшими Владислава, и получали от них письма и королевские «листы» в пользу королевича. Виднейшими из них были Салтыковы, свойственники Романовых. Они определенно были за Владислава. Скрывая друг от друга свои вожделения, оба кружка работали против общего врага и, когда 17 июля 1610 года в Москве началось площадное движение по поводу подхода к Москве Калужского Вора, и те и другие воспользовались этим движением. Во главе толпы стали один из Ляпуновых (Захар) и Иван Никитич Салтыков. Возбужденная толпа с Красной площади перешла на более просторное место – за Арбатские ворота, к Ново-

девичьему монастырю. Туда прибыли некоторые бояре и патриарх Гермоген, и там, несмотря на уговоры патриарха, было решено просить Шуйского, чтобы он царство оставил и шел на свой старый боярский двор. Свояк Шуйского, боярин князь И. М. Воротынский, с прочими вожаками толпы отправились в Кремль, вывезли царя Василия из дворца и арестовали его братьев. А затем, чтобы царь Василий не вернулся на престол, его насильно постригли в монахи и заперли в Кремлевском Чудовом монастыре. Так окончилось четырехлетнее царствование «боярского царя», пытавшегося восстановить политическое значение отжившей княжеской аристократии.

Свержение царя Василия было последним ударом московскому государственному порядку. Появление Вора уничтожило государственное единство и поделило страну между двумя правительствами, Падение Тушина подало было надежду на восстановление этого единства, а падение Шуйского уничтожило всякое правительство. Страна имела лишь претендентов на власть, но не имела действительной власти. Западные области государства были заняты шведами, которые захватили после Клушинской битвы Новгород, и поляками, которые осаждали Смоленск и занимали Северскую землю. Юг московский был в «воровстве», то есть в полной анархии; под столицею стояли два вражеских войска – Вора и гетмана Жолкевского. Остальные части государства не знали, кого им слушать и кому служить. В Москве по свержении Шуйского боярская дума приняла на себя роль временного правительства и пожелала созвать выборных из городов для царского избрания. Но города плохо слушали это правительство и выборных не посылали. Очевидно, что и бояре не были настоящею властью.

Таково было в 1610 году положение Московского государства. Второй натиск «воров» на Москву, осложненный участием «литвы» и поляков, не доставил победы оппозиционной массе. Но он сокрушил ее врага – олигархическое правительство княжат – и привел в расстройство и анархию консервативные слои населения. Обе боровшиеся стороны в сущности были разбиты. Московское общество, утратив в междоусобии политическую организацию, не находило руководящих сил в себе самом и становилось жертвою иноземных победителей, своевременно и удачно для их целей вмешавшихся в Московские дела. Таков был исход московской смуты в ее втором периоде, который мы характеризовали как период социальной борьбы.

В третьем периоде смуты эта социальная борьба низов и середины московского общества продолжалась, но главным фактом этого периода, определявшим всю деятельность московских людей, было уже не внутреннее междоусобие, а борьба с внешними врагами за национальную самостоятельность.

Глава четвертая

Третий период Смуты – борьба за национальность

I

Москва ищет выхода из смуты в династической унии с Речью Посполитою. 1. Избрание в цари королевича Владислава и посольство к Сигизмунду. 2. Политика короля; занятие Москвы поляками и выступление против них патриарха Гермогена.

1.

Народное сборище, свергнувшее Шуйского, временно передало власть боярской думе, действовавшей в ту минуту в составе семи бояр – князя Федора Ивановича Мстиславского «с товарищи» (оттуда название «семибоярщины»). Москва присягнула боярам, прося их «за Московское государство стояти и нас всех праведным судом судити и государя на Московское государство выбрати с нами, со всякими людьми, всею землею, сослався с городы». Бояре немедля после 17 июля послали в города приглашения прислать выборных «изо всех чинов по человеку». Но в смутные дни и приглашения посылались не вполне исправно, и земщина не откликалась на них: бояре официально через месяц свидетель-

ствовали, что в Москву «из городов посяместа никакие люди не бывали». Между тем, события шли своим чередом. Пока москвичи рассуждали о том, кого выбирать на царство, своего ли московского человека, или же из иноземных родов, – гетман Жолкевский с польским войском подошел к Москве. Он нес с собою кандидатуру Владислава, избранного Тушинским боярством с полгода тому назад. В Москве хорошо знали об этом избрании, и у Владислава было много сторонников, в особенности среди высшей знати.

В то время, как духовенство и московская толпа толковали об избрании в цари человека из Голицынского или Романовского рода, боярство желало лучше Владислава, ибо на примере Шуйского увидало всю неудачность опыта с царем из бояр. Подход Жолкевского требовал быстрого решения дела. Земского собора с выборными из городов собрать не удалось. «Седмочисленные» бояре решились собрать земский собор старым порядком из тех общественных элементов, какие нашлись в ту минуту в самой Москве. Этому собору они предложили выбрать Владислава на условиях, редактированных независимо от Тушинского договора 4 февраля. Собор послушно пошел за боярами, и они получили возможность начать переговоры с Жолкевским именем «всея земли» и «всех чинов». Поспешно заключили они соглашение с гетманом и привели Москву к присяге царю Владиславу. Когда, таким образом, гетман обратился из врага в союзника, бояре направили его против Вора, стоявшего с казаками близ Москвы, и Вор был прогнан в Калугу. Затем, бояре впустили гетмана с его войсками во внутренние московские крепости, иначе говоря, отдали ему столицу. Они поступили так из страха перед

столичным населением. В смутные дни переворота в московской толпе раздавались голоса в пользу Вора, и его «листы» (прокламации) ходили по городу. Бояре боялись «воровских» выступлений настолько, что прибегли к помощи гетмана для охраны интересов избранного ими Владислава.

Условия, предложенные боярами Владиславу и принятые Жолкевским, повторяли в основе начала, положенные во главу договора 4 февраля: неприкосновенность религии и государственного строя, политическую самостоятельность и обособленность Московского государства. Но если договор 4 февраля, отличаясь национально-консервативным характером, допускал все-таки некоторые новизны, то московский договор 17 августа отличался непримиримым консерватизмом и был составлен в духе строгих правительственных традиций с твердым намерением охранить и обеспечить основы московского церковного, государственного и общественного порядка от всяких покушений со стороны не только польско-литовской власти, но и собственных московских новаторов. В августовском договоре исчезли частности о повышении людей меньшего «стана» сообразно с их личной выслугой, о свободе выезда за границу и т. п. В нем, наоборот, явилось требование об охране «отечества» и «чести» московских «княженецких и боярских родов» и точно указывались пределы власти вновь избранного государя. Он должен был принять православие и править с боярскою думою и земским собором. Высший суд и установление новых податей были предоставлены боярской думе, к законодательству же призывалась «вся земля». Очевидно, редакция договора вышла из строго-охранительных боярских кругов, которые стремились укрепить

исконный московский порядок и указать всем «станам» московским подобающее, с боярской точки зрения, место. Вот почему договор этот вполне заслуживает название боярского.

Покончив дело с гетманом, бояре снарядили «великое посольство» к королю Сигизмунду под Смоленск. Оно должно было просить короля дать Владислава в цари и скорее отправить его в Москву. По составу своему посольство действительно было «великим» (то есть, важным, чрезвычайным). В него вошли: от духовенства Филарет Романов, от боярской думы князь В. В. Голицын – оба с званием «великих послов»; при них состояли члены земского собора. От собора – «ото всея земли», как говорил под Смоленском Голицын, – были отправлены, во-первых, поголовно малочисленные сословные группы (провинциальные дворяне) и, во-вторых, по выбору представители групп многочисленных (столичные дворяне). Таким образом, к королю поехала значительная часть собора. Другая же его часть оставалась в Москве. Правительство московское, таким образом, разделилось, и уехавшая в посольстве часть его без части, бывшей в Москве, была столь же неправомочна, как и московская часть без отправленной к королю. Это обстоятельство оказалось очень важным в дальнейшем ходе сношений короля с Москвою.

2.

По-видимому, не все участники дела об избрании Владислава понимали сложность и запутанность политической обстановки. Прозорливее и искуснее всех был гетман Жолкевский. В переговорах с боярами он являлся уступчивым и ласковым. Он обещал, что Владислав

примет московскую веру; он благородно помог Москве избавиться от Вора; он снискал доверие патриарха и бояр и добился того, что занял столицу. Москва видела в нем друга. В то же время, он повлиял на выбор великих послов в том отношении, что достиг удаления из Москвы соперника Владислава князя Голицына и главы Романовского рода Филарета, сына которого (Михаила) некоторые прочили в цари. Оба эти опасные для Сигизмунда деятели оказались в его руках, когда приехали послами в его лагерь под Смоленском. Гетман ухитрился даже бывшего царя Василия Шуйского увезти к королю и даже с его братом Дмитрием Шуйским. Словом, Жолкевский сделал все, чтобы «обовладеть» Московским царством. Но он понимал, что такой блистательный успех достигнут случайно благоприятным стечением обстоятельств, что Москва не покорена и не пленена, а добровольно приведена к соглашению и что с нею надо быть осмотрительным и осторожным. В этом смысле он осведомлял короля.

Но Сигизмунд понимал дело иначе: ему казалось, что Московское государство лежит разбитым у его ног, и что Москва завоевана его мечом. Не входить с нею в соглашение, не жертвовать для нее правоверием своего сына надлежало королю, а повелевать ею и прямо подчинить ее королевской власти. Поэтому Сигизмунд выговаривал гетману за его якобы слабость, а великое посольство он встретил с затаенной мыслью заставить его вместо Владислава принять на царство самого Сигизмунда. Как только близорукая и упорная политика короля стала ясна Жолкевскому, он взял отставку и уехал на родину, сдав начальство в Москве Александру Гонсевскому. Король же повел дело без него в собственном

духе и без стеснений. По его желанию Гонсевский установил в Москве военную диктатуру польской власти, в тисках которой бояре, по их словам, «в то время все живы не были». Они лишились всякого значения, потому что Гонсевский, «не россудив московского обычая», всякие дела «переимал на себя. В помощь ему Сигизмунд прислал в Москву деятелей того тушинского кружка, который из Тушина перебежал к королю и, призвав в цари Владислава, стал послушно служить самому Сигизмунду. По московским понятиям, это были «самые худые люди»: мелкие дьяки, «сынчишки боярские, даже «торговые мужики». (Между ними особенно заметны были Федор Андронов, «мужик», и Иван Грамотин, «подъячий»). Весь этот люд, встреченный в Москве с недоверием и презрением, развязно принялся за дела при Гонсевском.

Впоследствии бояре, уже после смуты встретясь с Гонсевским и вспоминая его подвиги в Москве, говорили ему в лицо: «К боярам (в думу) ты ходил, челобитные приносил; только, пришедши, сядешь, а возле себя посадив своих советников, Михаилу Салтыкова, князя Василия Мосальского, Федьку Андронова, Ивана Грамотина с товарщи, а нам и не слыхать, что ты со своими советниками говоришь и переговариваешь; и что велишь по которой челобитной сделать, так и сделают, а подписывают челобитные твои же советники дьяки Иван Грамотин, Евдоким Витовтов, Иван Чичерин да из торговых мужиков Степанка Соловецкой; а старых дьяков ты всех отогнал прочь». Унижение бояр дошло до того, что Гонсевский подвергал их аресту без малейшего основания и открыто взял в свои руки управление Москвою, отстранив бояр от всяких дел и подчинив их своему

капризу: боярам «приказывали руки прикладывать – и они прикладывали»; были они «все равно, что в плену», «лишь только сидели да смотрели». Так осуществлялась власть Сигизмунда в Москве. Посольству под Смоленском было не лучше, чем боярам в Москве. Немного надобно было времени и ума, чтобы понять, что король не даст сына на Московское царство, а прочит его самому себе. До поры до времени с великими послами дипломаты короля еще вели переговоры о происшедшем под Москвою соглашении.

При этом обнаружилось, что посольство может действовать только в пределах своего «наказа» и не имеет права ни в чем отступить от условий, выработанных с гетманом, а в Москве оставшаяся там часть земского собора не правомочна, без великого посольства, что либо менять в создавшемся соглашении. Тогда, усвоив себе положение вещей, Сигизмунд попробовал вернуть посольство московское в Москву с тем, чтобы там «вся земля» избрала в цари вместо Владислава его, Сигизмунда. Великие послы в Москву не поехали; но других членов посольства – и очень многих– король соблазнил вернуться, «страхом и лестию» поставив их на свою точку зрения. Посольство распалось. Таким образом, королю не удалось заставить московское правительство добровольно и гласно признать не Владислава, а самого его царем «всея Росии»; но ему удалось фактически уничтожить это правительство и овладеть властью в Москве. Когда он этого окончательно достиг, он великих послов арестовал и отправил в Польшу. В конце 1610 года в Московском государстве своей власти уже не было, а была иноземная диктатура.

Попытка политической унии с Речью Посполитою была лебединою песнью московского боярского класса. Получив после майского переворота 1606 года, в свои руки верховную власть, бояре-княжата сделали опыт «общим советом Российское царство управлять», избрав на престол одного из своих. Опыт оказался неудачным; страна отказала олигархам в своем сочувствии, и в самой боярской среде не было согласия. Боярский царь не уцелел в смуте. Тогда господствующий класс пришел к мысли об унии, о привлечении на московский престол нейтрального лица со стороны. Если бы это дело удалось, «седмочисленные бояре», пригласившие Владислава, стали бы родоначальниками правящего класса, имевшего участие во власти на основании точно определенного права. Но дело не удалось. Польская сила поработила и унизила бояр. Мало того: связав боярскую думу с именами Владислава и Сигизмунда, польская диктатура бросила на бояр тень «измены». Казалось, что бояре работали на чужую власть, если от нее не страдали. Население так и считало одних бояр страдальцами, других изменниками и понимало, что боярская дума перестала быть руководительницею страны; по слову современника, «оскудеша премудрые старцы и изнемогоша чудные советники». Сигизмундом был нанесен боярству последний удар, навсегда погубивший политическое значение боярства и думы. На смену разбитого в борьбе класса должны были стать другие общественные силы.

Легко можно представить себе то смущение, с каким русские люди наблюдали первые признаки вожделений Сигизмунда. Владислав в Москву не ехал; великие послы писали тайные письма с предупреждениями о планах

короля; в Москве появлялись тушинцы с королевскими мандатами и инструкциями. Все это смущало и тревожило москвичей. Наиболее впечатлительные из них уже в октябре 1610 года стали волноваться настолько, что были арестованы Гонсевским (князья Воротынский и А. Голицын). В ноябре уже вся Москва волновалась, и польские власти приняли экстренные меры к тому, чтобы привести город на военное положение: на стенах города стояли караулы; по улицам ходили патрули; населению было запрещено носить оружие; у улиц были уничтожены запиравшие их охранительные решетки; в город не пускали подгородных крестьян; ночное движение по городу было прекращено.

К декабрю население Москвы уже знало, что с Владиславом не благополучно и что сам Сигизмунд хочет быть московским царем. Об этом в Успенском соборе заговорил с народом патриарх Гермоген: он прямо запретил своей пастве целовать крест королю-католику. Это выступление патриарха имело чрезвычайно важное значение. Оно, во-первых, вскрыло перед народной массой назревший кризис, а во-вторых, вывело Гермогена на политическую арену. До сих пор политическая роль Гермогена была не велика. В его натуре не было черт политического деятеля. Невосприимчивый и упрямый (по старому выражению «косный»), не дальновидный («ко злым и благим не быстрораспрозрителен» и «слуховерствователен»), Гермоген не обладал ни гибкостью ума, ни широтою кругозора. Он не всегда мог хорошо опознаться в сложной обстановке и при Шуйском не раз попадал впросак, будучи обманут и увлечен хитрым царем, с которым не ладил, или же массовым движением толпы, с которой не умел совладать. Он не

скоро и не легко позволил себя склонить в пользу избрания Владислава, но, подпав личному обаянию Жолкевского, все же пошел за боярским правительством.

Когда же раскрылась неудача этого правительства и обнаружились претензии Сигизмунда, Гермоген показал свои основные качества. Он не испугался ни Гонсевского, ни других агентов короля. Он почувствовал в себе главу церкви и сознал свой долг перед верующими. У него достало мужества внушить народу, что, сохраняя верность присяги Владиславу, буде он примет православие, народ никак не должен присягать самому Сигизмунду. Предостерегая свою паству против короля, Гермоген стал в открытую оппозицию и Гонсевскому, и запуганным им боярам, и агентам короля, оказавшимся во главе московской администрации. Началась борьба между «церковным верхом» и стороною короля, – борьба, создавшая Гермогену славу «второго Златоуста» и поставившая его во главе национального движения против поляков. Современники высоко ценили патриотический почин патриарха: «только б не от Бога послан и такого досточудного дела патриарх не учинил, – и за то было кому стояти, не токмо веру попрати, хотя б на всех хохлы хотели (поляки) учинити, и за то бы никто слова не смел молвити!». Значит, Гермоген один открыл глаза русским людям и своею твердостью спас Московское государство от окончательного порабощения. Так, в данную минуту определялось значение Гермогена в ходе дел.

II

Политика короля Сигизмунда возбуждает против него народное восстание. 1. Образование земского ополчения и его пестрый состав. 2. Осада Москвы и земское правительство. 3. «Приговор» 30 июня 1611 года; распад ополчения вследствие внутренней розни; торжество казаков.

1.

Открытое выступление патриарха против короля, происшедшее около 1 декабря 1610 года, совпало с неожиданной смертью Вора, убитого своими же в Калуге 11 декабря. Если голос патриарха указывал на необходимость сопротивления королю, то смерть Вора развязывала руки для действий против поляков без опасения удара в тыл. Поэтому, именно в середине декабря и произошел резкий сдвиг в настроении Москвы. В ней началась деятельная пропаганда восстания против поляков и велась она именем патриарха, хотя сам Гермоген, по-видимому, еще не побуждал «на враги дерзнуть и кровопролитие воздвигнути». Из Москвы мысль о восстании разошлась по стране. В посольском стане у стен осажденного королем Смоленска; в московских приказах под началом тушинских людишек, ставших королевскими агентами; на московской улице под надзором польского караула; наконец, в городах и селах под гнетом польских военных реквизиций и постоев –

везде назревал нравственный перелом, везде общая опасность заглушала личные страсти и вожделения и вызывала более высокие порывы народного чувства. Страна готовилась к борьбе и искала вождей. Патриарха она единодушно считала своим духовным водителем, а вожди ратные обозначились сами. Конечно, первенствующее значение в народном движении должны были получить виднейшие лица в провинциальной среде, именно воеводы и дворяне крупнейших городов и уездов и выборные власти наиболее людных и зажиточных общин, а также атаманы (и вожаки иных наименований) тех отрядов, казачьих, литовских и польских, которые уцелели от тушинской организации и были настроены против короля.

Около 1 января 1611 года поляки, по их словам, перехватили несколько грамот Гермогена в города с призывом, чтобы из городов, «собрався все в сбор со всеми городы, шли к Москве на литовских людей». Таких грамот до нас не сохранилось, но вряд ли может быть сомнение в том, что, начиная «сбор», городские люди сносились с патриархом и чаяли его благословения, а патриарх не отказывал им в своем одобрении. В духовном единении с «церковным верхом» поднялась одна из первых Рязань со своим воеводою Прокофьем Петровичем Ляпуновым. Одновременно с нею поднялся Нижний-Новгород, который поддерживал тайные сношения с Гермогеном через особых ходоков, «бесстрашно» проникавших к патриарху даже тогда, когда Гонсевский взял его под арест. За Рязанью и Нижним поднялось много других городов. К движению примкнули и все остатки тушинского казачьего или «воровского» войска. С этим общественным элементом особенно усердно

сносился Ляпунов, которому мир и союз с «воровскою» ратью был необходим по соображениям чисто военным. Из этих сношений выяснилось, что в среде бывших тушинцев наиболее заметными вождями против поляков будут атаман Иван Заруцкий в Туле и боярин князь Д. Т. Трубецкой в Калуге. С ними обоими Ляпунову удалось столковаться, и у новых союзников был выработан «приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были сойтись городские дружины с Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы; а в Серпухове должны были собраться особою ратью старые тушинские отряды из Калуги, из Тулы и «с Северы». Приговор был выполнен, и к марту 1611 года движение воинских отрядов началось. К Москве дружно спешили земские и казачьи рати.

Польский гарнизон, занимавший Москву, конечно, знал о возникшем против него движении и принял свои меры. Его сил не хватило бы на оборону не только всей внешней крепостной ограды Москвы («Земляного города» по линии нынешней Садовой улицы), но и каменной стены Белого города (по линии нынешних бульваров). Поляки могли с успехом занимать только внутренние московские цитадели – Кремль и Китай-город. Они привели их в осадное положение, а остальной город решили, по обычаю того времени, сжечь при подходе осаждающих, чтобы не дать врагу прикрытий вблизи крепостных стен.

Москвичи сами помогли полякам выполнить это дело, начав с ними ссору и уличную драку. 19-го марта драка перешла в общий бой. Поляки выгнали московское население из Китая-города в Белый город и зажгли последний. Москва выгорела, и тысячи москвичей разбрелись

по окрестностям без пищи и крова. Передовые отряды народного ополчения не поспели придти ко времени этого боя и застали только тлевшее пожарище столицы. Они и устроились лагерем, «таборами», на развалинах Москвы. За авангардом подтянулась к Москве вся земская рать и, укрепившись в таборах, принялась за осаду Кремля и Китая-города. Так началось лето 1611-го года.

2.

В новой обстановке, когда вся страна возмутилась против Владислава и Сигизмунда, боярская дума в Москве потеряла всякое значение, перестала быть правительством. Бояре рассматривались, как изменники, заключенные в осаду вместе с иноземным врагом, которому они оставались послушны. Взамен этого бывшего правительства необходимо было создать новое. Оно могло составиться из тех элементов власти, какие обозначились во время народного движения. Такие деятели, как Рязанский воевода П. Ляпунов, Тушинский (позднее Калужский) боярин князь Д. Т. Трубецкой, атаманы казачьи Заруцкий и Просовецкий уже держали в своих руках власть над своими войсками и теми уездами и городами, которые занимали. Они под Москву привлекли с собою свои местные канцелярии («приказы») и чрез их посредство продолжали управлять своими базами, где они собрали войска, откуда двинулись в поход и откуда извлекали средства для своего содержания.

Но все эти разрозненные и несогласованные «приказы» не составляли правильного аппарата управления. Нужда в нем чувствовалась остро; необходимо было создать правительство. Оно и было создано путем соединения в

одно целое разных советов, группировавшихся около виднейших вождей. Все вместе они называют себя «вся земля» и описательно именуют себя так: «бояре и воеводы и думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов и дети боярские всех городов и всякие служилые люди». Ото «всея земли» даются распоряжения по городам и уездам, и «приговор» всея земли считается для страны законом. Такого рода приговоры идут уже с апреля 1611 года. Однако, по всем признакам первые опыты «всея земли» не были удачны, в земской рати существовали внутренние трения, и в основе их лежала все та же социальная рознь между казачеством и сравнительно высшими общественными слоями землевладельческого дворянства и зажиточного торгово-промышленного посадского населения.

Выше было сказано, что Ляпунов, поднимая движение на Рязани, сносился с остатками «воровской» Тушинской рати, которые после смерти Вора потеряли всякое средоточие и связь, и держались в южной половине государства, не умея определить свои дальнейшие действия. Они охотно примкнули к народному движению против Сигизмунда, а Ляпунов охотно шел с ними в союз, надеясь дать брожению этой опасной массы наилучший исход в борьбе за общее народное дело «против разорителей веры христианския». Быть может, это было не вполне осмотрительно. Раз Ляпунов сблизился с «воровскими советниками» и казачеством, ему надлежало принять и все последствия этого сближения: считать всех «воров» и казаков борцами, достойными награды за свой патриотический подвиг. Ляпунову представлялось, что лучшею наградою для зависимых «боярских людей», которыми тогда полнилась «воровская» казачья сила,

будет «воля и жалованье». Он и писал с обещанием воли и жалованья ко всем вообще казакам, приглашая их идти помогать ему под Москву, и прибавлял по адресу беглых, еще не попавших в казаки холопей: «а которые боярские люди и крепостные и старинные, и те бы шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как иным казакам».

Надо думать, что этот призыв имел в виду привлечь под Москву все бродившее на Поле казачество направить его силы на общеземское дело и, взяв казаков и земское жалованье, этим самым сделать беспокойную казачью массу безвредною для общественного порядка. Но, если таковы были планы и надежды Ляпунова, он жестоко ошибся. Его призыв способствовал собранию больших казачьих масс в центре государства. Под Москву во множестве сходились и боярские люди и вольные казаки, ждали воли, требовали жалованья, но оставались в прежнем «воровстве», нисколько не мирясь со старыми московскими порядками. В подмосковном ополчении в 1611 году, точно так же, как в 1606 г. у Болотникова, в политическом союзе против общего врага оказались непримиренные социальные враги. В общем совете всей рати эта вражда давала себя знать. «Воровской» радикализм вызывал консервативную реакцию, и дело шло явно к разрыву, и распаду ополчения. В июне 1611 года опасность внутреннего распада заставила Ляпунова прибегнуть к экстренной мере. По его почину совет всей рати – «вся земля», как этот совет себя называл – решил дать государству новое верховное управление и одним торжественным актом разрешить насущнейшие вопросы текущей общественной жизни. В последние дни июня был выработан и 30 июня «всею землею» утвержден

«приговор», создававший в стране временное правительство с определенными полномочиями и заданиями в сфере сословной и аграрной политики.

3.

«Приговор 30-го июня» считал верховною властью в государстве «всю землю», олицетворяемую советом рати, то есть представителями составных частей подмосковного войска. «Вся земля» избирала «в правительство» бояр и воевод (Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого). Это «правительство» есть только подчиненная власть, ограниченная в своих действиях ратным советом «всея земли»: «не объявя всей земле, смертные казни никому не делать и по городом не ссылать; а кто кого убьет без земского приговору, и того самого казнити смертью». «Правительство» получало точно определенное вознаграждение за свой труд; а что из земель «розняли бояре по себе без земского приговору» и другим «роздали они ж бояре», то подлежало возвращению в государственный земельный фонд. В руководство «правительству» даны были указания о нормальном земельном обеспечении из этого фонда всей вообще подмосковной рати и прочих лиц служилого класса. Затем следовало определение о казачьем «жаловании»: казакам «старым», которые давно служили сотнями с городов или станицами с Поля, предоставлялось на выбор получить поместье и стать служилыми людьми помещиками или же, оставаясь казаками получать «хлебный корм» и деньги за свою службу.

Далее в приговоре был указан порядок управления всем государством: вместо многих «приказов», существовавших в разных «полках», устанавливались общие

для всей страны учреждения: Разряд и Поместный приказ для ратных дел и людей, финансовые приказы для сбора и расхода денег, Разбойный и Земский приказы для юстиции и полиции. Наконец, приговор утверждал старое московское правило, по которому крестьянский выход почитался отмененным: вывезенных и выбежавших «крестьян и людей отдавать назад старым помещикам». Это был косвенный, но резкий выпад против тех элементов казачества, которые не подходили под понятие «старых казаков», служащих «старо». Ранее эти элементы приглашались Ляпуновым с обещанием воли и жалованья теперь по сыску прежних господ они возвращались в неволю. Не менее резкое постановление против казачества – старого и не старого одинаково – заключалось в том, чтобы казаков с их атаманами не назначать на должности по местному управлению, в города и уезды, и вообще не выпускать из подмосковных таборов иначе, как под начальством «дворян добрых».

Все содержание приговора 30 июня удостоверяет в том, что он был направлен против казачества и стремился дать торжество старому крепостному московскому порядку. Очевидно, представитель этого порядка Ляпунов в данную минуту чувствовал себя и свою сторону сильнее казачества с его вождями, Тушинским боярином Трубецким и атаманом Заруцким, и «повеле написати приговор» в своем духе. Однако это торжество Ляпунова было непрочно и недлительно. Приговор раздражил казачью сторону подмосковного войска. Принцип крепостного права и в этот момент послужил главною причиною острой социальной розни между землевладельческим дворянским слоем войска и его низшими слоями, представлявшими организованную оппозиционную массу

населения. Казаки заманили Ляпунова для каких-то объяснений в свой «круг» и убили его (22 июля), затем разграбили его «дом» в подмосковном лагере и начали открытую войну с дворянами. Утратившие с Ляпуновым свое единство, служилые люди ударились в бегство: «мнози разыдошася от царствующего града», говорят современники, и мало-помалу «отоидоша вси от Москвы прочь». Ополчение погибало. В нем остались одни казаки, да из дворян те, «которые были в воровстве в Тушине и в Калуге». Иначе говоря, под Москвою возродился тушинский стан. Но в Москве уже не было русской власти, которая составила бы противовес «воровству», – в Москве была «измена» и польское засилье. Поэтому «воровские» казачьи власти оказались в положении центрального правительства для всей страны. Они обладали центральным правительственным механизмом: у них в таборах «в Розряде и в Поместном приказе и в иных приказех сидели дьяки и подьячие; и из городов и с волостей на казаков кормы сбирали и под Москву привозили». Получив силу, казаки «воровства своего не оставили: ездили по дорогам станицами и побивали». В таких коротких фразах современники изображали «настоящую беду Московскому государству».

Первая попытка, сделанная московскими боярами, прекратить смуту и восстановить государственный порядок через унию с Речью Посполитой привела к польской военной диктатуре. Вторая попытка, сделанная средними слоями населения с помощью казачества, привела к распаду земского ополчения и торжеству казачества над дворянством. Овладев властью под Москвою, казачий табор стал правительственным средоточием

всей страны и в первый раз, казалось, одержал победу над старым московским порядком.

Не остерегшись союза с «ворами», средние московские люди надеялись их дисциплинировать; но сами не устояли пред ними и оставили им поле действия. Если бы в казачестве того времени были определенные социальные идеалы и творческие задатки, они могли бы обнаружиться в деятельности казачьего подмосковного правительства. Но их не было: казачьи власти только «сбирали кормы», а казачьи станицы ездили по дорогам и «побивали». Страна не могла подчиниться такому правительству.

III

Неудача первого восстания вызывает его более удачное повторение. 1. Роль духовенства в 1611 г.; «грамотка» Гермогена. 2. Нижегородское движение; его деятели; его программа. 3. Образование в Ярославле временного правительства («вся земля») и его политика. 4. Его победа над казаками и поляками; освобождение Москвы.

1.

Подмосковная катастрофа не была единственным несчастьем данного момента. Бегство служилых людей из-под Москвы и превращение общеземского правительства в казачье совпали по времени с тем, что Сигизмунд взял Смоленск и отправил в плен «великих послов» Филарета и Голицына, шведы заняли Новгород и его область, а в Москве поляки посадили в тюрьму патриарха и угнетали бояр. Все это потрясало умы и смущало души московских людей; все это говорило о возможности полной гибели. Осень 1611 года была безотрадною порою для московского общества, мучимого сознанием своего бессилия. Русские люди ни на что не надеялись и молились только о том, чтобы Господь пощадил «останок рода христианского» и оградил миром «останок Российских царств и градов и весей». От славного государства уцелели только «останки»; никакие книги «не произнесоша нам такового наказания ни на едину мо-

нархию, ниже на царства и княжения, еже случися над превысочайшею Россиею». Главная беда заключалась, конечно, в том, что население не знало, кому повиноваться и за кем идти. Обе власти – польская в Москве и казачья под Москвою – были неприемлемы: первая представлялась вражеской и изменной, вторая – «воровской». Утратив привычную организацию и не имея центра, страна пока не имела никаких вождей и правителей, которые бы так же уверенно, как в свое время Скопин и Ляпунов, увлекли за собою народную массу и стали бы во главе движения, дав ему направление и программу. Страстно желая спасения и возрождения, одни искали его в чудесах и видениях, звали к молитве и посту в надежде спастися нравственным обновлением и очищением. Распространялись сказания о чудесных явлениях и знамениях, в основе которых лежал именно призыв к покаянию.

Одно из таких сказаний повлекло за собою даже официальное распоряжение из казачьих таборов поститься три дня; и действительно, по всей стране «пост зачася», и притом такой усердный, что «многие младенцы помираху с того посту». Другие же более уравновешенные и твердые люди желали указать выход из бездны, дав тот или иной практический совет, предложив ту или иную программу действий. Таких советов и программ было не мало; но все они выходили к двум основным и первоначальным. Одна программа торопливо и кратко была изложена в «грамотке» патриарха Гермогена к нижегородцам около середины августа 1611 года. Другая заключалась в знаменитых грамотах братии Троицкого монастыря. Очень любопытно то обстоятельство, что почин в деле политического совета и

руководства исходил от духовных лиц. Это значило, что с падением государства не пала церковь и ее представители уразумели, что на них теперь перешла обязанность стать во главе расстроенного смутою общества. Но в общей разрухе и голоса церкви звучали неодинаково и гласили разно: писания патриарха и Троицких иноков не были согласны и потому были несовместимы. Между ними приходилось делать выбор.

Патриарх, сидевший под стражею в Кремле, узнал, что в подмосковном стане у казаков атаман Заруцкий желал «на царство проклятого паньина Маринкина сына», прижитого в Тушине Мариною Мнишек от Вора. Это отрождение самозванщины очень обеспокоило Гермогена, и он при первой возможности, через верного «бесстрашного» человека Родю Мосеева, тайно дал знать нижегородцам, которые поддерживали с патриархом сношения, чтобы они всеми мерами распространили по городам эту тревожную весть и патриаршим именем воспретили признавать царем «Воренка». Гермоген просил действовать везде, в городах и в «полках» его «словом» против казаков и «говорити бесстрашно, что проклятый (Воренок) отнюдь ненадобе». Все те, кто чтил патриарха и желал за ним следовать, должны были заключить, что в данную минуту патриарх считает главным врагом земщины казаков с их Воренком и, главной задачей – борьбу с самозванщиной и казаками. О поляках и короле в этой грамоте Гермогена даже и не упоминалось.

Другого содержания и направления были грамоты Троице-Сергиева монастыря. В тушинскую пору Троице-Сергиев монастырь выдержал долгую осаду от Сапеги и Лисовского. Каменные стены спасли монастырь, но он был вовсе истощен и разорен осадными лишениями.

Для его восстановления после осады настоятелем монастыря был назначен архимандрит Дионисий, один из самых замечательных людей того времени. Он широко понял предстоявшее ему дело. Из богатых и уцелевших от розрухи имений монастыря и из других подчиненных Троицкому монастырей он стянул людей и средства и поставил свой монастырь на ноги. Но он не стал покоить братию «широким» житием, а, напротив, направил ее к трудам на общую пользу. Находясь всего в 60 верстах от Москвы, монастырь был свидетелем «кипевшей» смуты; «всеми путьми быша беглецы» к Троицкой обители, в крепких стенах которой можно было укрыться и отдохнуть и попитаться. На дело призрения и устремил Дионисий силы своей братии. Монахи и монастырские слуги и крестьяне строили больницы, «дворы и избы разные на странноприимство всякому чину»; собирали запасы на содержание призреваемых в этих больницах и дворах; питали и лечили больных и слабых; хоронили умерших; «по путем и по лесам ездили и смотрели того, чтоб звери не ели, и мученых от врагов, мертвых и умирающих, всех сбирали».

Такого рода деятельность вышла далеко за стены обители и нуждалась в защите и покровительстве власти. Единственною же властью, на которую мог опереться монастырь, тогда была власть подмосковного ополчения, сначала земского, при Ляпунове, а затем казачьего. Дионисий силою вещей был в сношениях с «таборами», принимал от Заруцкого и Трубецкого помощь и защиту и, в свою очередь, помогал им в борьбе с поляками, чем мог: посылал «пеших троицких слуг и служебников со свинцом и с зелием» (порохом) и писал «грамоты во все городы о помощи». Вот эти-то грамоты и получили

широкую известность. Они были обращены ко всей земщине и звали ее на помощь подмосковному казачьему войску против ляхов и изменников, сидевших с ними в Москве. Монахи не закрывали глаз на казачье «воровство»; но они еще верили в возможность общего действия и прочного единения казачества и земских слоев и рознь их представляли временною и случайной. Потому в течение всего второго полугодия 1611 года они проповедывали единение с казаками и в этом отношении далеко разошлись с патриархом. Тот давал лозунг: сперва на казаков, потом на поляков; монахи же звали на поляков вместе с казаками заодин. Это были несовместимые лозунги, и земщина, как увидим далее, последовала не за Троицкой братией, а за Гермогеном.

2.

В августе 1611 года совершился распад Ляпуновского ополчения и к концу этого месяца вся страна уже знала о происшедшем несчастии. Грамотка Гермогена о Воренке дошла до Нижнего-Новгорода 25 августа, и тотчас же Нижний и соседние с ним города списались между собою и условились «быть всем в совете и соединеньи», не принимать казачьей администрации и «казаков в город не пущати ж». Настояние Гермогена было таким образом приведено в исполнение. Волжские города объявили себя против казачьих таборов, а последние в свой черед стали смотреть на Понизовые города, как на строптивых бунтовщиков против подмосковных «бояр» Трубецкого и Заруцкого. Прошло несколько недель, и в Нижнем был сделан дальнейший шаг – от пассивного сопротивления казакам к активному им противодействию.

Около 1 сентября в число земских старост, ведавших общинное хозяйство и податные дела нижегородского посадского мира, был избран один из торговцев («убогою куплею питаяся») Кузьма Минин. Вступив в свою должность, он в сентябре же начал говорить «пред всеми в земской избе и идеже аще обреташеся» о необходимости «чинить промысел» над врагами, то есть вместо пассивного выжидания перейти к действию.

Проповедь Минина отличалась большим воодушевлением: по всем данным это был человек большого темперамента и исключительных способностей. Ему удалось увлечь своих сограждан, и они сделали то, что по условиям своего быта могли сделать. В земской избе, где совершались все мирские дела посадские люди написали «приговор всего града за руками» (то есть, с подписями, формальный и крепкий). В нем определялся особый сбор «на строение ратных людей», и произвести этот сбор поручалось Минину. Дело, задуманное посадом, было доложено воеводам Нижегородским князю В. А. Звенигородскому и А. Алябьеву. Они же на общегородском сходе нижегородцев всех сословий объявили дело всему городу. Обставлено это было, по преданию, очень торжественно; соборный протопоп Савва Ефимьев «пред святыми вратами» в соборе прочитал одну из Троицких грамот и говорил народу речь. После него говорил Минин. Всем городом решили собирать казну и строить рать «на очищенье Московского государства». Минин стал выборным мирским уполномоченным у денежного сбора, «окладчиком», по обычному выражению того времени. Над ополчением же, которое должно было быть устроено на земские деньги, вручили власть особому воеводе и около него создали обычный «приказ».

Воеводою пригласили одного из самых заметных ратных воевод того времени князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Он жил недалеко от Нижнего в своей суздальской вотчине и лечился от ран, полученных под Москвою в бою с поляками весною 1611 года. В «товарищи» к Пожарскому дали рязанского дворянина, бывшего в Нижнем «о всяком договоре и добром совете», И. И. Биркина и дьяка Василия Юдина. Одновременно с тем, как прибыл в ноябре в Нижний князь Пожарский, туда пришли из Арзамаса сотни служилых людей, прогнанных Сигизмундом из-под Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Лишенные оседлости, блуждали эти люди по всей Руси, ища себе новых поместий. С готовностью они явились в Нижний служить на земские средства, как только услышали о сборе там рати. Вместе с местными, нижегородскими, служилыми людьми (которых было не много) они и составили первые кадры будущего ополчения.

Так началось то Нижегородское ополчение, которому было суждено создать крепкое правительство в разбитой смутою стране. В ноябре 1611 года к Нижнему присоединились уже ближайшие Поволжские города (Балахна, Гороховец), в январе – Казань, Вологда и Верховые города (Ярославль и др.), а затем, в начале же 1612 года, в Нижний «поидоша изо всех городов: первое приидоша Коломничи, потом Рязанцы, потом же из Украинских городов многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье». Можно удивляться той быстроте, с какою городское движение Нижнего перешло в областное, Низовское, а затем и в общеземское, охватившее всю северную половину государства. Начали его посадские мужики; поддержали провинциальные служилые люди; руководил им князь высокой породы;

провозгласило оно определенную национально-охранительную программу, – все данные для того, чтобы к нему потянулись и примкнули все те слои населения, которые не желали Владислава с его ляхами и казаков с их Воренком. Движение объединяло земскую Русь и ставило ее против одолевавших врагов, внешних и внутренних одинаково. Повторялся опыт Ляпунова, но без его роковой ошибки сближения с «воровскою» казачьей массой.

Свою программу Нижний-Новгород изложил в особой грамоте, разосланной в города в конце 1611 года. В ней объявлялось о происходящем в Понизовьи движении и изъяснялись усвоенные там точки зрения. Особенно много говорилось о казачьем «воровстве» и о желании казаков начать «новую кровь», то есть междоусобие, провозглашением Марины и ее сына. Отрекаясь от Воренка и от «литовского короля», Пожарский и нижегородцы желали всею землей выбрать нового государя, «кого нам Бог даст»; а до тех пор настаивали на единении всех земских людей «в одном совете», чтобы «на польских и литовских людей идти вместе» и «чтобы казаки по-прежнему низовой рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не розгонили». Надеясь на силу объединенной земщины, Пожарский с нижегородцами уверенно говорили о казаках: «мы дурна никакого им учинить не дадим», «дурна никакого ворам делати не дадим».

Грамота эта произвела сильное впечатление во всех городах, куда попадала. Она являлась манифестом консервативной части московского общества, направленным против всего того, что отошло от старого московского порядка. К нижегородскому ополчению стали тянуться

все сторонники этого старого порядка. И в то же время его учли, как своего врага, Кремлевские сидельцы – поляки с московскими «изменниками», и подмосковные воры-казаки. Если первым предстояло, голодая в Кремлевской осаде, терпеливо ожидать развязки неизбежного столкновения нижегородцев с казаками, то казачьи вожаки должны были немедля определить свое отношение к новому земскому движению. Заруцкий задумал овладеть Ярославлем и пройти в Заволжье, чтобы прервать сообщение Нижнего с Поморьем и разобщить их. Наступление казаков на Ярославль стало известно нижегородцам и было сочтено ими за начало военных действий. Пожарский принял вызов Заруцкого, и борьба началась.

3.

По первоначальному плану Пожарский хотел было с своим войском наступать прямо на Суздаль и Москву. Покушение же казаков на Ярославль заставило его переменить намерение. Стало ясно, что так же, как в 1608 году, главною ареною борьбы будет север. Обе стороны – и земская и казачья – одинаково понимали, что не разоренный смутою север является прочною базою для того, кто им владеет, – и обе стороны хотели им завладеть. Раннею весною 1612 года Пожарский перебросил свои силы по Волге к Ярославлю, выбил из него казаков, основался в Ярославле прочно и оттуда стал рассылать войска в разные стороны для полного изгнания казаков из Поморья. Хорошо задуманное Заруцким дело не удалось. Поморье осталось за нижегородцами и Ярославль стал главным пунктом их ополчения, их правительственным центром, откуда Пожарский не спешил идти под Москву.

В самом деле, что было ему делать под Москвою? Там оба его врага держали друг друга в неподвижности: казачья рать не могла ни выпустить поляков из осады, ни сама безнаказанно уйти от стен Кремля и Китай-города. Придя под Москву, Пожарский рисковал, подобно Ляпунову, стать жертвою нового междоусобия, уже раз сгубившего народное дело. Оставаясь в Ярославле, он мог спокойно выжидать событий, увеличивать свою рать, устраивать свой тыл. Вновь возникавшая земская власть удобнее всего могла действовать в Ярославле, крупнейшем городе всего Замосковья и Поморья. Центральное положение Ярославля в этих областях делало его естественным средоточием объединявшейся Земщины, а близость его к Москве давала ему и стратегическую важность. Вот почему в течение полугода или пяти месяцев (март – август) Ярославль играл роль земской столицы и резиденции временного правительства, образованной в ополчении.

Когда Пожарский пришел в Ярославль (около 1 апреля 1612 года), около него действовал «общий совет», числом человек 50. От имени этого общего совета 7 апреля была разослана по городам грамота с приглашением прислать в Ярославль «изо всяких чинов людей человека по два и с ними совет свой отписати за своими руками». Эти городские представители должны были составить совет «всея земли» вместе с освященным собором и «общим советом» Пожарского. Московские земские соборы обычно составлялись из патриаршего совета, боярской думы и земских представителей. Такого состава «всея земли» желали и в Ярославле. Но патриаршего совета и боярской думы негде было взять: патриарх Гермоген умер в феврале 1612 года в Московской тюрьме; бояре

сидели с поляками в осаде. В Ярославле удовольствовались тем, что собрали освященный собор из наличного духовенства с митрополитом Кириллом (жившим на покое) во главе. Это были, по тогдашнему выражению, «власти». В роли боярской думы выступали в Ярославле бывшие там два-три боярина вместе с начальниками отдельных отрядов в земской рати. Это были, по тогдашнему выражению, «бояре и начальници». Ко «властям», боярам придали земских представителей из городов и таким способом образовали совет «всея земли», который ведал все важнейшие дела военные, судебные и даже дипломатические. Как русским людям, так и иностранцам этот совет представлялся правильным и полномочным народным собранием. Имевшие с ним дело шведы признавали за ним законную власть и звали его die Musscowitischen Stände, die Reussischen Stände. Летописец русский и русские официальные акты считают его. верховным правительством «всея земли».

С помощью этого совета и под его авторитетом Пожарский достиг весьма важных результатов в Ярославле. Север был очищен от казаков и целиком перешел в руки земской рати. Шведское правительство, владевшее Новгородом, обещало Пожарскому свой нейтралитет под условием, что в свое время, когда дело дойдет до царского избрания, в Ярославле поставят кандидатуру на московский престол королевича шведского Филиппа. Эта кандидатура уже была принята Новгородом, вошедшим при шведской оккупации в подневольную унию со Шведским государством. К кандидатуре Филиппа Пожарский по-видимому относился серьезно; но все таки на нее смотрели прежде всего, как на средство обеспечить тыл ярославской рати от шведского нападения во

время наступления на Москву. Кроме дел военных и дипломатических, ярославская власть деятельно занималась устройством самого ополчения и его снабжением. Есть данные думать, что ярославская рать превратилась в сильную и благоустроенную армию, хорошо спаянную и обученную. Ее военное превосходство над казаками к исходу лета 1612 года стало для всех очевидным. В цели Пожарского и его сотрудников входило и то, чтобы в Ярославле же, не ожидая освобождения Москвы, избрать и царя. Но до этого довести дело не удалось, обстоятельства заставили идти под Москву ранее, чем предполагалось. Была получена весть о приближении к Москве от Смоленска гетмана Хоткевича с польскими войсками и с запасами для Кремлевского гарнизона. Несмотря на вражду с Ярославским правительством, Трубецкой и Заруцкий дали ему знать об опасности, и Пожарский немедля выступил к Москве, чтобы не пропустить в Кремль Хоткевича.

4.

В августе 1612 года произошла под Москвою встреча земской рати с казачьими «таборами». Для казаков она оказалась роковою. Ярославские отряды, подходя к Москве, становились отдельно от казаков в укрепленных «острожках» и не обнаруживали желания сближаться с ними, решив, что им «отнюдь вместе с казаками не стаивать». Такое поведение земцев заставило казаков думать, «нет ли какого умышления над ними» у ярославской власти. Среди казаков начался раскол, поведший к распадению сильного казачьего центра – «таборов». В таборах в то время сидело одних казаков до 5.000 человек, не считая воинского люда других чинов

и наименований (в роде «украинских городов ратных людей), а кроме того «под Москвою же во всех полках жили москвичи – торговые и промышленные и всякие черные люди, кормилися и держали всякие съестные харчи». Гнездо это пришло теперь в полное расстройство. Часть его сил немедля передалась Пожарскому на его полную волю. Другая часть, «мало не половина войска», под начальством Заруцкого отошла в Коломну, а оттуда в Рязанскую область и далее на юг. Остальные не знали, что делать и как держаться в отношении ярославской рати, которая не шла на соединение и примирение. Биться с этою ратью у них уже не было сил; оставалось ждать и «нелюбовь держати» на земских людей за то, что «к ним в таборы не пошли».

Около 20-го августа Хоткевич показался под Москвою и обрушился на войска Пожарского. После значительных колебаний казаки помогли Пожарскому, и Хоткевич ушел, не пробившись в Кремль и понеся большой урон. Но эта победа над общим врагом не помирила русских людей, и среди казаков жила еще мысль «всех ратных людей переграбить и от Москвы отженуть». Потребно было несколько недель для того, чтобы в таборах совсем оставили мысль о борьбе с земским войском и решились капитулировать. В начале октября состоялось соглашение между Пожарским и Трубецким: они «по челобитью и по приговору всех чинов людей стали во единачестве и укрепились, что им да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства доступать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости». Было образовано единое временное правительство, в котором по своему боярскому сану Трубецкой писался на первом месте, а действительная власть

принадлежала «совету всея земли» и его ярославским руководителям. Можно думать, что внутреннего согласия было не особенно много в этом «единачестве», но прекращение распри все-таки принесло свой плод. Объединенное ополчение 22 октября взяло Китай-город, а 26–27 и Кремль сдался на капитуляцию. Польский гарнизон проявил большой героизм во время полуторагодового Кремлевского сиденья. Он дошел до крайней нужды, даже, говорят, до людоедства; он много раз просил помощи у своего короля и терпеливо ждал ее. Но небогатый силами и средствами Сигизмунд не смог или не сумел его поддержать, и польское владычество в Москве пало. Попытка Сигизмунда в декабре 1612 года вернуть себе Москву не удалась, так как у короля не было и на этот раз достаточных сил для штурма Московских укреплений.

IV

Временное правительство избирает царя. 1. Созыв земского собора; его состав. 2. Ход избирательной мысли на соборе. 3. Кандидатура Михаила Федоровича Романова и его избрание.

1.

Не легко было положение временного правительства по освобождении Москвы. Казаки не умели держать дисциплины и грозили постоянными беспорядками и междоусобием при дележе добычи и пленных. В Кремле осада произвела ужасающий беспорядок, и необходимо было наскоро устранить его и привести московские крепости в боевую готовность. Необходимо было отпустить по домам ратных людей ярославского ополчения, сделавших продолжительную боевую кампанию, но вместе с тем не ослабить и силу московского гарнизона, особенно ввиду предстоявшего похода Сигизмунда. Столь же необходимо было закрепить достигнутый успех царским избранием, чтобы превратить временное правительство в постоянную нормальную, власть.

В первые же недели по очищении Кремля идут из Москвы грамоты с призывом выборных людей из городов для царского избрания. Ждут их в Москве к Николину дню (6 декабря); не дождавшись, торопят поспевать к Рождеству Христову. Просят выбрать «из собору (то есть, духовенства, из посадских людей и из уезду, из черных

волостей», десять человек «лучших и разумных и постоятельных людей» дать им «полный и крепкий достаточный приказ», чтобы им «о государственном деле говорити было вольно и бесстрашно», чтобы они «были прямы безо всякие хитрости». В ожидании приезда выборных отпускают из Москвы ратных людей, демобилизуют армию; и к декабрю в Москве уже нет ярославской рати: «дворяне и дети боярские разъехались по поместьям, а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков полпяты тысячи (то есть 4.500) человек, да стрельцов с тысячу человек, да мужик-чернь». Таков московский гарнизон, с которым Москва готова была в декабре 1612 года встретить Сигизмунда.

В начале января 1613 года начался съезд в Москву выборных людей на избирательный собор. Нельзя точно определить, сколько их всего туда приехало, так как не сохранилось точного и полного списка участников собора. До нашего времени дошло два рукописных экземпляра торжественной «избирательной грамоты» или соборного протокола. Под одним подписалось 235 избирателей, под другим – 238, а всего в этих подписях упомянуто 277 имен соборных участников. Но это не есть точное их число. Выборные подписывали грамоту один за многих товарищей, не называя их поименно. Так, выборных нижегородцев было на соборе не менее 19, а подписали грамоту всего 5 человек на одном экземпляре и 6 на другом. Поэтому можно думать, что число участников собора было гораздо больше 277; одних провинциальных выборных можно считать до 500, если предположить, что города присылали по 10 человек, как их просили Пожарский и Трубецкой. Не менее 50 городов откликнулось на их призыв. Для того времени

такое число достаточно велико, тем более, что в него вошли города самых различных областей государства от Белого моря до Дона и Донца. В территориальном отношении состав представительства на соборе 1613 года был достаточно полон. В сословном отношении он был также полон: представлены были и служилый, и тяглый классы, были представители и вольного казачества. В своей массе собор, конечно, оказался органом тех слоев московского населения, которые участвовали в очищении Москвы и восстановлении земского порядка; он не мог служить ни сторонникам Сигизмунда, ни «воровской» тенденции вольного казачества. Однако, сторонники Сигизмунда, а равно и сторонники избрания вообще иностранного принца на соборе, по-видимому, были. Поэтому ход избирательной мысли на соборе был сложен и не гладок. Современники глухо говорят, что «по многие дни бысть собрания людем, дела же утвердити не возмогут и всуе мятутся семо и овамо»; «многое бысть волнение людем, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти».

2.

Первым решением собора, о котором заявлено было официально, был отказ ото всякой иноземной кандидатуры; торжественно постановили: «а Литовского и Свийского короля и их детей, за их многие неправды, и иных никоторых земель людей на московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть». Неизвестно точно, кто именно предлагал в цари иноземца. В Ярославле шли очень серьезные переговоры относительно шведского принца и, можно думать, Пожарский допускал возможность его призвания. Сигизмунду и Владиславу

в 1612 году (в декабре) доносили, что «на Москве у бояр, которые вам, великим господарям, служили, и у лучших людей хотение есть, чтоб просити на господарство вас, великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича». Есть также известия, что у некоторых москвичей бродила мысль о возможности приглашения на московский престол кого либо из Габсбургов. Все эти соображения и чаяния об иноземцах были пресечены собором, и один из современников, упомянув об этом, выразился так, что «начальници же паки восхотеша себе царя от иноверных, народи же ратнии не восхотеша сему быти», то есть высшие слои избирателей готовы были призвать иностранца, а низшие воспрепятствовали этому. Как бы то ни было, вопрос об иностранцах был снят, а кстати и отвергнута «Маринка с сыном», то есть, в сущности, уничтожена возможность отрождения самозванщины.

Покончив с этим, стали обсуждать дело далее: «говорили на соборех о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст на Московском государстве быти государем», то есть, перебирали обруселое потомство татарских и горских (с Кавказа) князьков и свое, московское, боярство. Наступила самая трудная минута избирательной сессии: не легко было решить, который из «великих родов» мог бы превратиться в династию. Сторона «княжат» была совершенно разбита смутою, и ее руководители Шуйские и В. В. Голицын были за пределами государства, в плену у короля; остальные за «службу» Владиславу и за сидение с поляками в Кремлевской осаде почитались за «изменников». Не в лучшем положении была и другая сторона дворцовой знати. Годуновский

род вовсе упал по смерти Бориса. Шереметевы разбрелись по всем лагерям и партиям. Романовы также переживали тяжелую пору: их глава и единственный талантливый представитель Филарет был в плену в Польше, остальные же были незначительны сами по себе и были в разброде. Из «великих родов» некого было в данную минуту счесть за виднейшего и достойнейшего кандидата на престол. К тому же, крупнейшие бояре после московской осады уехали из Москвы, избегая ложного положения, в какое они попали после московской осады. Их «в думу не припускали», то есть устранили от участия во временном правительстве Пожарского и Трубецкого, и даже «писали об них в городы ко всяким людем: пускать их в думу, или нет?» Как решился этот вопрос, неизвестно, но в результате бояр не было ни на соборе, ни в Москве, а оказались они «в городах», то есть, разъехались по своим вотчинам.

На смену им жизнь выдвинула новые авторитеты – Пожарского и других «начальников» земской рати и руководителей временного правительства. Трудно объяснить, почему они сами не стали претендентами на царство, но очевидно, что их влияние на собор не было значительным. Выше сказано, что они клонились к призванию иноземца, но в этом разошлись с массою рядовых избирателей, и должны были ей уступить. При таких условиях понятно, что настроение избирателей разбилось, и каждый хотел «по своей мысли деяти»; наступила избирательная горячка с обычными ее свойствами – агитацией и подкупами: «многие же от вельмож, желающе царем быти, подкупахуся, многим и дающе и обещающе многие дары». Наконец, 7 февраля 1613 года, собор избрал царем сына Филарета Романова Михаила Федоровича.

Смута научила московских людей быть осторожными: собор отложил оглашение совершенного им избрания на две недели – до 21 февраля. В эти две недели, во-первых, «послали Московского государства по бояр в городы, по князя Ф. И. Мстиславского с товарищи, чтоб они для большого государственного дела и для общего земского совету ехали к Москве наспех». А во-вторых, «во все городы Российского царствия, опричь дальных городов, послали тайно во всяких людех мысли их Филарет был в плену в Польше, остальные же были незначительны сами по себе и были в разброде. Из «великих родов» некого было в данную минуту счесть за виднейшего про государское обиранье проведывати верных и богобоязненных людей, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех». И только тогда, когда посланные съехались из городов с хорошими вестями и бояре собрались в Москву, – 21 февраля М. Ф. Романов был провозглашен царем в большом Московском дворце, еще не отстроенном после двухлетней польской оккупации.

3.

Не трудно понять, почему после многих колебаний собор остановился именно на Михаиле Федоровиче Романове. С первого взгляда, правда, его кандидатура представляется странной: очень юный, недостигший и 20 лет; болезненный, потому что «скорбел ножками» от последствий ушиба; тихий и недеятельный, – он был «не прочен» к благополучию государства. Он был лишен хорошего руководства, так как отец его томился в плену за пределами России, а единственный дядя, Иван Никитич, был ничтожный по способностям и разбитый

параличом человек. В более дальней родне Михаила не было способных и достойных людей, кроме, разве Федора Ивановича Шереметева, видного и почтенного боярина того времени. Как можно было призывать на престол такого кандидата? Однако, чем ближе вглядываемся в обстоятельства той минуты, тем яснее понимаем, что Михаил Федорович был единственным лицом, на котором могли сойтись обе стороны, еще не окончательно примиренные, московского общества – земство и казачество. Надобно помнить, что избирательная кампания проходила под давлением московского гарнизона, в котором численно преобладали казаки: они были опасны своим многолюдством и дерзки сознанием своей силы. Они не слушались власти: «во всем казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят», говорит современник. Еще в декабре 1612 года казаки в Москве рассуждают о царском избрании, «чтоб обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского (сына) Калужского».

Таким образом, в самом начале соборной сессии кандидатура Михаила была поставлена с казачьей стороны вместе с кандидатурою Воренка. Последнюю земщина принять, конечно, не могла, и моральный авторитет собора не позволил ее и обсуждать: она была упразднена тотчас после начала соборных заседаний вместе с кандидатурами «иноверных». Но чем решительнее земщина становилась против Воренка, тем внимательнее она должна была отнестись к другому казачьему кандидату. Нет сомнения, что казаки выдвигали Михаила «Филаретова сына» по Тушинским воспоминаниям, потому что имя Филарета прочно было связано с Тушинскими таборами. Но фамилия Романовых была связана и с иным

рядом московских воспоминаний. Из этого рода вышла первая жена Грозного, Анастасия Романовна, «голубица», имя которой вспоминалось с сочувствием и почтением. Брат ее, Никита Романович, во время Грозного пользовался редкою популярностью, как способный администратор, не служивший в опричнине, и гуманный человек. Его имя славилось в народных и казачьих песнях, как друга и защитника угнетенных. Последний царь из старой московской династии, Федор Иванович, сын Анастасии, по матери принадлежал к тому же Романовскому роду. Совсем независимо от казаков в 1610 году, когда в Москве после свержения Шуйского шла речь о призвании Владислава, некоторые слои московского населения считали Михаила Федоровича Романова лучшим кандидатом на царство, чем Владислава.

Таким образом, выдвинутая казаками еще до собора кандидатура Михаила на самом земском соборе получила значение общеземское, и когда выяснилось, что, кроме Михаила, нет таких имен, которые могли бы сочетать на себе желания казачества и прочих классов населения, то Михаил и был избран. Его избрание имело тот смысл, что мирило в самом щекотливом пункте две еще не вполне столковавшиеся общественные силы и создавало им возможность дальнейшей солидарной работы и примирения. Вот почему радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения была искренняя и велика, и московские люди были правы, когда писали, что Михаил был избран «единомысленным и нерозвратным советом» его будущих подданных.

Так представлялось дело избирательному собору. Сторонние наблюдатели, как русские, так и иноземные, отметили, однако, одну такую черту в ходе царского

избрания, какой нет в избирательной грамоте и в других официальных документах об избрании. В русской письменности сохранились некоторые намеки на то, что собор не сам пришел к мысли об избрании Михаила, а был к ней приведен посторонним давлением, вмешательством со стороны. Есть рассказ, например, о том, что права Михаила на трон объяснил собору пришедший в его заседание какой-то «славного Дону атаман»; есть и другой рассказ, что к Троицкому монаху Авраамию Палицыну на монастырское подворье в Москве приходили вместе с дворянами и казаки с просьбой доложить собору их мысль об избрании Михаила.

Эти не вполне определенные сообщения содержат в себе намеки, достаточно деликатные, на казачье влияние в Москве, на то, что первая мысль о Михаиле принадлежала именно казакам. Не намеки, а прямые утверждения, и притом не деликатные, о том же самом исходили от поляков. В официальных объяснениях польских дипломатов с московскими в первое время по выборе Михаила москвичам приходилось выслушивать «непригожие речи». Лев Сапега грубо высказал Филарету при московском после, что «посадили сына его на Московское государство государем одни казаки донцы». А Гонсевский говорил князю Воротынскому, что Михаила «выбирали одни казаки». В острых перекорах между послами слышались и такие слова, что «Романов – казачий царь». Как и поляки, шведы высказывали то же убеждение, что в Москве при избрании Михаила все делалось под казачьим засилием. Учитывая эти впечатления иностранцев, историк не должен забывать, что роль казачества в царском избрании не была скрыта и от московских людей, но представлялась им она иначе,

чем иностранцам. Царское избрание, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось земским людям особым благодеянием Господним, и приписывать казакам избрание того, кого «сам Бог объявил», было в их глазах неприличною бессмыслицей.

Глава пятая
ПОСЛЕДСТВИЯ СМУТЫ

1. База новой власти – средние классы. Смена правящего класса: падение боярства и успехи поместного дворянства. Созданная смутою связь дворянства с посадским населением. Поражение казачества. 2. Смута содействует росту политического сознания и самодеятельности в Московском обществе. Местные советы в смутное время и «вся земля». 3. Культурные новшества и внешняя политика после смуты.

1.

Избрание Михаила Федоровича считается, обыкновенно, концом смуты. Новому московскому царю оставалась лишь борьба с последствиями пережитой государством катастрофы и с последними уже слабыми вспышками острого общественного брожения. Нижегородскими вождями социальная борьба была ликвидирована. После поражения и разгрома боярского правительства 1610 года, после распадения Ляпуновского дворянского правительства 1611 года, дело дошло до «последних людей» (как выразился один современник), и почин этих последних московских людей, посадских тяглецов Нижнего-Новгорода привел к решительному успеху. По очереди, в порядке сословной иерархии,

брались за дело государственного восстановления разные классы московского общества, и победа досталась слабейшему из них.

Боярство, богатое правительственным опытом, гордое «породою» и «кипящее» богатством, пало от неосторожного союза с иноверным врагом, в соединении с которым оно искало выхода из домашней смуты. Служилый землевладельческий класс, несмотря на то, что владел воинской организацией, потерпел неожиданное поражение от домашнего врага, в союзе с которым желал свергнуть иноземное иго. Нижегородские посадские люди в начале своего дела были сильны только горьким политическим опытом и научились на чужих примерах бояться неверных союзников больше, чем открытых врагов. Они осмотрительно подбирали в свой союз только те общественные элементы, которые представляли собою консервативное ядро московского общества. Это были служилые люди средних и мелких статей, не увлекшиеся в «измену» и «воровство», и тяглые «мужики» городских и уездных миров северной половины государства, наименее расшатанной кризисом XVI века и смутою последних лет. Это была общественная середина, которая не увлекалась ни реакционными планами «княженецкого» боярства, ни тем исканием общественного переворота, которое возбуждало крепостную массу крестьян и холопей.

Объявив открытую войну «воровскому» казачеству, называя «изменниками» всех тех, кто был заодно с польскою властью, вожди ополчения 1612 года обнаруживали вместе с тем большую гибкость и терпимость в устройстве своих отношений. Их осторожность не переходила в слепую нетерпимость, и все те, кто принимал

их программу и не возбуждал их подозрений, получал их признание и приязнь. Казак, пожелавший стать служилым казаком на земском жалованьи; тушинец, даже литвин, поляк, или иной чужеземец, шедший на земскую службу «за дом пресвятые Богородицы», не встречали отказа и становились в ряды ополчения. Эти ряды служили приютом всем, кто желал содействовать восстановлению национального государства и прежнего общественного строя. Именно эта определенность программы и вместе с тем широкое ее понимание дали успех ополчению 1612 года и постепенно обратили его «начальников» в устойчивую и прочную государственную власть. Усвоив эту программу и опираясь на создавшую ее силу средних классов населения, царь Михаил удержался на престоле, мог положить начало новой династии и укрепить порядок.

Многообразны были последствия пережитой Московском государством смуты. Классовая борьба, шедшая длительно и упорно, не привела к революционной перемене общественных отношений. Вмешательство иностранных государств в эту борьбу не уничтожило государственной самостоятельности Москвы. Но и внутренний строй московского общества и внешние отношения Москвы претерпели глубокие изменения. Напрасно Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и другие историки думали, что смута ничего не изменила в ходе московской истории и в конце концов вернула московскую жизнь в старое русло, «как при прежних великих государех бывало». Смута сделала московскую жизнь иною во многих отношениях.

Прежде всего, в смуте окончательно погибла вековая московская знать, недобитая Грозным. Озлобленные его

гонениями «княжата» все-таки пережили Грозного и видели конец его династии. Они считали за собою право наследовать ей и, погубив Годуновых, возвели на престол своего вожака князя Василия Шуйского. Однако, смута оказалась сильнее боярской олигархии и погубила Шуйского. Тогда бояре бросились в унию с Речью Посполитою и, попали в тяжелую польскую неволю, оказались в «измене» и потеряли всякий моральный кредит и политическую силу. Новое правительство образовалось без них в Ярославле; новая династия была создана без них в Москве. Те немногие «княженецкие» великие роды, которые не вымерли во времена опричнины и смуты, в XVII веке зачахли и обеднели; новая династия, отодвинув их на задний план, создала вокруг себя и новую знать, придворно-бюрократическую, с крупными имуществами, земельными и денежными. Старым «княжатам», чтобы сделать карьеру, приходилось идти тем же путем личной выслуги и дворцового фавора, которым шли прочие карьеристы XVII века, говорившие, что «государь, что Бог: и малого великим чинит».

Изменилось, благодаря смуте, положение служилого класса – «дворян и детей боярских», государевых помещиков. В XVI веке правительство деятельно устраивало этих помещиков на поместных землях, крепя за ними всякими мерами крестьянский труд и добиваясь того, чтобы они «устройно» служили. С этою целью дворяне каждого уезда были организованы в военную единицу – «город», и во главе «города» стояли выборные дворяне «окладчики», обязанные держать на учете всех дворян уезда. Конечно, это была некоторая организация, но существовала она не для самоуправления и

не в интересах дворян. Вне служебной связи они были разобщены и одиноко сидели по своим поместьям. В смуту, когда правительственное влияние ослабело, а враг, тот или иной, внезапно налетал на уезд, в виде ли польского отряда, или в виде казачьей станицы, – дворяне не умели встретить опасность вместе, заодин; они в одиночку спасались по лесам, или же бросались в ближайший город и там отсиживались вместе тяглым населением города. Только опираясь на посадских «мужиков», питаясь городским запасом, с городским «нарядом» (пушками), обращались они в благоустроенную рать и становились силой. В смуту это происходило часто. Общая опасность сближала и роднила эти общественные классы и в Ярославском ополчении, слив их в народную армию, окончательно соединила их в прочный союз средних классов.

Этот союз и оказался победителем в социальной борьбе. Он освободил Москву; он создал правительствеоПожарского; он наполнил своими представителями земский собор 1612–1613 гг.; он, наконец, избрав царя, стал около него твердою опорою его власти. Из среды этого союза выходили виднейшие люди новой московской администрации: городской воевода; приказный судья; приказный дьяк; ведавший «государеву казну» и казенное хозяйство торговый человек – «гость» или купец «гостиной» и «суконной сотен». Через два-три десятилетия после первой своей победы 1612 года дворянство уже чувствовало свою силу и предъявляло правительству ряд настоятельных петиций, – правда, в весьма почтительной форме, – об удовлетворении его сословных нужд, а в 1648 году выступило, хотя и корректно, но уже менее почтительно, с требованием законодательной

реформы. Англичанин Флетчер был прав, когда в 1591 году предсказывал, что победа в московском междоусобии будет принадлежать не знати и не народной массе, а общественной середине – «войску» (the militarie forces).

Насколько успела общественная середина, настолько проиграли общественные низы, действовавшие в смуту под именами казаков и воров. Им удалось тремя ударами (1606, 1608, 1611 гг.) расшатать и опрокинуть государственный «боярский» порядок и даже – на короткий миг – овладеть правительственным аппаратом. Но они не принесли с собою, взамен нарушенного ими строя жизни, ничего нового ни в идее, ни в практической форме. Они были силою разрушительной, но отнюдь не созидательной, и нейтральным слоям земщины они не давали ничего такого, что могло соблазнить их в пользу «казачества» против «боярства». Вот почему «вся земля» стала против казаков и объявила им войну. В 1612 году она их победила окончательно.

Из-под Москвы ушла на Дон, а затем на Каспий, та часть казаков, которая не желала капитулировать перед земщиной. Наиболее радикальные из них, потеряв надежду овладеть Русью, завели переговоры с Персидским шахом о подданстве; но раньше, чем оно осуществилось, они были побиты московскими войсками, а вождь их Заруцкий казнен. Другие круги казаков основались на Дону в виде своеобразного сообщества с выборною властью («старшиною») во главе. А те казаки, которые под Москвою соединились с Пожарским и составили московский гарнизон, мало-помалу, распределились по различным «службам». Наконец, остаток «воровских» казаков, продолжавших разбойное дело под Москвою и вообще на Руси, был беспощадно истреблен. «Воровское»

казачество перестало существовать. А так как крепостной строй в государстве продолжал тяготеть над трудовою массою, то продолжались и побеги из крепостных хозяйств. Беглецы теперь шли на Дон и собою «полнили реку», но в течение целого полувека там не возникало и мысли «тряхнуть Москвою». Снова отродилась эта мысль только в пору пресловутого Стеньки Разина.

Так, стало быть, смута не изменила общественного строя Москвы, но она переместила в нем центр тяжести с боярства на дворянство. Произошла смена господствующего класса, и новый господствующий класс сохранил на будущее время за собою и право на крестьянский и холопий труд, и право на придворную и служебную карьеру. Он явился полноправным наследником прежних «высокородных» княжат и бояр – «государей всея Руския земли», нашедших в смуте свой политический конец.

2.

Глубокие изменения произвела смута и в области политических понятий и отношений московских. Московское государство XVI века, до смуты, это – «вотчина» царя и великого князя. Вся полнота владельческих прав древнего удельного князя на наследственный удел была усвоена московскими государями и распространена на все государство. Население этой вотчины не было гражданами своего отечества, а почиталось или «слугами» и «холопями» своего хозяина-государя, или его «богомольцами», или же «сиротами», ведшими свое хозяйство «на земле государевой в своем посельи». Московские люди иначе не мыслили своего царства, как в виде «дома», имевшего своего собственника и владыку,

«сильножителя», как выразился один из московских писателей. Когда этот «сильножитель» умер, иначе, когда прекратилась московская династия, «дом» остался без главы и хозяина и был разоряем «домовозрастными» рабами. Именно своеволием рабов в выморочном хозяйстве и представляли себе смуту старозаветные московские люди. Но потрясающие события смуты и необходимость строить дом без «хозяина» заставили московские умы прозреть и понять, что страна без государя все же есть государство, что «рабы» суть граждане и что на них самих лежит обязанность строить и блюсти свое общежитие.

Когда порвались старые связи, объединявшие области в общем подчинении Москве, и развалился в смуте общий государственный порядок, тогда получили большее значение совместные. Без агентов центрального правительства настоящей властью стали агенты самоуправления. Правительственные распоряжения заменились постановлениями местных «миров». Целые области стали жить соглашениями таких «миров», по соседству вступавшими друг с другом в постоянные сношения. Эти сношения или «обсылки» происходили и между далекими друг от друга городами. Обычно происходило так, что различные сословные организации одного города или уезда составляли один общегородской или общеуездный совет, и уже этот совет от лица города или уезда вступал в переписку с другими городами и звал к себе их послов или же к ним посылал своих.

Особенно в 1611 году распространился этот обычай посылать «до доброго совета» в другие города земских послов. Так, известный рязанский воевода Ляпунов послал в Нижний «для договора» дворянина Биркина с

дьяком, дворянами и всяких чинов людьми, а в Калугу своего племянника с дворянами. Из Казани на Вятку ездили послами сын боярский, два стрельца и посадский человек. Пермь отправила двух «посыльщиков» в Устюг «для совету о крестном целованье и о вестех». Из Галича на Кострому «для доброго совета» прислали дворяне одного дворянина, а посадские люди одного посадского человека. Из Ярославля «от всего города» дворянин да посадский человек посланы были в Вологду. Из Владимира в Суздаль отправили «на совет» дворян и посадских «лучших» людей. Словом, посылка из одного города в другой представителей, выбранных местными обществами, стала обычаем, и соединение в одном всесословном «совете» представителей нескольких областей произошло естественно, вследствие исключительных событий Смутной эпохи. Местная самоуправляющаяся община с своей выборной «земской избою» послужила как бы основою, на которой возникал сначала всесословный совет «всего города», а затем совет и нескольких городов, образуемый выборными изо всех слоев свободного населения, именно духовенства, дворянства и тяглых людей.

На этой же самой основе возник и выборный «совет всея земли» – в тот момент, когда советные люди из городов соединились впервые в общеземском соборе и стали считать себя высшею властью в государстве. Это произошло во время наибольшей «разрухи», когда Московское государство казалось совершенно погибшим от внешнего завоевания и внутреннего междоусобия. Тогда в отчаянном порыве «последние люди» московские поднялись за родину, успели соединиться в общее ополчение 1612 года и из знакомых им форм местного

выборного представительства создали выборный «совет всей земли». Не имея другой власти, кроме выборной, эти «последние люди» и передали выборному своему совету верховное руководительство всеми делами страны.

Так в ужасах смут родилась «вся земля» – полномочный совет земских выборных людей, который почитал самого себя верховным распорядителем дел и хозяином страны. Рядом со старым понятием «царя государя и великого князя всея Руси» стало новое представление о «всей земле, олицетворяемой ее выборными. Рядом с «великим государевым делом» стало «великое земское дело». Избранному «всею землею» новому царю царство уже не могло стать просто «вотчиною», ибо вотчинных прав на государство у нового царского рода не бывало. Новый царь получал власть не над частным имуществом, а над народом, который сумел организовать себя и создать свою временною власть во «всей земле». Власти постоянной, возникшей в лице нового государя, надлежало определить свои отношения ко «всей земле» и править ею вместе с нею. Старинный вотчинно-государственный быт уступал место новому, высокому и сложному, – государственно-национальному. Новая власть и должна была действовать сообразно новым условиям.

В первые дни своего царствования царь Михаил Федорович чувствовал себя в затруднительном положении; смута внутри еще продолжалась; внешние враги угрожали по-прежнему; средств в казне не было. Земский собор, избравший царя, употреблял все усилия к тому, чтобы достичь порядка, собрать силы и средства. Но скоро это не могло сделаться, и молодой государь с упреком указывал собору на «нестроения», грозя не принять врученной власти и даже колеблясь, ехать ли

ему в столицу. Он не видел возможности править страною и унять «всемирный мятеж» без содействия собора и требовал этого содействия, призывая себе на помощь «всю землю» во всяких делах управления. Иначе говоря, на первых же порах новый государь хотел править с собором и не видел в этом умаления своих державных прав и своей власти. Со своей стороны, и «вся земля» нисколько не желала умалять власть своего избранника и с послушным усердием шла ему на помощь во всем, в чем могла. Земский избранник и народное собрание не только не спорили за свои права и за свое первенство, но крепко держались друг за друга в одинаковой заботе о своей общей целости и безопасности.

Сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее земский совет к полнейшему согласию и обращало царя и «всю землю» в одну нераздельную политическую силу, боровшуюся с враждебными ей течениями внутри государства и вне его. Так обстоятельства Смутной поры придали государственной власти московской сложный состав: эта власть слагалась из личного авторитета неограниченного государя и коллективного авторитета собора «всея земли». Всякое «великое государево и земское дело» делалось тогда «по указу великого государя и по всея земли приговору». При этом государев указ охотно опирался на земский приговор, а земский приговор получал силу только по государеву указу. Не существовало никаких хартий, которыми определялось бы это взаимоотношение власти и земского представительства, и нет никакой возможности говорить об «ограничении» власти Михаила Федоровича; но тесная связь царя и «всея земли» и (коллективный характер государственной власти при царе Михаиле стоят вне сомнений.

В первые десять лет царствования Михаила Федоровича земский собор, по-видимому, непрерывно действовал в Москве и «вся земля» всегда была около своего государя. В остальное время жизни царя Михаила соборы созывались чрезвычайно часто, хотя уже нельзя говорить об их непрерывности. Успокоение государства совершилось и замирение на границах было достигнуто. Смутные времена кончились и общественная, жизнь вошла в мирную колею. Власти не было уже необходимости постоянно спрашивать мнения «всей земли» и опираться на ее приговор. При сыне Михаила Федоровича, царе Алексее, в порядках управления брало верх – чем далее, тем более – «приказное» начало, бюрократизм; соборы созывались реже и реже, и «вся земля» понемногу становилась не управляющей, а управляемой и опекаемой средою. Но долго еще московские люди вспоминали подвиги «всей земли» и верили, что без нее нет спасения в опасностях. Как только приходило какое-либо экстренное государственное дело, они указывали, что «то дело великое всего государства всей земли», «то дело всего государства – всех городов и всех чинов», и у великого государя «милости просили», чтобы он «указал для того дела взять изо всех чинов на Москве и из городов лучших людей»... Так говорилось, например, в 1662–1663 гг. во время голода и денежных затруднений в Московском государстве.

3.

Сверх новшеств социальных и политических смута внесла в московскую жизнь и новшества культурные. До смуты только царский двор и случайно отдельные лица соприкасались с иноземцами и видели их в Москве;

очень редко по служебным обязанностям русские послы или же «гости» (торговые агенты) попадали за границу и воочию наблюдали европейскую жизнь. В смутное время соприкосновение с иностранцами у москвичей стало постоянным и общим. За первым самозванцем в Москву явились сотни, даже тысячи поляков, «литвы» и всякого рода «немцев» – военных, торговых и промышленных. Пострадав в погроме 1606 года, иностранцы снова явились в Тушине и оттуда разбрелись по всей стране в Тушинских отрядах. С другой стороны, со Скопиным явились они в Москву в виде «кованой рати» ландскнехтов (наемных солдат); оттуда прошли они в Клушино и обратно в Новгород, где надолго засели.

Общение с этими разноплеменными пришельцами стало для русских неизбежною необходимостью и повлекло за собою, главным образом, два последствия. Во-первых, русские люди убедились в том, что для их собственных нужд и польз следует усвоить европейскую технику. После смуты московское правительство широко заимствует с Запада военную и всякую, иную «науку». А во-вторых, русские увидели, что «литва», «ляхи» и «немцы» умеют веселее жить и не боятся небесной кары за житейские утехи, ибо не вменяют их в грех, подлежащий покаянию и наказанию. Если первое последствие – деловое заимствование – было неизбежно и совершалось по долгу службы, из государственного интереса, то второе было делом личного почина и вкуса. Европейский костюм, бритье бороды, музыка, затейные предметы домашней обстановки проникают в московскую жизнь вместе с латинской и польской книгой, религиозным вольнодумством, политической идеей. В XVII веке в Москве идет умственное брожение, несущее с собою

зачатки той европеизации Руси, которая так широко шагнула вперед при Петре Великом.

Наконец, чтоб исчерпать вполне перечень того, что надлежит считать последствиями смуты, мы должны вспомнить ход внешней политики Москвы в XVII веке. Из смуты Московское государство вышло с утратою своих западных областей. Новгород и другие города «от Немецкой украйны» были захвачены шведами; Смоленск и города от «Литовской украйны» были взяты поляками. Московская политика при новой. династии ни на минуту не забывала этих утрат. Шведы скоро отдали Новгород, оставив за собою только морское побережье от р. Наровы до г. Корелы (1617). Смоленск же продолжал быть за Речью Посполитою, и Владислав считал себя, кроме того, московским государем.

Все силы Московского государства были направлены на ликвидацию счетов с этими врагами, и более всего с поляками. Идея возмездия жила в московских сердцах независимо от желания вернуть себе утраченные земли. Все войны XVII века велись с этою идеею возмездия, и только в 1686 году с Речью Посполитою достигли «вечного мира» вместо срочных перемирий; и только при Петре Великом свели окончательные счеты со Швецией. Постоянные военные расходы на содержание ратной силы и на ведение войн тяжелейшим образом ложились на население и разоряли государство. Но оставить счеты с теми, кто в смуту делал Москве «многие неправды», московские люди не могли, как не могли они примириться с мыслью об утрате морского берега и свободных сношений с Балтийскими гаванями. Море повелительно влекло к себе всех московских политиков XVII века.

«Из русского прошлого»

Академик С. Ф. Платонов

Смутное время

Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков

Ответственный за выпуск *А. Макаров*

Дизайн обложки *К. Струков*
Корректор *Б. Погодин*
Техническое содействие *С. Виноградов*, *В. Королевский*

Подписано к печати 19.01.2007 г. Формат 70 x 100 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 14
Тираж 1 000 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
http: www.airo-xxi.ru

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Институт Русской литературы (Пушкинский дом)
Российской Академии Наук
Телефон/факс (812) 542-52-23
E–mail: dbulanin @ sp.ru
http: www.dbulanin.ru
ЛР № 061824 от 11.03.1998.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК–005–93;
953001 – книги, 953150 – литература по истории и историческим наукам